

Латинская Америка

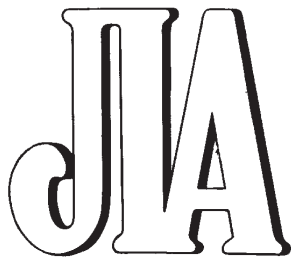
ISSN 0044-748X

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
НАУЧНЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

2

2024

Основан в 1969 году

Учредители: Академия наук СССР, Институт Латинской Америки

Латинская Америка № 2/2024

Ежемесячный научный и общественно-политический журнал РАН

Издается под руководством Отделения глобальных проблем

и международных отношений РАН

Включен в список ВАК

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Включен в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science

ISSN 0044-748X Индекс 70497 Москва

Главный редактор В.Л.ХЕЙФЕЦ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АЛБКАНТАРА САЭС М. (Ун-т Саламанки (Испания), Боливарианский Папский ун-т Медельина, Колумбия); БАТТЪЯНИ К. (Ун-т Республики (Уругвай), Генеральный секретарь Латиноамериканского совета по общественным наукам; ДАВЫДОВ В.М. (ИЛА РАН, Москва); ЖЕБИТ А. (Федеральный ун-т Рио-де-Жанейро, Бразилия); ИВАНОВСКИЙ З.В. (ИЛА РАН, МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва); КОВАР-РУБИАС ВЕЛАСКО А. (Колехио де Мехико, Мексика); КОНСТАНТИНОВА Н.С. (ИЛА РАН, Москва); КОФМАН А.Ф. (ИМЛИ им. А.М.Горького РАН, Москва); МАРТИНЕС ПЕРЕС Х. (Национальный автономный ун-т, Мексика); МАРТЫНОВ Б.Ф. (МГИМО МИД России, Москва); МАССОН СЕНА К. (Кубинский ин-т культурных исследований им. Хуана Маринельо, Куба); НОЛЬТЕ Д. (Немецкий ин-т глобальных проблем, Германия); ОКУНЕВА Л.С. (МГИМО МИД России, Москва); РУВИНСКИЙ В. (Ун-т ИСЕСИ, Колумбия); СЕРБИН А. (Региональный центр координации экономических и социальных исследований, Аргентина); СУДАРЕВ В.П. (ИЛА РАН, Москва); ТИКНЕР А. (Ун-т Росарио, Колумбия); ХЕЙФЕЦ В.Л. (главный редактор журнала «Латинская Америка», Москва); ХЕЙФЕЦ Л.С. (СПбГУ, Санкт-Петербург); ШЕСТОПАЛ А.В. (МГИМО МИД России, Москва); ШКОЛЯР Н.А. (ИЛА РАН, Москва); ЩЕЛЧКОВ А.А. (ИВИ РАН, Москва); ЩЕТИНИН А.В. (МИД России, Москва); ЯКОВЛЕВ П.П. (ИЛА РАН, РЭУ им. Г.В.Плеханова, Москва); ЯНКЕЛЕВИЧ П. (Колехио де Мехико, Мексика)

КОРРЕСПОНДЕНТЫ: И.М.КУРГУЗОВ — В САНТЬЯГО, kim-la@mail.ru

МАНУЭЛЬ ЛОЙОЛА — В САНТЬЯГО, manuel.loyola@gmail.com

А.Ю.ЧУРИКОВ — В КАРАКАСЕ, achurikov@list.ru

Над номером работали: С.Е.АЛЕКСАНДРОВ, К.Э.ДАБАГЯН, А.Б.НОВИКОВА, А.Э.САЛТАЙС (зав. редакцией)

Адрес редакции: 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, 21

Телефон: 8-495-951-01-67; электронная почта: revistala@mtu-net.ru

© Российская академия наук, 2024.

© Составитель: Редакционный совет журнала «Латинская Америка», 2024.

Latinskaya Amerika N 2/2024

(Latin America)

Founded in 1969

Established by

Academy of Sciences of the Soviet Union

Institute of Latin America

Scientific, social and political journal of Russian Academy of Sciences

Issued monthly

Published under the authority of the Global Problems

and International Relations Department of the RAS

Included in the list of the Higher Attestation Commission

Included in Science Index, Russian Science Citation Index on the base of Web of Science

ISSN 0044-748X Index 70497 Moscow

Chief Editor VICTOR L. JEIFETS

EDITORIAL BOARD:

ALCANTARA SAEZ M. (Salamanca University (Spain), Bolivarian Pontifical University of Medellin, Colombia); BATTHYANY K. (University of Republic, Uruguay), the Latin American Council of Social Sciences; DAVYDOV V.M. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); COVARRUBIAS VELASCO A. (College of Mexico, Mexico); ZHEBIT A. (Federal University of Rio de Janeiro, Brazil); IWANOWSKI Z.W. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); KHEIFETS V.L. (editor in chief, Russia); KHEIFETS L.S. (Saint-Petersburg State University, Russia); KONSTANTINOVA N.S. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); KOFMAN A.F. (Institute of World Literature and Arts, RAS, Russia); MARTINEZ PEREZ J. (National Autonomous University, Mexico); MARTYNOV B.F. (Moscow State University of International Relations of Ministry for Foreign Affairs, Russia); MASSON SENA C. (Cuban Institute for Cultural Studies Juan Marinello, Cuba); NOLTE D. (German Institute of Global Affairs, Germany); OKUNEVA L.S. (Moscow State University of International Relations of Ministry for Foreign Affairs, Russia); ROUVINSKY V. (ICESI University, Colombia); SCHELCHKOV A.A. (Institute of General History, Russia); SCHETININ A.V. (Ministry for Foreign Affairs of Russia, Russia); SERBIN A. (Regional Coordinating Center for Economic and Social Studies, Argentina); SHESTOPAL A.V. (Moscow State University of International Relations of Ministry for Foreign Affairs, Russia); SHKOLIAR N.A. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); SUDAREV V.P. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); TICKNER A.B. (University of Rosario, Colombia); YAKOVLEV P.P. (Institute for Latin American Studies of RAS, Russia); YANKELEVICH P. (College of Mexico, Mexico)

Correspondents: I.M.KURGUZOV — in SANTIAGO, kim-la@mail.ru

MANUEL LOYOLA — in SANTIAGO, manuel.loyola@gmail.com

A.Yu.CHURIKOV — in CARACAS, achurikov@list.ru

The present issue of journal by S.E.ALEKSANDROV, K.E.DABAGIAN, A.B.NOVIKOVA, A.E.SALTAIS (managing editor)

Editorial address: 21 Bolshaya Ordynka Str., 115035 Moscow, Russia

Phone number: +7 495 951 01 67; e-mail: revistala@mtu-net.ru

© Russian Academy of Sciences, 2024.

© Compiler: Editorial Board of «Latinskaya Amerika», 2024.

В НОМЕРЕ:

ПОЛИТИКА

- 6 А.Л.Чернышев. **Этнополитические конфликты в Мексике: аграрный и этнический факторы**
- 21 К.С.Стригунов. **Преступные организации как субъекты неклассических войн и угроза государственному суверенитету Мексики**

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ

- 40 А.Н.Пятаков. **Россия — Латинская Америка. Военно-технический фактор в контексте специальной военной операции**

ИБЕРИЙСКИЙ АСПЕКТ

- 51 Ю.А.Белоус. **Социально-экономические детерминанты центробежных тенденций в Стране Басков на современном этапе**

КОНКУРС МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

- 62 А.В.Кузьмин. **Место и перспективы развития *CELAC* в процессах латиноамериканской интеграции**
- 76 А.П.Игнатович. **Роль традиционного сектора энергетики в условиях нынешнего энергетического кризиса. Межпартийная дискуссия в Испании**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- 83 Д.И.Портнягин, М.Д.Портнягина. **Проблема антарктических и субантарктических территорий во внешней политике Великобритании (1945—1951 гг.)**
- 97 В.К.Мусин. **Руптуризм как социокультурный процесс в Чили в конце 1960-х — начале 1970-х годов**

РАЗМЫШЛЯЯ О ПРОЧИТАННОМ

- 104 Пабло Агустин Мастрогостино. **Стратегия великих держав по возвращению морей Глобального Юга**
- 111 Виталий Романович Доценко (1938—2024)

SUMARIO

POLITICA

- 6** Alexey Chernyshev. **Los conflictos etnopolíticos en México: los factores agrario y étnico**
- 21** Konstantín Strigunov. **Las organizaciones criminales en tanto que sujetos de las guerras no clásicas y la amenaza a la soberanía estatal de México**

VINCULOS INTERNACIONALES

- 40** Andrey Piatakov. **Rusia — América Latina. El factor militar y técnico en el contexto de la operación militar especial**

ASPECTO IBERICO

- 51** Yulia Beloús. **Las determinantes sociales y económicas de las tendencias centrífugas en el País Vasco en etapa contemporánea**

CONCURSO DE LOS JOVENES CIENTIFICOS

- 62** Alexey Kuzmín. **El lugar y las perspectivas del desarrollo de la *CELAC* en los procesos de la integración latinoamericana**
- 76** Anastasía Ignatovich. **El papel del sector energético tradicional en las condiciones de la actual crisis energética. La discusión entre los partidos**

PAGINAS DE LA HISTORIA

- 83** Dmitry Portniagin, María Portniagina. **El problema de los territorios antárticos y subantárticos en la política exterior de la Gran Bretaña (1945—1951)**
- 97** Vadim Musin. **El rupturismo en tanto que proceso social y cultural en Chile a finales de los 1960 — principios de los 1970**

REFLEXIONANDO SOBRE LO LEIDO

- 104** Pablo Agustín Mastragostino. **El retorno de los mares: las grandes potencias en las aguas del Sur Global**
- 111** **En memoria a Vitaly Dotsenko**

CONTENTS

POLICY

- 6 Alexey Chernyshev. **The ethnopolitical conflicts in Mexico: the agrarian and the ethnic factors**
- 21 Konstantin Strigunov. **Criminal organizations as subjects of non-classical wars and a threat to the state sovereignty of Mexico**

INTERNATIONAL TIES

- 40 Andrey Piatakov. **Russia — Latin America. Military-technical factor in the context of special military operation**

IBERIAN ADPECT

- 51 Yulia Belous. **Socio-economic determinants of centrifugal tendencies in the Basque Country at the present stage**

COMPETITION OF YUONG SCIENTISTS

- 62 Alexey Kuzmin. **Place and development prospects of CELAC in the processes of Latin American integration**
- 76 Anastasia Ignatovich. **The role of the traditional energy sector in the current energy crisis. An inter-party discussion in Spain**

HISTORY PAGES

- 83 Dmitry Portnyagin, Maria Portnyagina. **The problem of Antarctic and subantarctic territories in British foreign policy (1945—1951)**
- 97 Vadim Musin. **Rupturism as a socio-cultural process in Chile in the late 1960s — early 1970s**

THINKING ABOUT READ

- 104 Pablo Agustin Mastragostino. **The return of the seas: the great powers in the waters of the Global South**
- 111 **In memory of Vitaly Dotsenko**

А.Л.Чернышев

Этнополитические конфликты в Мексике: аграрный и этнический факторы

В статье рассматриваются факторы этнополитических конфликтов в Мексике, являющихся неотъемлемой частью политического процесса, происходящего в стране. Социальные требования аграрного характера, обусловленные курсом на модернизацию сельскохозяйственного сектора и сворачиванием мер господдержки крестьянства, с 1970-х годов уступают место этнокультурной риторике, политизации этничности и апеллированию к праву на исконные земли. Данный тренд соответствует переменам в структуре политических возможностей, в том числе демократическому транзиту в Мексике и эволюции международного права, касающегося прав коренных народов и этнических меньшинств.

Ключевые слова: Мексика, национальная политика, этнополитические конфликты, политизация этничности, автономии.

DOI: 10.31857/S0044748X24020015

Статья поступила в редакцию 28.07.2023.

Этнополитические конфликты являются неотъемлемой частью мексиканского политического процесса, что, с одной стороны, отражает реалии сложного этнического состава населения страны, а с другой — структуру политических возможностей и поиск путей обеспечения плюрализма с последней четверти XX в. Среди стран латиноамериканского региона в Мексике насчитывается крупнейшее в абсолютных величинах индейское население — 23 млн человек [1, р. 1], при этом фактор этничности в последние десятилетия выходит из традиционно несистемного поля и все активнее влияет на большую политику. Об этом можно судить по постоянным законодательным инициативам, выдвигаемым властями в этой сфере с 1990-х годов, в том числе действующим правительством Андреса Мануэля Лопеса Обрадора (2018—н/в), а также по росту влияния этнического фактора на электоральные процессы [2; 3]. Особым фактором продолжает оставаться внутренний вооруженный конфликт в штате Чьяпас, который в ряде иссле-

Алексей Львович Чернышев — независимый исследователь, Российская Федерация (chernyshev.latam@gmail.com, ORCID: 0000-0002-4802-0233).

ований квалифицируется как знаковый кейс этнополитических конфликтов в Латинской Америке [4, p. 525]. С точки зрения вызовов безопасности с середины 2010-х годов показателен и феномен вооруженной самообороны в штате Мичоакан, где этническая составляющая также играет не последнюю роль [5, pp. 10, 64-65, 141].

О важности этнических акторов в Мексике свидетельствуют и постоянный интерес к данному вопросу со стороны экспертно-академического сообщества. Практически в каждой серьезной публикации с 2000-х годов, посвященной мексиканской политике, так или иначе затронута этническая проблематика. В качестве примеров можно привести работу испанского политолога Сальвадора Марти-и-Пуча, анализирующего политическую и социально-экономическую ситуацию в Мексике с 2000 по 2012 г. [6], и коллективное исследование «Мексика: парадоксы модернизации», опубликованное ИЛА РАН под редакцией известного российского латиноамериканиста В.М.Давыдова [7].

В данной статье будут рассмотрены ключевые факторы этнополитических конфликтов в Мексике, в частности, социально-экономический, в первую очередь — аграрный и этнический. В рамках исследования применяются следующие методы: системный, позволяющий анализировать феномен в рамках теории структуры политических возможностей; компаративный для анализа аграрных предпосылок роста протестной активности по штатам; наконец, контент-анализ деклараций организаций, который помогает выявить социальные и этнокультурные составляющие мобилизации. Для понимания рассматриваемого феномена целесообразно обратить внимание на подход мексиканского социолога, Специального докладчика ООН по правам коренных народов с 2001 по 2008 г. Родольфо Ставенхагена, который справедливо утверждал, что этнические конфликты по сути являются социальными, политическими и экономическими, а этничность играет в них роль символа мобилизации, определяет природу и динамику конфликта [8]. Мексиканский антрополог Хосе Эдуардо Сарате Эрнандес, в свою очередь, называет этничность разновидностью культурной идентичности, которую используют для придания смысла политическому действию [9, p. 116]. Этот подход разделяют и отечественные исследователи В.А.Тишков и Ю.П. Шабаев.

Исследователи выделяют десятки этнических конфликтов, происходящих на территории Мексики. Они затрагивают такие народы, как тараумара, отоми, михе, масауа, трики, миштеки, тохолабали, яки, сапотекы, уичоли и др. По данным мексиканского социолога Нативидад Гутьеррес, большинство таких конфликтов возникают вокруг проблем, связанных с защитой территорий и природных ресурсов [10, pp. 13-14; 11], что подтверждается и в отчетах ООН, а также в резолюциях Межамериканской комиссии по правам человека (*Comisión Interamericana de Derechos Humanos, CIDH*).

Задействование политического ресурса этничности в Мексике является относительно новым явлением, которое фиксируется с 1970-х годов. К симптомам политико-идеологического кризиса режима Институционально-революционной партии (*Partido Revolucionario Institucional, PRI*) относится появление целого ряда общественных организаций, которые, помимо традиционной классовой борьбы, апеллировали к этнокультурной идентично-

сти как фактору коллективных действий и, помимо социальных, выдвигали культурные и этнические требования. Для понимания тренда в контексте того периода следует принять во внимание, что, хотя индейские протесты, по сути, были частью крестьянской мобилизации национального масштаба, апеллирование к этничности по ряду признаков носило во многом неожиданный характер, имело далеко идущие последствия, указывало на принципиально новую структуру политических возможностей и новые риски для властей. Во-первых, феномен свидетельствовал о крахе задач индигенистской аграрной политики как одного из идеологических столпов режима *PRI*. Глубину и силу этого удара, нанесенного партии, сложно переоценить, если учесть, что крестьянско-индейские массы как бенефициары аграрной реформы были, по выражению мексиканского антрополога Артуро Уормана, «любимыми чадами режима» [12], одной из опор его легитимности. Во-вторых, помимо вызова непосредственно властям, этническое движение фактически оспаривало проект формирования национального государства на базе единой культуры путем ассимиляции этнически обособленных групп и их интеграции в доминирующее общество.

Дать точную периодизацию явления политизации этничности — непростая задача, учитывая недостаток источников, подчас размытый характер процесса, репрессии, снижавшие активность мобилизации. Интересно отметить, что в программной работе мексиканского социолога испанского происхождения Армандо Бартры (1977 г.), посвященной радикализации крестьянской борьбы в 1970-е годы, этнический аспект практически не упоминается [13]. В качестве основных требований автор выделяет социальные (перераспределение земельной собственности, регулирование цен на продукты, размер оплаты труда и т.п.) и расценивает мобилизацию как крестьянскую, классовую, в том числе применительно к муниципалитетам и регионам с высоким процентом индейского населения. При этом уже с начала 1980-х годов в академической литературе по теме очевиден дрейф от классовых подходов к межэтническим, в частности, в работах мексиканских исследователей Эктора Диаса-Поланко [14; 15], Хильберто Лопеса-и-Риваса [16], Андреса Медины Эрнандеса [17], Гильермо Бонфиля Батальи [18], Серхио Сармьенто Сильвы [19]. В рамках аграрных конфликтов наблюдался рост этнической риторики, они стремительно трансформировались в этнические, а индейские организации выделялись из крестьянского движения в самостоятельный тренд. Мексиканский антрополог Луиса Паре, к примеру, в работе 1985 г. акцентирует внимание на индейском составе 14 из 21 организации, входивших в крестьянский Национальный координационный центр Плана Айяла (*Coordinadora Nacional Plan de Ayala, CNPA*) [20, p. 95].

Данные приведенной ниже таблицы не охватывают всей полноты описанного выше сложного явления, но все же позволяют оценить его лавинообразный характер, географию и охват этносов. К крупнейшим организациям этнического характера, созданным в период с 1970-х по 1990-е годы, можно отнести следующие: сапотекскую Рабоче-крестьянскую студенческую коалицию перешейка (*Coalición Obrero Campesina Estudiantil del Istmo, COCEI*); Организацию по защите природных ресурсов Сьерры-Хуарес (*Organización por la Defensa de los Recursos Naturales de la Sierra Juárez, ODRENASIJ*) сапотек и чинантеков; Комитет по защите природ-

ных, человеческих и культурных ресурсов михе (*Comité pro-Defensa de los Recursos Naturales, Humanos y Culturales Mixe, CODREMI*); Союз индейских общин севера перешейка (*Unión de Comunidades Indígenas de la Zona Norte del Istmo, UCIZONI*); Союз общинников им. Эмилиано Сапаты (*Unión de Comuneros Emiliano Zapata, UCEZ*) народа пурепеча; Движение единства и борьбы трики (*Movimiento de Unificación y Lucha Triqui, MULT*); союз тцелталей, тцотцилей, тохолабалей и чолей «Единство во имя силы» (*Quiptic Ta Lecubtesel, QTL*); Совет народов науа Альто-Бальсас (*Consejo de Pueblos Nahuas del Alto Balsas, CPNAB*); Коалицию коллективных эхидо долин яки и майо (*Coalición de Ejidos Colectivos de los Valles del Yaqui y Mayo, CECVYM*). В подтверждение важности тренда приведем оценку С.Сармьенто Сильвы, утверждавшего в работе 1987 г., что с конца 1970-х годов значительные усилия по защите своих интересов предприняли 27 из 56 этнических групп Мексики [19, p. 18].

ЭТНИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ МЕКСИКИ, СОЗДАННЫЕ С 1974 ПО 1996 г.

Название организации	Этническая принадлежность	Штат, год создания	Основные требования
<i>Coalición Obrera, Campesina, Estudiantil del Istmo (COCEI)</i>	Сапотекы	Оахака, 1974	Реституция общинных земель, улучшение условий труда крестьян
<i>Quiptic Ta Lecubtesel (QTL)</i>	Тохолабали, тцелтали, тцотцили, чоли	Чьяпас, 1975	Аграрные требования, защита общинных земель
<i>Coalición de Ejidos Colectivos de los Valles del Yaqui y Mayo (CECVYM)</i>	Яки и майо	Сонора, 1977	Аграрные требования, улучшение жизненных условий крестьян, защита территорий от мегапроектов, автономия
<i>Alianza de los Pueblos del Valle de Matlatzinca (APVM)</i>	Матлатцинка	Мехико, 1978	Аграрные требования
<i>Comité Coordinador para la Defensa de los Recursos Naturales, Humanos y Culturales Mixe (CODREMI)</i>	Михе	Оахака, 1979	Защита земель и природных ресурсов, автономия
<i>UCEZ (Unión de Comuneros Emiliano Zapata)</i>	Пурепеча	Мичоакан, 1979	Защита интересов крестьян, реституция земель, этнические требования, автономия
<i>Organización Independiente de Pueblos Unidos de La Huasteca (OIPUH)</i>	Уастеки (тенек)	Идальго, Веракрус, Сан-Луис-Потоси, 1979	Защита общинных земель, прекращение насилия в отношении общин

<i>Asamblea de Autoridades Zapotecas y Chinantecas de la Sierra Norte de Oaxaca (AZACHIS)</i>	Сапотеки и чинантеки	Оахака, 1980	Улучшение условий жизни, уважение обычаев и традиций общин, автономия
<i>Organización por la Defensa de los Recursos Naturales de la Sierra Juárez (ODRENASIJ)</i>	Сапотеки и чинантеки	Оахака, 1980	Защита лесных и других природных ресурсов, автономия
<i>Movimiento de Unificación y Lucha Triqui (MULT)</i>	Трики	Оахака, 1981	Реституция общинных земель, защита лесов, автономия
<i>Unión de Comunidades Indígenas de la Región del Istmo (UCIRI)</i>	Михе, сапотеки	Оахака, 1982	Справедливые цены за продукцию, поддержка малых производителей, улучшение транспортной инфраструктуры
<i>Timocepanoke Noche Attepame Macehualme (TINAM)</i>	Науа	Веракрус, 1982	Защита земель и лесов, автономия
<i>Ejército Zapatista de Liberación Nacional (EZLN)</i>	Тцелтали, тцотцили, чоли, тохолабали, мам	Чьяпас, 1983	Социальные требования, реституция земель, признание права на культурные отличия, автономия
<i>Unión de Comunidades Indígenas de la Zona Norte del Istmo (UCIZONI)</i>	Михе, сапотеки, миштеки, соке	Оахака, 1985	Аграрные требования, защита интересов крестьян и прав индейских народов
<i>Frente Democrático Oriental de México Emiliano Zapata (FDOMEZ)</i>	Уастеки (тенек)	Идальго, 1986	Защита общинных земель, прекращение репрессий, этнические требования
<i>Servicios del Pueblo Mixe (SER)</i>	Михе	Оахака, 1988	Аграрные требования, автономия
<i>Frente Independiente de Pueblos Indios (FIPI)</i>	Мультиэтничный союз индейских народов	Мичоакан, 1988	Защита территорий и природных ресурсов, автономия
<i>Unión de Comunidades Productoras Forestales Zapotecos-Chinantecos de la Sierra Juárez (UZACHI)</i>	Сапотеки, чинантеки	Оахака, 1989	Защита территорий, лесных и других природных ресурсов, автономия
<i>Coordinadora de la Lucha de Pueblos Mayas para su Liberación (COLPUMALI)</i>	Маяя	Чьяпас, 1990	Защита территорий, автономия
<i>Unión de Organizaciones de la Sierra Juárez de Oaxaca (UNOSJO)</i>	Сапотеки	Оахака, 1990	Защита прав индейских народов и природных ресурсов
<i>Consejo de Pueblos Nahuas del Alto Balsas (CPNAB)</i>	Науа	Герреро, 1990	Защита территорий от мегапроектов, автономия

<i>Consejo de la Nacionalidad Otomí (CONAO)</i>	Отоми	Мехико, Мичоакан, Веракрус, Идальго, Пуэбла, 1990	Защита территорий и культуры, автономия
<i>Frente Independiente de Comunidades Indígenas de Michoacán (FICIM)</i>	Пурепеча	Мичоакан, 1991	Защита общинных земель, признание прав индейских народов
<i>Consejo Guerrerense 500 Años de Resistencia Indígena, Negra y Popular (CG500A)</i>	Науа	Герреро, 1991	Признание прав индейских народов на свободное самоопределение и автономию
<i>Organización Nación Purépecha (ONP)</i>	Пурепеча	Мичоакан, 1992	Аграрные требования, признание прав индейских народов, автономия
<i>Organización de los Pueblos Indígenas Mepha'a (OPIM)</i>	Тлапанеки	Герреро, 1994	Защита общинных территорий, прекращение репрессий
<i>Organización Independiente de Pueblos Mixtecos y Tlapanecos (OIPMT)</i>	Миштеки, тлапанеки	Герреро, 1994	Защита общинных территорий, уважение прав индейских народов, прекращение репрессий
<i>Coordinadora de Organizaciones Campesinas e Indígenas de la Huasteca Potosina (COCIHP)</i>	Науа, уастеки	Сан-Луис-Потоси, 1994	Защита территорий и природных ресурсов, автономия
<i>Organización Nación Purépecha Zapatista (ONPZ)</i>	Пурепеча	Мичоакан, 1996	Признание прав общин на территории, свободное самоопределение и автономию

Источник: составлено автором по различным источникам [21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29].

Как видно из данных, содержащихся в таблице, среди организаций представлены моноэтнические, двух- и даже мультиэтнические альянсы, охватывающие как крупные и относительно крупные народы, такие, как науа (по данным 1990 г., число говорящих на науа в Мексике составило почти 1,2 млн человек [30]), майя (713 тыс.), сапотеки (403,5 тыс.), миштеки (386,9 тыс.) [31, р. 7], пурепеча (104 тыс.) [32, р. 11] или михе (95,3 тыс.), так и меньшие группы, например, трики (15 тыс. человек) [31, р. 7]. Значительное число организаций приходится на южные и юго-западные штаты — Оахаку, Чьяпас и Герреро, в которых, с одной стороны, в рассматриваемый период фиксируется довольно высокий процент индейского населения, а с другой — самые низкие по стране показатели развития человеческого потенциала. Если в Федеральном округе, Нуэво-Леоне и Нижней Калифорнии показатели неграмотности среди граждан старше 15 лет составляли в 1970 г. 10%, 12% и 12,7% соответственно, а в среднем по стране — 25,8%, то в Чьяпасе, Оахаке и Герреро — 45,4%, 45,7% и 48,1%, соответственно [33, р. 52]. Средний по стране индекс маргинальности,

применяемый в Мексике для оценки социальной исключенности, в 1990 г. составил 31%, тогда как в Герреро — 48,6%, в Оахаке — 51,8%, в Чьяпасе — 53,7% [33, р. 31].

АГРАРНЫЙ АСПЕКТ

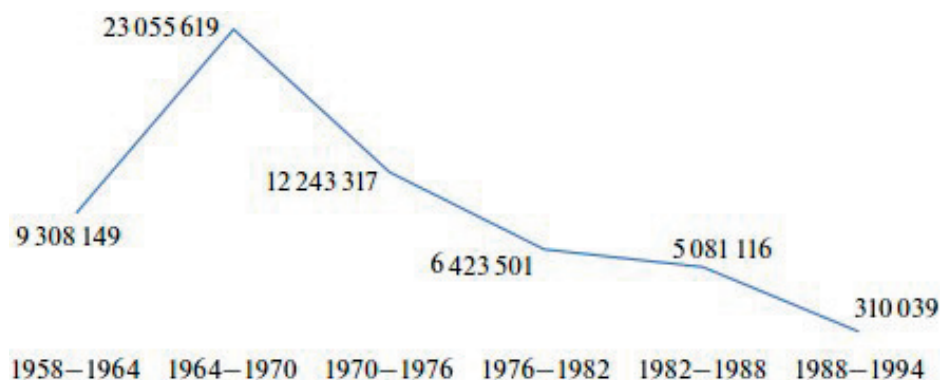
В 1980 г. в штатах Оахака, Идальго, Чьяпас, Герреро, Мичоакан зафиксированы самые высокие показатели удельного веса сельского населения: 68%, 67,3%, 66,3%, 58%, 47%, соответственно. Для сравнения: в Чиуауа — 28,5%, Халиско — 24,4%, Тамаулипасе — 25%, а в среднем по стране — 33,7% [34]. В 1970 г. только на Оахаку и Герреро приходились более 40% от общего числа аграрных индейских общин Мексики [35, р. 3]. Под этим термином в переписи эхидо 1970 г. понимались поселения с преимущественно индейским населением, которые до принятия Аграрного закона от 6 января 1915 г. владели землями, лесными и водными ресурсами и де-юре или де-факто придерживались общинных форм самоорганизации.

Из данных, приведенных в таблице 1, следует, что основные требования организаций, в первую очередь, связаны с аграрными притязаниями, защитой прав на водные, лесные и другие природные ресурсы, а также общинных территорий от негативных последствий инфраструктурных проектов. К показательным примерам относятся движение сапотекских общин Оахаки под руководством *ODRENASIJ* в защиту лесов с 1980 г., опыт пурепеча по защите озера Паццуаро с 1982 г., протесты *CPNAB* против проекта ГЭС Сан-Хуан-Тетелсинго в штате Герреро с 1990 г., борьбу *CECVYM* за земли этнической группы яки и против проектов ГЭС, народа майо против проекта ГЭС им. Луиса Дональдо Колосио с 1990-х годов. Защита территорий и природных ресурсов — требование, постоянно выдвигаемое в декларациях индейских организаций, в частности, в Темоайской декларации 1979 г. [36, pp. 6-7], Тлауитолтепекской декларации 1995 г. [37, pp. 125-126], Уитесской декларации 1996 г. [38] и др.

Рост протестных настроений объясняется курсом властей на модернизацию и дерегулирование сельскохозяйственного сектора и формированием в те годы нормативно-правовой базы по отчуждению общинных земель. В связи с этим мексиканский антрополог Иви Хакаранда Хассо Мартинес и Л. Паре определяют правительства Хосе Лопеса Портильо (1976—1982 гг.) и Мигеля де Ла Мадрида (1982—1988 гг.) как «антикрестьянские» [28, р. 65; 39, р. 95]. Мексиканский экономист Бланка Рубио, в свою очередь, утверждает, что принятые в период правления последнего меры, предусматривавшие возможность ассоциации между эхидо и частным бизнесом, хотя потенциально и могли улучшить условия жизни крестьян, но при этом «безвозвратно превращали их в пролетариев на собственной земле» [40, р. 87].

С начала 1970-х наблюдался последовательный спад темпов выделения земельных участков в рамках аграрной реформы: после шестилетки 1964—1970 г., когда безземельным крестьянам были переданы более 23 млн га, в 1970—1976 г. показатели сократились до 12,2 млн га, в 1976—1982 г. — почти вдвое до 6,4 млн, в 1982—1988 г. — до 5 млн, а в 1988—1994 г. — и вовсе до 310 тыс. га (см рис. 1).

Рис. 1. ТЕМПЫ ВЫДЕЛЕНИЯ ДОТАЦИЙ В ВИДЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ В РАМКАХ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ (1958—1994 гг., га)

Источник: Lugo H. et al. Modernización del sector agropecuario mexicano. México: IPE, 1990, p. 21. Цит. по: Zamosc L., Martínez Borrego E., Chiriboga M. (coord.). Estructuras agrarias y movimientos campesinos en América Latina (1950—1990). Madrid: Ministerio de Medio Ambiente y Medio Rural y Marino, 1996, 374 p., p. 203.

Рис. 2. КОЛИЧЕСТВО КРЕСТЬЯНСКИХ АКЦИЙ ПРОТЕСТА (1976—1982 гг.)

Источник: Aguado López E., Torres Franco J.L., Scherer Ibarra G. La lucha por la tierra en México (1976-1982). *Revista Mexicana de Ciencias Políticas y Sociales*, 1983, N 113-114, pp. 50-51.

Следует подчеркнуть, что мобилизация крестьян представляется вполне логичным следствием сворачивания аграрной реформы и ликвидации государственных гарантий в отношении общинных земель; а оба этих фактора

долгое время были залогом некой стабильности на селе. Динамика распределения земель обратно пропорциональна росту протестных настроений среди крестьян после 1977 г. (см. рис. 2). Спад протестной активности с 1976 по 1977 г. укладывается в контекст ужесточения репрессий с задействованием полиции и армии. В то же время, как показывает опыт, о чем пишут авторы ряда исследований, репрессии властей становятся триггерами радикализации коллективных действий. Так, резолюция 1986 г., принятая по итогам встречи независимых индейских организаций в штате Оахака, содержит призыв к индейским общинам страны «усилить самоорганизацию на локальном уровне, чтобы должным образом ответить на репрессии» [41, р. 134].

ПОЛИТИЗАЦИЯ ЭТНИЧНОСТИ

Территориальные претензии, помимо собственно аграрного аспекта, квалифицируются учеными и как элемент этнополитических конфликтов, если учесть символическую связь индейских народов с землями традиционного расселения, или «этнотерриториями», как их называет социолог Алисия Барабас [42; 43]. В этом смысле показательно, что индейские организации с конца 1970-х годов апеллируют не только к праву собственности на сельскохозяйственные земли, но и к праву на свободное самоопределение в рамках мексиканской нации и, соответственно, на исконные территории. Х.Э. Сарате справедливо отмечает, что в те годы на смену межклассовым подходам в переговорах этнических акторов с государством приходят межэтнические [44, р. 6].

Отмеченный выше тренд сопровождается активной работой организаций по реконструированию элементов этнической идентичности — таких символов, как флаги, носящие не только политический, но и культурный характер, ритуалы, языки и т.п. В этом смысле интересен опыт пурепеча. В 1980 г. был утвержден четырехцветный флаг этой нации, символизирующий единство четырех регионов ее расселения, с изображением «большого огня» (курикавери), наконецника стрелы из священного обсидиана и девизом «Наша сила» на языке пурепеча (см. рис. 3). Флаг народа михе также символичен и содержит изображение мифического героя нации Кондоа с пятью стрелами, олицетворяющими пять веков индейского сопротивления (см. рис. 4). Флаг яки интересен синкретизмом: сочетанием образов божеств Солнца и Луны, а также звезд — духов предков с крестом, напоминающим о новой католической религии народа как части их современной идентичности (см. рис. 5) [45].

В рамках политической активности пурепеча с 1980-х годов, или «восстания пурепеча», как ее называют ряд авторов [46; 47, р. 231], изначально выдвинутые требования аграрного характера сменились на этнические. В целях легитимизации борьбы использовались такие символы, как флаг, девизы пурепеча; с 1983 г. восстановлена традиция празднования в начале февраля нового года пурепеча, воспроизводящего доиспанскую церемонию «нового огня»; во время празднований проводятся соревнования по древней игре в пелоту, звучат песни и поэзия на языке этого народа [48, р. 231].

Рис. 3. Флаг пурепеча

Рис. 4. Флаг михе

Рис. 5. Флаг яки

Сапотекскую организацию *COCEI* зачастую относят к марксистским, в том числе в отечественной латиноамериканистике [49, с. 908], что справедливо в свете изначально выдвинутых партией задач по защите крестьян, пострадавших от политики модернизации села. Однако такие исследователи, как, например, А. Бартра и профессор Университета Саймона Фрейзера (г. Ванкувер) Херардо Отеро, а также швейцарский политолог Штефан Шойцгер относят *COCEI* к успешным кейсам политизации этничности, а

американский антрополог Ховард Кэмпбелл определяет ее как «этнически осознанное политическое и культурное движение сапотек» [50, p. 78]. Активисты *COCEI* с 1970-х использовали в кампаниях и на митингах этнические символы, музыку, традиционные наряды, еду и напитки, элементы организационной структуры, основанной на родственных отношениях и практике взаимопомощи, сапотекский язык. Этническая гордость сапотек, в том числе опирающаяся на миф об их происхождении как «людей с облаков» (*binnizá*), сошедших на Землю с небес, является ключевым мотивом в творчестве сапотекских интеллектуалов, художников, музыкантов, которые превозносят в произведениях величие народа и справедливость его политических притязаний.

Схожие примеры воссоздания этнической идентичности мы наблюдаем у михе, в конце 1970-х создавших в общине Тлауитолтепек Центр музыкального образования и развития культуры михе и школу «Солнце горы». Подобные примеры можно отметить у яки с их усилиями по укреплению этнической и языковой идентичности, исторической памяти с опорой на священный статус исконных земель и церемониальных центров, на практику коллективного принятия решений и традиционные институты власти де-факто [51, p. 167; 52, pp. 79-80].

Рассмотренные эпизоды этногенеза, очевидно, соответствуют конструктивистскому подходу к анализу этничности, согласно которому, как утверждают российские этнологи В.А.Тишков и Ю.П.Шабаев, порождаемое на основе дифференциации культур этническое чувство является интеллектуальным конструктом, сознательно создаваемым писателями, учеными и политиками; при этом особое внимание уделяется роли сознания и языка как основного символа, вокруг которого формируется понимание этнических отличий [53, с. 40]. В этом контексте антрополог Мэри О'Коннор, к примеру, указывает на ситуационный характер этничности яки, который позволяет им «менять» идентичность в зависимости от контекста [54, pp. 4, 55, 67], а аргентинский антрополог Мигель Анхель Бартоломе отмечает важнейшее значение языка яки на переговорах с государственными должностными лицами [55, p. 80].

Примечательно, что тренд политизации этничности и в целом феномен этнического движения в Мексике резко контрастируют с картиной предшествующих лет, когда для индейского населения были характерны социальная апатия, культурная депривация, философия бедности и покорности, которую мексиканский этнолог Альфонсо Фабила определяет как особый менталитет и систему ценностей дискриминируемой группы, выражающиеся в неверии в возможность улучшить свое положение и фаталистическом принятии своей участи [56, p. 150].

Следует признать, что, если аграрная мобилизация укладывается в контекст дерегулирования сельхозсектора с его негативными последствиями для крестьянства, то анализ «взрыва» этничности представляет собой более сложный методологический вызов для исследований, отвечает комбинации факторов, включающих экономические, внутривнутриполитические, а также международно-правовые аспекты.

Ряд авторитетных авторов связывают меры деэтнической направленности, например, по сокращению госрегулирования в той или иной сфере

общественных отношений, с такими последствиями, как рост партикуляристских настроений, утрата макрополитического смысла нации в глазах локальных субкультур, в том числе этнически обособленных групп. Эту взаимосвязь отмечает, в частности, испанский социолог Мануэль Кастельс, указывающий на то, что на фоне сворачивания этатизма с последней четверти XX в. многочисленные мощные проявления коллективной идентичности бросают вызов глобализации, в том числе во имя культурной самобытности и этничности [57, р. 24]. Бразильский социолог Э. Жагуарибе связывал исчезновение макрополитического смысла нации на фоне глобализации с растущей значимостью региональных субкультур [58, pp. 38-39]. Джон Томлинсон также отмечает, что идентичность — не жертва глобализации, но растущая мощь местных культур, которые подчас неорганизованно и политически реакционно оказывают сопротивление центробежным силам капиталистической глобализации [59, р. 270]. В отечественной политологии эту связь прослеживает историк С.Г.Кара-Мурза [60].

Анализ внутриполитического контекста с 1970-х годов позволяет выделить в качестве факторов взрыва этничности и такие перемены в структуре политических возможностей, открывавшие новые возможности для самоорганизации и протеста, как демократический транзит в Мексике, растущий плюрализм, череда электоральных реформ (с 1977 г.). К последствиям таких реформ относится победа *COCEI* на муниципальных выборах 1981 г. в г. Хучитан; успешный альянс этнических организаций штата Мичоакан с Национальным демократическим фронтом (*Frente Democrático Nacional, FDN*) на выборах 1988 г. и др. Феномен этнического движения в Мексике следует рассматривать и сквозь призму международного контекста. Многие индейские организации страны с 1990-х годов апеллируют к международному праву, существенно эволюционировавшему с 1960-х годов в части коллективных этнических прав, и в частности, к Конвенции № 169 Международной организации труда о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах, от 1989 г. [37, р. 127; 38; 63; 64, pp. 26, 34].

В заключение отметим, что в Мексике имеется довольно богатый материал для изучения феномена этнических конфликтов. С одной стороны, этот феномен соответствует традиционной типологии социальных движений, с другой — является примером задействования в состязательной политике этнического компонента; при этом в данном тренде очевиден конструктивистский подход к воссозданию и утверждению этнокультурной идентичности. Сценарий реализуется в контексте как внутренних, так и внешних факторов: курс властей на сопряженную с рисками для крестьянства модернизацию сельскохозяйственного сектора, а также демократический транзит в Мексике и эволюция международного законодательства, открывающая новые возможности для этнических акторов, в частности, предусматривающая право собственности на земли традиционного расселения, а также право на самоуправление. Перспективы конституционного признания этнических автономий и других прав коренных народов в Мексике являются одной из центральных тем в повестке правящего Движения национального возрождения (*Movimiento de Regeneración Nacional, MORENA*) и в значительной степени определяются по результатам общенациональных выборов 2024 г.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. INEGI. Estadísticas a propósito del Día de los Pueblos Indígenas. Comunicado de prensa N 430/22, 08.VIII.2022, 7 p.
2. Sonnleitner W. Participación, representación e inclusión política: ¿existe un voto indígena en México? *Política y Gobierno*, Ciudad de México, 2020, Vol. 27, N 2.
3. Márquez Romo C., Martínez Hernández A.A. El clivaje étnico en México: elecciones presidenciales de 2018. *Apuntes Electorales*, 2022, N 67, pp. 101-136.
4. Landis D., Albert R.D. (Eds.). *Handbook of Ethnic Conflicts: International Perspectives*. New York: Springer, 2012, 686 p.
5. Informe Especial sobre los grupos de autodefensa en el Estado de Michoacán y las violaciones a los Derechos Humanos relacionados con el conflicto. CNDH. Available at: https://www.cndh.org.mx/sites/default/files/doc/Informes/Especiales/2016_IE_gruposautodefensa.pdf (accessed: 04.09.2023).
6. Martí i Puig S. (ed.). *¿Adónde chingados va México? Un análisis político y socioeconómico de dos sexenios (2000-2012)*. Madrid: Los Libros de la Catarata, 2012, 334 p.
7. Давыдов В.М. (отв. ред.). Мексика: парадоксы модернизации. М.: ИЛА РАН, 2013, 330 с. [Davydov V.M. (otv. red.). Meksika: paradoksy modernizacii [Mexico: The Modernization Paradoxes]. Moscow: ILA RAN, 2013, 330 p. (In Russ.).]
8. Stavenhagen R. Ethnic Conflict and Human Rights. Their Interrelationship. *Bulletin of Peace Proposals*. Oslo: Oslo International Peace Research Institute Norwegian University Press, 1987, Vol. 18, N 4, pp. 507-514.
9. Zárate Hernández J.E. Los señores de utopía: etnicidad política en una comunidad purhépecha: Santa Fe de la Laguna-Ueamuo. Zamora: El Colegio de Michoacán A.C., 2001, 329 p.
10. Gutiérrez Chong N. (coord.). Etnicidad y conflicto en las Américas. Vol. I: Territorios y reconocimiento constitucional. México: UNAM, 2013, 368 p.
11. Gutiérrez Chong N. (coord.). Conflictos étnicos y etnonacionalismos en las Américas. Reportes de Investigación. Quito: Ediciones Abya-Yala, 2009, 366 p.
12. Warman A. Los campesinos. Hijos predilectos del régimen. México D.F.: Editorial Nuestro Tiempo, 1972, 138 p.
13. Bartra A. Seis años de lucha campesina. *Investigación Económica*, México D.F.: Facultad de Economía, UNAM, 1977, N 3, pp. 157-209.
14. Díaz-Polanco H. Etnia, clase y cuestión nacional. *Cuadernos Políticos*, N 30, México D.F.: Editorial Era, 1981, pp. 53-65.
15. Díaz-Polanco H. Lo nacional y lo étnico en México. El misterio de los proyectos. *Cuadernos Políticos*, N 52, México D.F.: Editorial Era, 1987, p. 32-42.
16. Guerrero J., López y Rivas G. Las minorías étnicas como categoría política de la cuestión regional. *Boletín de Antropología Americana*, México D.F.: Instituto Panamericano de Geografía e Historia, 1982, N 5, pp. 35-49.
17. Medina Hernández A. Los grupos étnicos y los sistemas tradicionales de poder en México. *Nueva Antropología*, 1983, N 20, pp. 5-29.
18. Bonfil Batalla, G. México Profundo. Una civilización negada. México: FCE, 2019, 245 p.
19. Mejía Piñeros M.C., Sarmiento Silva S. La lucha indígena: un reto a la ortodoxia. México: Siglo XXI, 1987, 292 p.
20. Paré L. Movimiento campesino y política agraria en México, 1976-1982. *Revista Mexicana de Sociología*, Vol. 47, N 4, México D.F.: UNAM, 1985, pp. 85-111.
21. Acosta Márquez E. Zapotecos del Istmo de Tehuantepec. México: CDI, 2007, 55 p.
22. Weinberg B. Homage to Chiapas: The New Indigenous Struggles in Mexico. London, New York: Verso, 2000, 456 p.
23. Cal y Mayor A.B., Villa Rivera W., Ortiz-T. P., Chirif A., García P., Albó X. Movimientos indígenas en América Latina. Resistencia y nuevos modelos de integración. Copenhagen: IWGIA, 2011, 170 p.
24. FDOMEZ: 30 años de lucha por la tierra y su defensa. FDOMEZ-FNLS, 2008, 248 p. Available at: <https://fnls.mayfirst.org/IMG/pdf/fdomez.pdf> (accessed 12.05.2023).
25. Aguilar Sánchez M.G. (coord.). Resistencia y protesta social en el sureste de México. Ciudad de México: Universidad Autónoma Metropolitana-Azcapotzalco, 2016, 336 p.
26. Gordillo G. Campesinos al asalto del cielo: una reforma agraria con autonomía. México D.F.: Siglo XXI, 1988, 282 p.

27. Rosa Quiñones I., de la. Movilizaciones indígenas en la Huasteca Potosina: de la resistencia latente a la estrategia política. En: Soriano S. (ed.). *Imágenes, representaciones y movilizaciones indígenas en Latinoamérica*. Ciudad de México: Universidad Nacional Autónoma de México, 2021, pp. 43-68.
28. Jasso Martínez I.J. Las demandas de las organizaciones purépechas y el movimiento indígena en Michoacán. *Revista LuminaR. Estudios sociales y humanísticos*, San Cristóbal de Las Casas, 2010, Vol. 8, N 1, pp. 64-79.
29. Ruiz M. El Frente Independiente de Pueblos Indios. *Revista Mexicana de Sociología*, Vol. 56, N 2, 1994, México D.F.: UNAM, pp. 117-132.
30. INEGI. Perfil sociodemográfico de la población hablante de náhuatl. XII Censo General de Población y Vivienda 2000. Aguascalientes, 2005, 9 p.
31. INEGI. Oaxaca: Hablantes de Lengua Indígena. Perfil sociodemográfico. Aguascalientes, 1995, 42 p.
32. INEGI. La Población de México. Estado de Michoacán. Aguascalientes, 1993.
33. CONAPO. Índice absoluto de marginación, 1990-2000, México D.F., 2004, 75 p.
34. Población rural y urbana (número de habitantes). Available at: https://apps1.semarnat.gob.mx:8443/dgeia/compendio_2017/archivos/04_demografia/D1_DEMO_GRAF01_02_D.pdf (accessed 01.06.2023).
35. V Censo Ejidal 1970. Directorio de Ejidos y de Comunidades Agrarias. México: Secretaría de Industria y Comercio, 1972, 89 p.
36. Declaración de Temoaya, 1979. IWGIA Newsletter, Copenhagen: IWGIA, 1979, N 23, 31 p.
37. Declaración de Tlahuitoltepec sobre los Derechos Fundamentales de las Naciones, Nacionalidades y Pueblos Indígenas de Indolatinoamérica. Ístmica. *Revista De La Facultad De Filosofía y Letras*, Heredia, 1995, N 2, pp. 124-128.
38. Declaración de Huites. Tribunal Permanente de los Pueblos. La construcción de presas en México. Temacapulín, 2012. Available at: <http://docencia.uaeh.edu.mx/estudios-pertinencia/docs/hidalgo-municipios/Zimapan-Afectacion-De-La-Construccion-De-La-Presa...pdf> (accessed 02.07.2023).
39. Paré L. Movimiento campesino y política agraria en México, 1976-1982. *Revista Mexicana de Sociología*, México D.F.: UNAM, 1985, N 4, pp. 85-111.
40. Rubio B. Resistencia campesina y explotación rural en México. Ciudad de México: Ediciones Era, 1987, 195 p.
41. Barre M.-C. Ideologías indigenistas y movimientos indios. México: Siglo XXI, 1983, 248 p.
42. Barabas A. La construcción de etnoterritorios en las culturas indígenas de Oaxaca. *Desacatos*, 2004, N 14, pp. 145-168.
43. Barabas A. La territorialidad simbólica y los derechos territoriales indígenas: reflexiones para el Estado pluriétnico. *Alteridades*, 2004, N 14 (27), pp. 105-119.
44. Zárate Hernández J.E. Las comunidades indígenas: un movimiento social emergente. XXVI Congreso de Asociación Latinoamericana de Antropología, Guadalajara, 2007. Available at: <https://cdsa.academica.org/000-066/1696.pdf> (accessed 31.10.2022)
45. Melquiades Bejipone C. Nooki reuri yoem nokpo: préstamos lingüísticos en la lengua yaqui. Tesis doctoral. Hermosillo: Universidad de Sonora, 2011, 126 p.
46. Pérez Ramírez T. Memoria histórica de la insurrección cívica purépecha en 1988. *Política y Cultura*, 2009, N 31, pp. 113-138.
47. Jasso Martínez I.J. Las demandas agrarias en el discurso de las organizaciones purépechas de Michoacán: problemas sin resolver. *Ra Ximhai*, 2010, N 2, pp. 229-241.
48. Dietz G. ¿Hacia una nación Puhépecha? Génesis de un movimiento indígena en Michoacán, México. México: UNAM, 2017, 638 p.
49. Хейфец В.Л. (отв. ред.). Коминтерн в Латинской Америке: исторические традиции и политические процессы. М.: Издательство «Весь Мир», 2021, 968 с. [Jeifets V.L. (otv. red.). Komintern v Latinskoj Amerike: istoricheskie tradicii i politicheskie processy [Comintern: The Historical Traditions and Political Processes]. Moscow, Ves' Mir, 2021, 968 p. (In Russ.).]
50. Campbell H. Mexican Memoir: A Personal Account of Anthropology and Radical Politics in Oaxaca. Westport: Praeger, 2001, 168 p.
51. Bartolomé M.A. Gente de costumbre y gente de razón. Las identidades étnicas en México. México: Siglo XXI/INI, 1997, 214 p.

52. Moctezuma Zamarrón J.L., López Aceves H.E. Conformaciones identitarias de los yaquis y los mayos. En: Bartolomé M.A. (coord.). *Visiones de la diversidad. Relaciones interétnicas e identidades indígenas en el México actual*. México: INAH, 2005, Vol. I, pp. 61-86.
53. Тишков В.А., Шабаяев Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности. М.: Издательство Московского университета, 2019, 416 с. [Tishkov V.A., Shabaev Ju.P. *Etnopolitologija: politicheskie funkicii etnichnosti* [The Ethnopolitology: The Political Functions of Ethnicity]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2019, 412 p.
54. O'Connor M.I. Descendants of Totoliguuqui. Ethnicity and Economics in the Mayo Valley. Berkeley/Los Angeles: University of California Press, 1989, 143 p.
55. Bartolomé M.A. (coord.). *Visiones de la diversidad. Relaciones interétnicas e identidades indígenas en el México actual*. Vol. I, México D.F.: INAH, 2005, 360 p.
56. Fabila A. Las tribus yaquis de Sonora: su cultura y anhelada autodeterminación. México: Departamento de asuntos indígenas, 1940, 313 p.
57. Castells M. La era de la información. Economía, sociedad y cultura. Vol. II. El poder de la identidad. México: Siglo XXI, 2001, 495 p.
58. Jaguaribe H. Hegemonía céntrica y autonomía periférica. Hill E., Tomassini L. (ed.). *América Latina y el Nuevo Orden Económico Internacional*. Santiago de Chile: Corporación de Promoción Universitaria, 1979, 307 p.
59. Tomlinson J. Globalization and Cultural Identity. In: Held D. (Ed.). *The Global Transformations Reader: An Introduction to the Globalization Debate*. Cambridge: Polity, 2003, pp. 269-277.
60. Кара-Мурза С. Демонтаж народа. Учебник межнациональных отношений. М.: Алгоритм, 2015, 704 с. [Kara-Murza S. *Demontazh naroda. Uchebnik mezhnatsional'nyh otnoshenij* [Dismantling of a Nation. A guide of Inter-Ethnic Relations] Moscow: Algoritm, 2015, 704 p. (In Russ.).
61. Tarrow S. El poder en movimiento: los movimientos sociales, la acción colectiva y la política. Madrid: Alianza, 1997, 369 p.
62. Jasso Martínez I.J. Los movimientos indígenas, un marco para el análisis de las construcciones identitarias. La Organización Nación Purhépecha (Michoacán) y Servicios del Pueblo Mixe (Oaxaca). Tesis. Zamora, 2008, 412 p.
63. Victoriano Mateo A. Juchari Juramukua (Nuestra Autonomía). Cuadernillo, Cherán: ONP, 1997, 21 p.
64. Los Acuerdos de San Andrés. Edición bilingüe español – tsotsil. Tuxtla Gutiérrez: Consejo Estatal para la Cultura y las Artes de Chiapas, 2003, 201 p.

Alexey L.Chernyshev (chernyshev.latam@gmail.com)
Independent researcher, Russian Federation

The ethnopoltical conflicts in Mexico: the agrarian and the ethnic factors

Abstract. The article dwells on the factors of the ethnic conflicts in Mexico as an important element of the political process in the country. The social agrarian claims attributable to the agriculture modernization policy and cutting of the peasantry public supporting measures, gave place to the escalating ethnic rhetoric, politicization of ethnicity and appealing to the ancestral lands rights since the 1970s. The trend is contextualized by the changes in the political opportunities structure, including the democratic transition in Mexico and the evolution of the native peoples and ethnic minorities international legislation.

Key words: Mexico, nationalities policy, ethnic conflicts, politicization of ethnicity, autonomies.

DOI: 10.31857/S0044748X24020015

Received 28.07.2023.

К.С.Стригунов

Преступные организации как субъекты неклассических войн и угроза государственному суверенитету Мексики

В неклассических войнах военно-политические цели достигаются без использования вооруженных сил или при их ограниченном применении. Криминальные мятежи являются формой неклассических войн, в которых преступные организации становятся основными субъектами наравне с государствами. Ситуация, возникшая в Мексике, является примером криминального мятежа. Фрагментация и «сетевизация» преступных организаций способствует их эволюции, что представляет угрозу национальной безопасности Мексики.

Ключевые слова: преступность, неклассические войны, криминальный мятеж, Мексика, наркокартели, банды.

DOI: 10.31857/S0044748X24020025

Статья поступила в редакцию 20.07.2023.

НЕКЛАССИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ В ФОРМЕ КРИМИНАЛЬНЫХ МЯТЕЖЕЙ

В последние десятилетия в ходе интенсивных преобразований в системе международных отношений акторы стали применять в вооруженных конфликтах новые средства, методы и технологии. Основная ставка делается не на прямую военную силу, под которой понимается масштабное применение вооруженных сил, а на такие средства, как информационные операции, кибератаки, экономические санкции, использование неправительственных и некоммерческих организаций (НПО, НКО), терроризм, диверсии и сетевые группы — неинтервенционные элементы насильственного контроля. Вооруженные конфликты, в которых основным инструментом достижения военных целей являются неинтервенционные элементы насильственного контроля, это — неклассические войны [1]. Особое вни-

Константин Сергеевич Стригунов — кандидат политических наук, ведущий аналитик Ассоциации специалистов по информационным операциям (РФ, 124617, г. Москва, г. Зеленоград, корп. 1425, кв. 109, sks6891@gmail.com, ORCID 0000-0001-6202-7493).

мание в неклассических войнах уделяется использованию сетевых групп в целях объединения и организации большого количества людей — будь то протестные движения или нерегулярные военизированные формирования. Примером использования протестных движений, сформированных в социальных сетях, являются различные «цветные революции», осуществленные от Сербии до Боливии [2; 3]. Одни из образцов применения организованных благодаря социальным сетям нерегулярных военизированных формирований — войны в Ливии (главным образом до интервенции НАТО в марте 2011 г.) и особенно в Сирии [4]. Такие вооруженные конфликты относятся к гибридным войнам — формам неклассических войн, где основным неинтервенционным элементом насильственного контроля являются организованные по сетевому принципу нерегулярные военизированные формирования. Отметим, что во всех этих случаях за организацией сетевых групп стоят государства и их ведомства, порой действующие совместно с негосударственными акторами.

Теоретико-методологическая часть работы основана на идее сетевой организации негосударственных акторов, разработанной испанским социологом М.Кастельсом [5], а также на концепции, согласно которой в ряде регионов мира негосударственные акторы в ходе своей эволюции достигают все более высоких организационных уровней [6; 7]. Речь идет о новых поколениях преступных организаций (ПО), которые в данной статье относятся к негосударственным насильственным акторам (НГНА). В первую очередь это — ПО типа наркокартелей, распространенных в странах Западного полушария, в частности, в Латинской Америке. Наркокартели являются одной из основных форм ПО, способных противостоять государству, что проявилось в Мексике [8]. Будучи очень хорошо организованными, эти НГНА в состоянии бросить вызов государственным институтам вплоть до формирования параллельных или альтернативных зон, где оспаривается монополия государства на применение насилия, т.е. осуществляется его вытеснение. Для усиления своего территориального и экономического контроля НГНА применяют хищнические средства [9]. Для описания противостояния таких НГНА и государства мы используем подход авторов, которые описывают данное явление как «криминальный мятеж» [8; 10; 11] (также «неполитический мятеж» [12]). Криминальный мятеж — это механизм конфронтации с государством, возникающий тогда, когда отношения между организованной преступностью и государством выходят из равновесия. Вместе с тем криминальный мятеж представляет собой вызов государствам и сообществам [13]. Когда дело доходит до организованной преступности, правительству «противостоит особый вид (негосударственного субъекта — *К.С.*), не стремящийся к захвату власти и ее осуществлению, а влияющий на политику и государственные структуры» [12]. Криминальный мятеж отличается от обычных форм терроризма и мятежей тем, что единственным политическим мотивом криминальных повстанцев является получение автономии и экономического контроля над территорией. Они делают это, опустошая государство и создавая криминальные анклавы, чтобы обеспечить свободу маневра [10].

Цель данной работы — выявить факторы, способствующие криминальному мятежу в Мексике. Для ее достижения, помимо общенаучных мето-

дов, используются сравнительный подход, с помощью которого было выявлено сходство криминального мятежа с участием мексиканских ПО и других форм неклассических войн, а также системный подход, позволивший рассмотреть мексиканские ПО как открытые системы, подверженные внешним воздействиям, прежде всего со стороны государства. Концепцию криминального мятежа мы развили и расширили, рассмотрев его в качестве формы неклассических войн, в которых НГНА являются ключевыми субъектами наравне с государствами. В исследовании анализируются источники и общедоступная информация, например, официальные документы государственных ведомств Мексики и международных организаций, в частности, Управления ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН), а также НПО Международной кризисной группы (*International Crisis Group, ICG*). Кроме того, задействованы и такие вторичные источники, как СМИ. Информация была проанализирована и сопоставлена с концепциями, использованными в работе. Проведен анализ проблемы криминального мятежа в Мексике как формы неклассических войн и влияния, которое он оказывает на государственный суверенитет страны.

ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МЕКСИКИ И ПОДКОНТРОЛЬНЫЕ ИМ ТЕРРИТОРИИ

Глобализация и горизонтальная диверсификация незаконных сетей после окончания холодной войны привела к экспансии ПО вплоть до транснационального уровня. Такие транснациональные преступные организации (ТПО) действуют за пределами своих традиционных границ. Они быстро находят новые возможности и распространяются на новые регионы, где ответные действия не представляют реальной угрозы для ТПО. Взаимодействующие сети формируют союзы там, где раньше их элементы действовали по отдельности. Сегодня основные ТПО стали глобальными, действуя не только в Латинской Америке, но и в США, Юго-Восточной Европе, Западной Африке и Юго-Восточной Азии, интегрируясь внутри и между сетями во всех регионах мира, генерируя высокий уровень криминального насилия, хотя в Латинской Америке этот уровень даже выше, чем на Ближнем и Среднем Востоке и странах Африки к югу от Сахары [14, с. 141]. Отметим, что незаконная деятельность, например, торговля наркотиками, оружием, контрабанда и торговля людьми, не является чем-то новым, однако скорость, масштабы и связанное с ней насилие в результате глобализации сделали эти транснациональные преступления проблемой и национальной, и международной безопасности [6, р. 244].

Особое место здесь занимают наркокартели, активно действующие в странах Латинской Америки, в том числе в Мексике, где они прошли длительный эволюционный путь, превращаясь в квазигосударственные субъекты со своими армиями, полицией, разведкой и даже пенитенциарной системой [15]. В современных исследованиях авторы выделяют фазы эволюции наркокартелей. Так, американские специалисты в области международной безопасности Р.Банкер и Дж.Салливан еще в 1998 г. отмечали три фазы развития наркокартелей [7]. Наркокартели первой фазы появились в Колумбии в 1980-х годах как ответ на возрастающий спрос на кокаин в США. Эти наркокартели (медельинская модель) извлекали прибыль в мас-

штабах, недоступных индивидуальным предпринимателям, производившим кокаин в середине 1970-х годов. Данный наркокартель стал агрессивным конкурентом государства из-за своей склонности к крайнему насилию, бескомпромиссности и готовности открыто бросить вызов государственной власти. Модель медельинского картеля являлась иерархической, она фактически замыкалась на его главаря Пабло Эскобара, и, по сути, была вертикально-интегрированной организацией.

Вторая фаза формирования наркокартелей также сначала развивалась в Колумбии, но в городе Кали. В отличие от своего медельинского аналога группа Кали (или Картель Кали), возникшая в начале 1980-х годов, была теневой организацией, в которой не было лидера. Форма организации данного наркокартеля была, скорее, сетевой, а не традиционно иерархической. Многие из его характеристик и видов деятельности были скрыты и рассредоточены, что обеспечило ряд оперативных возможностей, которыми не обладали наркокартели, относящиеся к первой фазе, т.е. Картель Кали делал ставку на полную анонимность. Это согласуется с анализом, сделанным в докладе УНП ООН за 2017 г. Эксперты отметили, что «после подавления деятельности организованных преступных групп в различных районах мира в 1990-х годах ... возникли новые группы с более диверсифицированной структурой преступной деятельности» [16].

Гипотетические наркокартели третьей фазы, если и когда они возникнут, могут стать еще более серьезной проблемой для национальных государств. Третья фаза стала бы результатом непрекращающейся коррупции и кооптации государственных институтов. Такая организация бросит вызов нынешним институтам и, по крайней мере, в течение переходного периода будет использовать коррупцию, сотрудничество, терроризм и преступность в своих целях. Дж.Салливан отмечал, что криминальный мятеж в Мексике может стать предвестником появления наркокартеля третьей фазы, поскольку мексиканские наркокартели борются и между собой, и с государством [17].

Следует подчеркнуть, что происходит активное развитие не только наркокартелей, но и банд (*maras*). Так, по мнению Р.Банкера и Дж.Салливана [8] и согласно эволюционной модели, выстроенной А.Бустаманте [13], выделяются три поколения банд, а ключевым показателем их эволюции является интернационализация [18, pp. 99-126]. Банды первого поколения — традиционные уличные банды с ориентацией на сферу влияния, которую контролируют и защищают в пределах нескольких кварталов. Члены этих бандитских группировок не ставят перед собой политических целей, их действия не особенно изощренные.

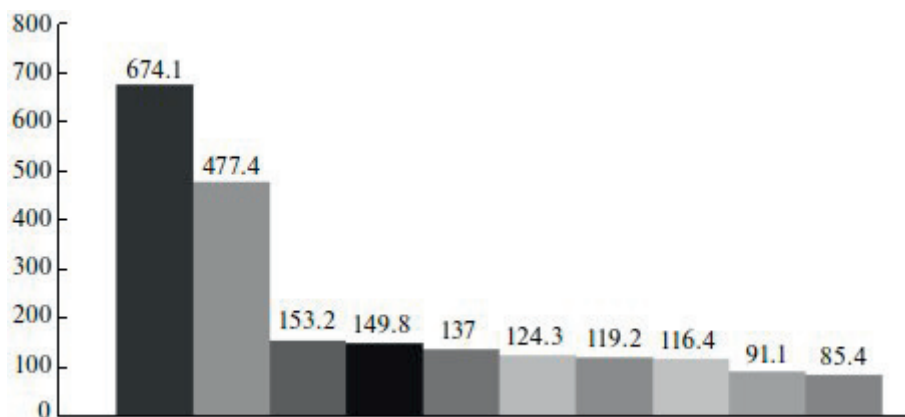
Банды второго поколения занимаются бизнесом, а насилие используют для защиты от конкурентов. Эти банды действуют на довольно больших территориях (несколько штатов, трансграничные области); их члены склонны к централизованному лидерству и изощренным операциям по защите рынка. Банды третьего поколения (например, *Mara Salvatrucha*, *MS-13*) преследуют политические цели. Они действуют на глобальном уровне, ориентируясь на получение власти, финансовые приобретения и участие в деятельности наемнического типа. На сегодняшний день члены большинства банд третьего поколения в основном являются наемниками. В некоторых случаях банды третьего поколения стремятся продвигать собственные политические и социальные цели.

В Мексике наблюдается взаимодействие наркокартелей и банд, образующих специфические и чрезвычайно опасные преступные альянсы, в которых высокоразвитые банды предоставляют наркокартелям свои возможности, особенно своих участников в качестве наемников [19]. Как отмечают исследователи из Автономного университета Столичного региона (Мехико) Т.Сантьяго и К.Илладес, даже если вооруженные группы «не могут получить полную власть, они все же достигают господства над значительными территориями» [20]. Способность оспаривать территориальное господство государства указывает на политические цели наркокартелей и других НГНА, даже если они не озвучивались, поскольку речь идет о фактической сецессии из состава государства [21, сс. 110-111], а также на возможность бросить вызов его легитимности. Примерами таких зон беззакония (*lawless zones*) и параллельного суверенитета являются, в частности, районы мексиканских городов Тихуана, Сьюдад-Хуарес и Нуэво-Ларедо, где особенно активны группы, отколовшиеся от наркокартеля *Los Zeta: Grupo Bravo, Zetas Vieja Escuela*, и противостоящая им группа *Cartel del Noroeste*.

Ситуация примечательна тем, что описанные выше процессы происходят не в несостоявшемся государстве, которое так и не стало таковым в полном смысле этого слова, как, например, ряд стран Африки, в частности, Гвинея-Биссау или Центральноафриканская Республика. Напротив, речь идет о деградации ситуации в относительно развитом государстве. По официальной информации, например, от А.Ромо — главы администрации президента Андреса Мануэля Лопеса Обрадора (2018 — н/в) — на целых 40% территории Мексики царит насилие, и обстановка там фактически никогда не бывает стабильной [22]. По данным бывшего главы Центра исследований и национальной безопасности (*Centro de Investigación y Seguridad Nacional, CISEN*) Х.Каррильо Олеа, половина территории страны не контролируется государством и фактически находится «в руках нарко-торговцев» [23]. По другим данным, в 2015 г. свыше 75% мексиканских городов [24] были под влиянием организованной преступности, существовало 980 зон беззакония (или криминальных анклавов), где действия наркогруппировок не встречали серьезного сопротивления со стороны государства.

Важными источниками сведений о территориальном контроле ПО в Мексике являются данные министерства обороны, министерства безопасности и защиты граждан, а также министерства военно-морского флота [25], в том числе отчеты и документы, добытые активистами из группы *Guacamaya*. Факт этой крупнейшей в истории Мексики утечки (о ней стало известно в сентябре 2022 г.) подтвердил лично А.Лопес Обрадор [26]. Часть указанных документов, относящихся к *Sedena*, есть в открытом доступе [27], однако гораздо большая часть файлов доступна только журналистам. Кроме того, часть документов и сведений из утечки получили, а затем обнародовали некоторые мексиканские консалтинговые фирмы (например, *AC Consultores* [28]). Интерес представляют и отчеты Исполнительного секретариата Национальной системы общественной безопасности (*Secretariado Ejecutivo del Sistema Nacional de Seguridad Pública, SESNSP*) [29]. На основе этих данных на рисунке 1 отображены площади территорий, на которых действуют крупнейшие наркокартели в Мексике.

Рис. 1. ПЛОЩАДЬ ТЕРРИТОРИЙ, ГДЕ ДЕЙСТВУЮТ КРУПНЕЙШИЕ НАРКОКАРТЕЛИ МЕКСИКИ (по состоянию на 2022 г., в тыс. км²)

В порядке убывания: *Cártel de Sinaloa*, *Cártel de Jalisco Nueva Generación (CJNG)*, *Cártel de Juárez*, *Los Zetas*, *Los Salazar*, *El Cártel del Noreste*, *Cártel del Golfo*, *La Línea*, *Los Chapitos*, *Pura Gente Nueva – Zetas Vieja Escuela*.

Источник: составлено автором по: *Sedena*, *SSPC* и *Semar* [25; 27], *AC Consultores* [28], *SESNSP* [29].

Из данных источников следует, что общая площадь территории, где в той или иной степени присутствуют ПО, составляет 1,59 млн км², или 81% территории Мексики, на которой проживают 108 млн человек из 129,1 млн от общей численности населения страны. Это указывает на беспрецедентный уровень развития преступности, являющейся фундаментальной угрозой национальной безопасности.

РАСПАД И «СЕТЕВИЗАЦИЯ» ПРЕСТУПНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В МЕКСИКЕ

Особенности НГНА, прежде всего наркокартелей, вызывают вопрос о том, что именно приводит к столь быстрому распространению их влияния, вплоть до превращения в угрозу государственному суверенитету. Было бы неверным полагать, будто столь интенсивная эволюция НГНА могла происходить без участия самого государства; отчасти это связано с характером борьбы государства с НГНА. Так, некоторые исследователи отмечают, что «меж- и внутрикартельные ссоры, как правило, происходят сразу после устранения лидера в муниципалитете и после нейтрализации лидера или «лейтенанта» (*teniente*, «лейтенанты» занимают второй уровень в иерархии наркокартелей. — К.С.) в соседних стратегических муниципалитетах. Такие нарушения существовавшего ранее порядка сопровождаются последующим (и относительно медленным) ухудшением функционирования цепочек командования внутри картелей. Местные криминальные ячейки фактически перестают подчиняться лидерам наркокартеля и вполне могут самостоятельно принять решение об активизации преступной деятельности в

отношении мирного населения» [30]. Исследователи называют это «эффектом гидры», который приводит к росту наркопроизводства и усилению вражды между группировками.

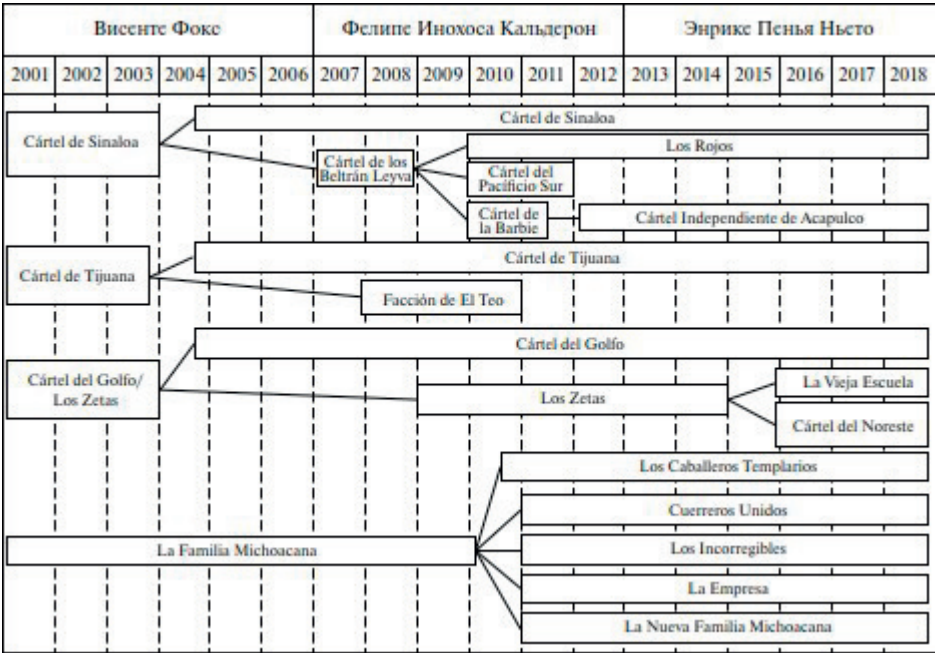
Особенность «эффекта гидры» состоит в том, что ликвидация или арест главарей преступных группировок ведет к их фрагментации. Вследствие этого возникает противоборство между расколовшимися частями наркокартелей, которые начинают враждовать и между собой, и с государством. Согласно данным *Mexico Peace Index*, до 2006 г. существовало всего три крупных картеля — *Cartel de Sinaloa*, *Cartel de Tijuana* и *Cartel del Golfo*. Но уже в течение следующих 14 лет, которые пришлось на объявленную в 2006 г. Фелипе Кальдероном (2006—2012 гг.) войну с наркокартелями, появилось 42 преступные организации, к которым относятся отколовшиеся от крупных наркокартелей фракции и новые структуры [31]. Процесс фрагментации сопровождался переделом территории и собственности между картелями [32, с. 208]. Оценивая действия мексиканского руководства, исследователь незаконного оборота наркотиков и насилия Х.А.Васкес Вальдес из Автономного университета Сакатекаса отмечает, что «карательные меры, направленные на противодействие ТПС (транснациональным преступным сетям. — К.С.), как если бы они были организованы пирамидальным образом, неадекватны и применялись правительством для того, чтобы оно могло похвастаться результатами, в частности, арестами крупных боссов; поэтому подобные меры краткосрочны и практически не влияют на деятельность ТПС» [33]. Этот вывод согласуется с позициями других исследователей, согласно которым «предпринятое Ф. Кальдероном наступление на позиции организованной преступности не было хорошо подготовлено, не учитывало масштабов проникновения наркобизнеса в социальную ткань общества, и, главное, власти не предвидели многосторонний характер начатой ими войны» [34, с. 155].

На рисунке 2 показана фрагментация ряда наркокартелей на основе данных из различных источников, включая *Sedena* [25], Упсальскую программу сбора данных о конфликтах (*Uppsala Conflict Data Program, UCDP*) [35], *ICG* [36]. Использовались также сведения из работ Э.Герреро-Гутьерреса, О.Веласко и И.Переса [37; 38; 39]. Именно на период так называемой нарковойны, начатой во времена администрации Кальдерона, пришлась активная фаза распада наркокартелей. При Энрике Пенье Ньето (2012—2018 гг.) данная тенденция продолжала развиваться.

Примечательно, что резкий рост смертности пришелся именно на период начала активного противодействия наркокартелям с использованием военных (с 2007 г.), что показано на рисунке 3, отображающем количество насильственных смертей в год (по данным *Sedena*, *SSPC* и *Semar*) [25] за период 2001—2022 гг.

Эскалация насилия привела к тому, что в Мексике с 2017 г. ежегодно гибнет свыше 30 тыс. человек [40]. Согласно использованному нами методу расчета [21, с. 45], не все из этих случаев являются следствием нарковойны. Однако порядка двух третей насильственных смертей произошли именно из-за нарковойны, что превосходит гибель комбатантов и нонкомбатантов в Сирии, Ираке или Афганистане за тот же период [21, с. 46]. Подсчет был основан, в том числе, и на данных из отчета *SENSP* [41]. Оценка согласуется с результатами исследования [31] и заявлением А.Лопеса Обрадора [42].

Рис. 2. РАСПАД НЕКОТОРЫХ НАРКОКАРТЕЛЕЙ В ПЕРИОД АДМИНИСТРАЦИЙ ВИСЕНТЕ ФОКСА КЕСАДЫ (2000—2006), ФЕЛИПЕ КАЛЬДЕРОНА И ЭНРИКЕ ПЕНЬЯ НЬЕТО

Источник: составлено автором по: *Sedena, SSPC и Semar* [25], *UCDP* [35], *ICG* [36], [37], [38], [39].

Таким образом, значительный рост показателей гибели населения, в том числе участников ПО, пришелся именно на период активной дезинтеграции наркокартелей вследствие начатой администрацией Кальдерона военно-силовой операции против этих ПО, похожей на политику «*mano dura*» («твердая рука») в Сальвадоре и Гватемале [43]. Данная стратегия соответствовала «секьюритизации», когда наркопроизводство и наркоторговля, а также ПО рассматривались руководством Мексики как угроза национальной безопасности [44, pp. 55-57]. Этому способствовала Инициатива Мерида [45], запущенная США в 2007 г., предусматривавшая значительное увеличение средств, выделяемых на усилия Мексики по борьбе с наркотиками. Так, американское правительство увеличило финансирование примерно с 57 млн долл. в период 2000—2006 гг. до 400 млн долл. в 2008 финансовом году [46]. В 2009 г. Вашингтон выделил уже 420 млн долл. на финансирование инициативы Мерида в Мексике [46, p. 8], т.е. по сравнению с началом нулевых годов, даже с учетом инфляции, финансирование на борьбу с наркокартелями выросло в десятки (!) раз, хотя при администрации Дж.Байдена оно снизилось в 2021 и 2022 гг. до 158,9 млн долл. и 116,5 млн долл. соответственно [47].

Рис. 3

Источник: составлено автором по: *Sedena*, *SSPC* и *Semar* [25].

Распад ПО коренным образом преобразует оперативную среду, в которой действуют эти НГНА и государственные ведомства. Важно отметить, что в мирное время военные принимают участие в учениях и проходят регулярные тренировки, которые никогда не заменят реальные боевые действия, сколь угодно тяжелыми и приближенными к боевым условиям они ни были. Реальный боевой опыт и отработка управления войсками в ходе боевых действий незаменимы. В этой связи важно выделить тот факт, что мексиканские наркокартели, в том числе активно взаимодействующие с бандами, например, *MS-13*, *M-18* или *Barrio Azteca* [48; 49], практически непрерывно противостоят друг другу и силовым ведомствам по всей Мексике, которая фактически превращается в полигон, где происходит ожесточенное противостояние.

Ситуация еще больше усугубилась с появлением в 2018 г. *SSPC*, когда была упразднена Федеральная полиция (*Policía Federal, PF*), и были заложены институциональные основы для создания новых сил безопасности, получивших название Национальная гвардия (*Guardia Nacional, GN**). Однако в ней именно военные составили основу нового корпуса безопасности [50; 51]. Только члены *Sedena* и *Semar* могут занимать командные должности, а немногие гражданские лица в *NG* были переведены на второстепенные должности. Использование вооруженных сил в Мексике для поддержания безопасности — это следствие очень сложной децентрализованной и многоуровневой правоохранительной системы страны, а также высокого уровня коррупции в полиции [52]. Итогом указанных факторов стал запуск активной милитаризации спецслужб и правоохранительных органов в целом, что привело к появлению военной специфики в противодействии ПО. В результате мексиканское политическое руководство противодействовало ПО как иррегулярным силам, используя военные методы и средства. Как

* *SSPC* подчиняется Национальная гвардия, а также Национальный разведывательный центр (*Centro Nacional de Inteligencia, CNI*).

отмечает доктор политических и социальных наук К.А.Флорес Перес из Национального автономного университета Мексики (*Universidad Nacional Autónoma de México, UNAM*), тот факт, что мексиканское руководство использовало для борьбы с наркотиками «элементы, предназначенные для ведения нетрадиционной войны, в качестве правительственной политики общественной безопасности было не только неэффективным, но и контрпродуктивным, поскольку все это только усиливало то явление, которое нужно было сдерживать» [53, р. 92]. Исследователь указывает на то, что это облегчало техническую передачу специальных военных знаний вооруженной преступности, в результате чего «подобная политика во многом привела к росту военизированной организованной преступности в Мексике». Массированная финансовая помощь со стороны США в виде Инициативы Мерида также повлекла за собой увеличения числа преступлений, поскольку милитаризированные службы правопорядка получили дополнительный мощный финансовый ресурс. Вследствие такого подхода некоторые регионы Мексики, особенно граничащие с США, превратилась в зоны боевых действий.

Распад наркокартелей и их дестабилизация особенно заметны на примере крупнейших из них. Так, с момента последнего тюремного заключения экс-лидера *Cártel de Sinaloa* Хоакина Гусмана Лозра (*El Chapo*, в 2017 г. был арестован и экстрадирован в США, где через два года его приговорили к пожизненному заключению), сам наркокартель распался на несколько структур, одну из которых возглавляет Исмаэль Марио Замбада Гарсия (*El Mayo*), другую — брат *El Chapo* Аурелио Гусман Лозра (*El Guano*), еще одну — четыре сына *El Chapo*, известных под общим прозвищем *Los Chapitos* [54, pp. 24-26].

Фрагментация наркокартеля *Los Zetas* произошла вследствие ликвидации одного из лидеров этой ПО Эриберто Ласкано (псевдоним *El Lazca*) в 2012 г. в перестрелке в штате Коауила. Следующим ударом по наркокартелю стал захват Мигеля Анхеля Тревиньо Моралеса (псевдоним *Z-40*) в 2013 г. [54, р. 28]. Одной из причин распада наркокартеля *La Familia Michoacana* стала ликвидация его лидера Назарио Морено Гонсалеса (*El Más Loco*) в 2014 г. в г. Тумбискадио [38].

Cártel de los Beltrán Leyva перестал существовать после ликвидации его лидера Артуро Бельтрана Лейвы в 2009 г., за которым последовал арест его брата Карлоса. В 2010 г., когда картель распался, их брат Эктор Бельтран Лейва взял остатки *Cártel de los Beltrán Leyva* и переименовал ее в *Cártel del Pacífico Sur*. Другой высокопоставленный участник *Cártel de los Beltrán Leyva*, Эдгар Вальдес Вильярреал (*La Barbie*), возглавил лояльную ему фракцию и сформировал *Cártel Independiente de Acapulco*, которым он руководил до ареста в 2010 г. [54, pp. 30-31]. Распад этих и многих других ПО пришелся на начатую властями в 2007 г. нарковойну.

Итогом описанной выше дезинтеграции стала мутации ПО, которые все время находятся в условиях экстремальной конкуренции и противостояния. Подобные условия формируют определенную мотивацию к усложнению организационной структуры наркокартелей и совершенствованию их тактики. Распад наркокартелей, произошедший вследствие устранения или ареста их лидеров, создает предпосылки для адаптации ПО и мощный импульс для инноваций, например, в выборе средств и методов, применяемых тем или иным наркокартелем в борьбе с противниками. Это согласуется с

выводами экспертов из Агуаскальентеса, исследовавших союзы и фрагментацию ПО [55], и работой доктора социологии Артуро Альварado Мендоса из Мексиканского колледжа [56], который изучал внутренние конфликты на примере организации *La Unión*. Оценки рисков, связанных с распадом ПО и постоянной борьбой за территории, были отражены в работе Борха Васкеса [57].

Важным следствием распада наркокартелей является «сетевизация» этих преступных организаций и их новых альянсов, имеющих децентрализованную форму организации, что позволяет им эффективнее противостоять государству. Отметим, что сети играют ключевую роль в ряде форм неклассических войн [1; 21]. Однако, если в неклассических войнах, в которых участвуют, главным образом, государства, речь идет о создании сетевых протестных групп [58] или же о применении криминальных элементов, экстремистов и террористов в виде иррегулярных формирований, как это было в Сирии [4; 59], то в Мексике неклассическая война организуется НГНА в форме криминальных мятежей.

Особенность альянсов ПО и их сетей состоит в том, что они образуются даже без всякого внешнего воздействия по отношению к государству, на территории которого возникают. Для сравнения: «цветные революции», рассматриваемые в данной работе в качестве технологий демонтажа политических режимов [60] и форм неклассических войн, ключевым элементом которых являются протестные движения, организованные с помощью социальных сетей, осуществляются иностранными акторами с участием местных структур (части госаппарата, олигархов или оппозиции). В гибридных войнах ставка делается на террористов, криминал и наемников, которых государственные акторы формируют в сетевые группы. В обоих случаях эти группы становятся инструментом достижения военно-политических целей государств. Если речь идет о ПО и их альянсах в криминальном мятеже, то так называемые сетевые организации могут формироваться без иностранного участия, являясь субъектами, преобразующими свою организацию самостоятельно или под воздействием государства, осуществляющими захват или кооптированную реконфигурацию государства [61]. Под этим понимаются, соответственно, захват преступниками ключевых политических функций на национальном уровне (политиков, судей, полиции и др.) и систематическое изменение системы управления в интересах ПО [62]. Фрагментацию следует рассматривать как одну из важнейших причин «сетевизации» наркокартелей, банд и их альянсов.

Переход к горизонтальным связям и увеличению случаев вступления в альянсы децентрализованными ПО хорошо согласуется с эволюционной схемой Банкера-Салливана, разработанной для изучения деятельности и особенностей развития наркокартелей и банд. Так, обезглавливание главарей ПО дает импульс к переходу в сетевые формы и сетевые альянсы, отчасти напоминая ситуацию в Колумбии после ликвидации главаря Медельинского картеля П. Эскобара [63]. Как следствие, мексиканские наркокартели все больше переходят от модели вертикально-интегрированных семейных преступных предприятий к горизонтальным децентрализованным синдикатам. Это соответствует переходу от наркокартелей первого поколения ко второму в схеме Банкера — Салливана. Одним из примеров

этого может послужить *Cártel de Sinaloa*. Есть основания полагать, что Х.Гусман (*El Chapo*) не принимал ключевые стратегических решений и являлся лишь номинальным главой, арест которого мало повлиял на функционирование *Cártel de Sinaloa*. Это связано с тем, что Х.Гусман делегировал решение оперативных задач Исмаэлю Марио Замбада Гарсии (*El Mayo*) и другому главарю наркокартеля — Хуану Хосе Эспаррагоса Морено (*El Azul*) — задолго до своего ареста [64; 65, р. 121]. Из этого следует, что боевики *Cártel de Sinaloa* контролируют ряд территорий и образуют децентрализованную сеть главарей, ведущих незаконную деятельность посредством союзов друг с другом и с местными бандами по всему региону. Эти банды специализируются на определенных услугах, для оказания которых они заключили контракт с преступной сетью *Cártel de Sinaloa*.

Вышеупомянутая связь сетевых ПО способствует их распространению и росту насилия. Так, согласно последним данным [28], ПО существуют в 1488 муниципалитетах Мексики из 2471. Это стимулирует распространение криминальных анклавов, создает предпосылки для возникновения картелей третьего поколения и генерации крайнего насилия в противостоянии с государством, которое начинает отвечать путем наращивания применения сил с опорой на военных (что особенно проявилось при администрации Ф.Кальдерона и следующих президентах). Еще одним фактором роста насилия является внутривластная борьба, а именно контроль над ресурсами для обеспечения безопасности, осуществляемый федеральными властями. Фактически федеральная власть может намеренно ослаблять безопасность в том или ином муниципалитете, сократив выделяемые финансовые средства. Подобное происходит в тех муниципалитетах, которые возглавляются мэрами от оппозиции [50].

При этом нельзя сказать, что действия государства абсолютно безрезультативны. Например, начатая в 2009 г. во время правления Ф. Кальдерона «Операция чистка», проведенная правоохранительными органами, привела к аресту и последующим приговорам к длительным срокам заключения ряда армейских офицеров, являвшихся информаторами наркокартелей, а также бывшего главы антинаркотического ведомства Нозэ Рамиреса, получившего от *Cártel de Sinaloa* взятку в 450 тыс. долл. [34, с. 163]. Однако, если рассматривать ситуацию в целом, то следует заметить, что решение тактических задач во внутривластной борьбе ведет к стратегическому ухудшению обстановки для всей страны. В результате возникает эффект самовоспроизводства взаимного насилия — государства и ПО, — составляющий основу криминального мятежа.

КРИМИНАЛЬНЫЙ МЯТЕЖ — УГРОЗА ГОСУДАРСТВЕННОМУ СУВЕРЕНИТЕТУ МЕКСИКИ

Через криминальный мятеж осуществляется эрозия суверенитета национальных государств, которые, по формулировке М.Кастельса, доходят до фазы несостоявшегося государства (*failed state*) или сетевого государства (*network-state*) [43]. Некоторые авторы отмечают, что «государства не столько приходят в упадок, терпят крах и уступают (сетевому государству — *К.С.*), сколько изменяют саму свою природу. Сеть — правильная метафора для понимания сложности нового государства» [66]. Согласно

оценке М.Кастельса, криминальные сети обладают мощной способностью к адаптации и быстро распространяются. Эта способность превосходит возможности государств и корпораций. В Мексике наблюдаются признаки подобных процессов, поскольку там ПО формируют высокоорганизованные сетевые структуры, контролирующие значительные территории. Для государства эти факторы столь разрушительны, что в сочетании с отношением между неолиберальным политическим режимом и организованной преступностью они дали основания некоторым исследователям классифицировать Мексику как «наркогосударство» [67], хотя данная концепция небесспорна. Тем не менее, с учетом вышеприведенных фактов и анализа, мы полагаем, что сохранение текущих тенденций, в том числе коррупции и кооптации государственных институтов со стороны ПО, может превратить Мексику в наркогосударство / несостоявшееся государство.

Отметим, что степень несостоятельности (*failure*) государств увязана с уровнем развития ПО, в том числе, когда наркокартели и банды образуют нетрадиционные альянсы [47]. Более того, эволюция ПО и преобразование их в сети приводит к формированию криминальных анклавов на локальном уровне, которые также объединены в сеть и могут, как минимум, иметь влияние среди государств. Учитывая масштаб распространения неконтролируемых территорий в Мексике, в том числе отдельных городов, такая «анклавизация» действительно имеет место. Данный пример демонстрирует наличие форм неклассических войн, в которых ключевыми субъектами, наравне с государством, являются НГНА — наркокартели и банды, их альянсы и сети. Подобная угроза вполне может возникнуть внутри уже сформировавшихся государств, а не только в тех, которые являются таковыми исключительно по названию. Данный феномен представляет угрозу национальной безопасности, фундаментальным интересам государства и общества.

Не вызывает сомнений тот факт, что явление криминального мятежа многогранно, а причин его появления очень много. В данной работе мы выделили две основные причины — фрагментацию и «сетевизацию», которые выводят на новый уровень криминальный мятеж, способный сформировать динамичную среду, где сосуществуют и одновременно противостоят друг другу классическое национальное государство и «сетевое государство», представленное сетью ПО. Особо примечательно, что угроза столь высокого уровня для состоявшегося государства возникла при полном отсутствии внешнего враждебно-деструктивного масштабного воздействия или значимых внутренних предпосылок для сецессии. Более того, чаще всего сепаратистские/террористические группировки, ставящие своей целью выход из состава государства, как правило, действуют локально: курды на юге и юго-востоке Турции, чеченцы в 1990-е годы в России, сепаратизм этногруппировок в Мьянме возле границы с Китаем (Кокан, штат Шан), Ирландская республиканская армия в Ольстере и др. Зоны беззакония в Мексике (как и в ряде других стран Латинской Америки) образуются не в отдельных районах, а почти по всей стране, прежде всего, вследствие борьбы за территории и рынки (например, выращивание наркобиомассы или создание наркотических средств и их прекурсоров), маршрутов поставок нелегального товара (транспортировка наркотиков, оружия, торговля людьми и пр.), а также альянсов ПО, направленных как против конкурен-

тов, так и против государства. Существующие тенденции в Мексике свидетельствуют о том, что в будущем ситуация там может кардинально ухудшиться, если не будут приняты фундаментальные, системные и экстраординарные меры по ее исправлению.

В ходе эволюции структура ПО усложняется, увеличиваются размеры подконтрольных им территорий, расширяется масштаб деятельности преступных сообществ и т.д. Вследствие этого происходит распад ПО, что ведет к их «сетевизации» (самих ПО и к возникновению сетевых альянсов), усилению вражды между ними и росту масштабов насилия. Это вызывает ответную реакцию государства в виде милитаризации правоохранительных органов и устранения лидеров ПО. Кроме того, ухудшение ситуации в Мексике происходит из-за увеличения наркотрафика, а также из-за обострения внутривнутриполитических проблем, в том числе противоборства федеральных и местных властей. Этим наносится еще больший урон государству, его институтам и суверенитету. В результате сетевые ПО становятся субъектами неклассических войн в форме криминального мятежа. Особенность такой формы неклассических войн, отличающая ее от других форм, в которых сетевые группы используются государствами против других государств, состоит в том, что эволюционировавшие описанным выше образом ПО — не просто объекты с сетевой организацией, которых прямо или скрытно используют государства и их спецслужбы для достижения военно-политических целей; ПО становятся сетевыми субъектами неклассической войны, действующими в своих интересах.

Таким образом, специфика эволюции таких НГНА, как наркокартели и банды, а также непреднамеренные ошибочные действия в отношении них со стороны государства ведут к криминальному мятежу — форме неклассической войны, субъектами которой, помимо государства, являются ПО. При этом интегральное разрушительное воздействие на государство и его суверенитет от такого вооруженного конфликта, если принять во внимание количество погибших и возникновение множества зон беззакония, сопоставимо с классическими войнами, в которых основным инструментом достижения военно-политических целей является прямая военная сила. Важно еще и то, что в ходе эволюции ПО, в том числе вследствие их дробления из-за силового противодействия со стороны государства, возникают условия для преобразования ПО в сетевые субъекты неклассической войны внутри отдельно взятого государства даже, если у таких субъектов нет декларируемых политических (а также идеологических или религиозных) целей. Подчеркнем: возникновение подобных субъектов происходит без вмешательства со стороны иностранных государств, что отличает данный случай от других, где субъекты неклассических войн в виде НГНА возникают либо без внешнего участия, но изначально выдвигают политические цели (и могут пользоваться поддержкой иностранных государств), либо создаются и управляются иностранными государствами. Однако в этом случае сетевые НГНА (или протестные группы) являются объектами.

Более того, криминальный мятеж как форма неклассических войн представляет собой угрозу не только отдельно взятому государству, но и сопредельным странам. Так, действия мексиканских наркокартелей распространяются на Гватемалу, где отколовшиеся фракции наркокартеля

Los Zetas создают свои базы, на которых они могут переждать рейды правительственных сил, если у Мехико появляются для этого возможности. Другой пример — взаимодействие наркокартелей с мексиканской мафией *La Eme*, доминирующей в ряде тюрем к северу от Рио-Гранде на территории США. Это создает массу проблем как для властей на уровне штатов и муниципалитетов, так и для федеральной власти по обе стороны границы. Не меньшую угрозу несут и ТПО по типу *MS-13*, чему особенно способствует сетевой характер взаимодействия подобных НГНА между собой при наличии общих целей, но децентрализованной тактики. Пример Мексики показывает, что криминальный мятеж в форме действий сети ПО ведет к формированию «параллельного государства» и двойного суверенитета, что полностью соответствует концепции неклассических войн, в которых как минимум один из акторов делает основную ставку не на использование вооруженных сил, а на неинтервенционные элементы насильственного контроля, в обсуждаемом случае — сетевые группы. Такими группами являются некоторые формы наркокартелей и банд, особенно третьего поколения типа *MS-13*, взаимодействующие с наркокартелями и выступающие в роли транснациональных субподрядчиков или наемников для них. Банды третьего поколения можно считать «сетевыми воинами», а сетевые организационные формы приводят к подъему негосударственных или криминальных солдат.

В заключение отметим, что в Мексике сформировались благоприятные условия для интенсивной эволюции НГНА, являющихся ключевыми субъектами в неклассических войнах в форме криминального мятежа, акселерации которого способствует распад НГНА. Происходящие вследствие этого «сетевизация» наркокартелей и банд и параллельное увеличение масштабов подконтрольных им территорий являются ключевыми признаками, позволяющими идентифицировать криминальный мятеж как форму неклассических войн, в основе которых лежит использование сетевых групп. Таким образом, можно констатировать, что сущность криминального мятежа более сложна, чем представлялось ранее.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Стригунов К.С., Манойло А.В. Фундаментальный механизм и законы неклассической войны. *Гражданин. Выборы. Власть*. М., 2019, №4, сс. 157-193. [Strigunov K.S., Manoilo A.V. Fundamental'nyi mekhanizm i zakony neklassicheskoi voyny. *Grazhdanin. Vyborny. Vlast'* [Fundamental mechanism and laws of non-classical war]. *Grazhdanin. Vyborny. Vlast'*. М., 2019, N4, pp. 157-193 (In Russ.).
2. Наумов А.О. «Бульдозерная революция» в Сербии 2000 года: технологии смены политического режима. *Вестник СПбГУ. Сер. 6. Политология. Международные отношения*. СПб., 2016, №4, сс. 119-135. [Naumov A.O. «Bul'dozernaya revolyutsiya» v Serbii 2000 goda: tekhnologii smeny politicheskogo rezhima [«Bulldozer revolution» in Serbia in 2000: technologies for changing the political regime]. *Vestnik SPBGU. Ser. 6. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. SPb, 2016, N4, pp. 119-135 (In Russ.). DOI: 10.21638/11701/spbu06.2016.411
3. Стригунов К.С., Манойло А.В. Переворот в Боливии: внутренние и внешние факторы. *Вестник Томского государственного университета*. Томск, 2021, №466, сс. 131-142. [Strigunov K.S., Manoilo A.V. Perevorot v Bolivii: vnutrennie i vneshnie faktory. [The Coup d'Etat in Bolivia: Internal and External Factors]. *Tomsk Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Tomsk, 2021, N466, pp. 131-142 (In Russ.). DOI: 10.17223/15617793/466/16

4. Попов И.М., Хамзатов М.М. Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли. 3-е изд., испр. М., Кучково поле, 2018, 832 с. [Popov I.M., Khamzatov M.M. Voina budushchego: Kontseptual'nye osnovy i prakticheskie vyvody. Ocherki strategicheskoi mysli [The War of the Future: A Conceptual Framework and Practical Conclusions. Essays on Strategic Thought] 3rd ed., rev. Moscow, Kuchkovo pole, 2018, 832 p. (In Russ.).
5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Пер. с англ. под науч. ред. Шкаратана О.И. М., ГУ ВШЭ, 2000, 608 с. [Castells M. Informatsionnaya epocha: ehkonomika, obshchestvo i kul'tura [The Information Age: Economy, Society and Culture] Moscow, GU VSHEH, 2000, 608 p. (In Russ.).
6. Convergence: Illicit networks and national security in the age of globalization. Eds. Miklaucic M., Brewer J. Washington, D.C. National Defense University Press, 2013, 298 p.
7. Bunker R., Sullivan J. Cartel Evolution: Potentials and Consequences. *Transnational Organized Crime*. London, 1998, vol. 4, N2, pp. 55-74.
8. Bunker R., Sullivan J. Cartel evolution revisited: third phase cartel potentials and alternative futures in Mexico. *Small Wars & Insurgencies*. Abingdon, 2010, vol. 21, pp. 30-54. DOI:10.1080/09592310903561379
9. Ochoa M. Del crimen organizado al crimen desordenado: una apuesta por la observación conceptual y contextual. *Desacatos*. México, 2017, N54, pp. 92-105.
10. Sullivan J. Criminal Insurgency: Narcocultura, Social Banditry, and Information Operations. Available at: <https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/criminal-insurgency-narcocultura-social-banditry-and-information-operations> (accessed 14.07.2023).
11. Grillo. I. El narco. En el corazón de la insurgencia criminal mexicana. Madrid, Ediciones Urano, 2012, 478 p.
12. Murillo C. El crimen transnacional organizado como insurgencia no política: la experiencia Centroamérica. *Desafíos*. Bogotá, 2016, vol. 28, N2, pp. 177-211. DOI: 10.12804/desafios28.2.2016.05
13. Bustamante A. Insurgencias criminales y guerra urbana en Latinoamérica: Una aproximación al proceso de urbanización regional y su impacto en la evolución táctica y operativa de las organizaciones criminales trasnacionales. *Entretextos*. León, 2020, vol. 12, N35, pp. 1-17. DOI: 10.59057/iberoleon.20075316.20203556
14. Мартынов Б.Ф. (отв. ред.). Современная организованная преступность в Латинской Америке и странах Карибского бассейна. М., Весь Мир, 2017, 272 с. [Martynov B.F.) (red.). Sovremennaya organizovannaya prestupnost' v Latinskoi Amerike i stranakh Karibskogo basseina [Modern organized crime in Latin America and the Caribbean]. Moscow, Ves' Mir, 2017, 272 p. (In Russ.).
15. Иванов В. Антинаркотическая дипломатия и геополитика России в Латинской Америке. [Ivanov V. Antinarkoticheskaya diplomatiya i geopolitika Rossii v Latinskoi Amerike [Anti-Drug Diplomacy and Russia's Geopolitics in Latin America]. Available at: http://www.narkotiki.ru/5_81672.htm (accessed: 26.07.2023). (In Russ.).
16. Проблема наркотиков и организованная преступность, незаконные финансовые потоки, коррупция и терроризм. Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. [Problema narkotikov i organizovannaya prestupnost', nezakonnye finansovye potoki, korruptsiya i terrorizm. Upravlenie Organizatsii Ob"edinennykh Natsii po narkotikam i prestupnosti. [The drug problem and organized crime, illicit financial flows, corruption and terrorism. United Nations Office on Drugs and Crime]. Available at: https://www.unodc.org/doc/wdr2017/WDR2017_Booklet5_Russian.pdf (accessed: 25.09.2023). (In Russ.).
17. Sullivan J. Future Conflict: Criminal Insurgencies, Gangs and Intelligence. Available at: <https://smallwarsjournal.com/blog/journal/docs-temp/248-sullivan.pdf> (accessed 18.07.2023).
18. Sullivan J. Gangs, Hooligans, and Anarchists – The Vanguard Netwar in the Streets. *Networks and Netwars: The Future of Terror, Crime, and Militancy*. Eds. Arquilla J., Ronfeldt D. Santa Monica, RAND Corporation, 2001, pp. 99-126. (DOI: 10.7249/MR1382)
19. Hawley C. Bold New Cartels Emerging in Mexico. Available at: <http://www.azcentral.com/arizonarepublic/news/articles/2009/08/30/20090830lafamilia.html> (accessed 23.06.2023).
20. Santiago T., Illades C. La guerra irregular en Guerrero, 2007-2017. *Relaciones. Estudios de historia y sociedad*. Zamora de Hidalgo, 2019, vol. 40, N157, pp. 249-275. DOI: 10.24901/rehs.v40i157.363
21. Стригунов К.С., Манойло А.В., Петренко А.И. Наркокартели и криминальные сети. Рассвет темной глобализации. Москва, Горячая линия-Телеком, 2022, 304 с. [Strigunov K.S., Manoilo A.V., Petrenko A.I. Narkokarteli i kriminal'nye seti. Rassvet temnoi globalizatsii. [Drug

Cartels and Criminal Networks. The Dawn of the Dark Globalization]. Moscow, Goryachaya liniya-Telekom, 2022, 304 p. (In Russ.).

22. Phillips T. Mexico: 40% of country is paralyzed by violence, says new chief of staff. *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2018/jul/10/mexico-amlo-gangs-violence-land-paralyzed> (accessed 01.08.2023).

23. Carillo J. México en Riesgo: Una vision personal sobre un Estado a la defensiva. Mexico City, Grijalbo, 2011, 255 p.

24. Daugherty A. 75% of Mexico Municipalities Susceptible to Organized Crime: Official. Available at: <https://insightcrime.org/news/brief/75-of-mexico-municipalities-susceptible-to-organized-crime-official/> (accessed 03.07.2023).

25. Seguridad Noticias. Gobierno de México. Available at: <https://seguridad.sspc.gob.mx/documentos/?page=2&page=4&page=7&page=10&page=13&page=12&page=1> (accessed 23.07.2023).

26. AMLO confirma hackeo contra Sedena; son datos de dominio público, señala. Gobierno de la ciudad de México. Available at: <https://www.capital21.cdmx.gob.mx/noticias/?p=33439> (accessed 18.07.2023).

27. Index of / sedena. Enlace Hacktivista. Available at: <https://enlacehacktivista.org/sedena/> (accessed 23.07.2023).

28. Presencia del Crimen Organizado en México. AC Consultores. Available at: <https://app.powerbi.com/view?pageName=ReportSectionda2ba39cb8a217797a3f&r=eyJrIjoiaNGQxOTU2ZGYtN2JkYi00MzU3LThmZWVtODVmNDJlMDVlZGZjIiwidCI6IjM2YWM1ODUyLTkVkdZDAtNDVINC1iOWRhLWMwY2NkZDRmNTc2MCIsmiOjR9> (accessed 21.06.2023).

29. Incidencia delictiva. Secretariado Ejecutivo del Sistema Nacional de Seguridad Pública. Available at: <https://www.gob.mx/sesnsp/acciones-y-programas/incidencia-delictiva-299891?state=published> (accessed 20.07.2023).

30. Calderon G., Diaz-Ceyros A., Magaloni B. et al. The beheading of criminal organizations and the dynamics of violence in Mexico. *Journal of Conflict Resolution*. Newbury Park, 2015, vol. 59, N8, pp. 1455-1485. DOI: 10.1177/0022002715587053

31. Mexico Peace Index 2020: Identifying and measuring the factors that drive peace. Available at: <https://www.economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2020/08/ENG-MPI-2020-web.pdf> (accessed 18.07.2023).

32. Визгунова Ю.И., Дабагян Э.С. Роль мексиканского гражданского общества в урегулировании конфликтов. Политические конфликты в Латинской Америке: вызовы стабильности и новые возможности. Коллективная монография. Отв. ред. Ивановский З.В. Москва, ИЛА РАН, 2017, 452 с. [Vizgunova Ju.I., Dabagjan Je.S., Editor Ivanovskii Z.V. Rol' meksikanskogo grazhdanskogo obshchestva v uregulirovanii konfliktov. Politicheskie konflikty v Latinskoj Amerike: vyzovy stabil'nosti i novye vozmozhnosti. Kollektivnaya monografiya. [Political conflicts in Latin America: stability challenges and new opportunities. The role of Mexican civil society in conflict resolution]. Moscow, ILA RAN, 2017, 452 p. (In Russ.).

33. Vázquez J. RTC, más que crimen organizado, cárteles o narcotráfico. *Secuencia: revista de historia y ciencias sociales*. México, 2021, no. 111, e1799. DOI: 10.18234/secuencia.v0i111.1799

34. Давыдов В.М. (отв. ред.). Мексика: парадоксы модернизации. М., ИЛА РАН, 2013, 330 с. [Davydov V.M. (ed.). Meksika: paradoksy modernizatsii. [Mexico: Paradoxes of Modernization]. Moscow, ILA RAN, 2013, 330 p. (In Russ.).

35. Mexico. Uppsala Conflict Data Program. Available at: <https://ucdp.uu.se/country/70> (accessed 22.07.2023).

36. El crimen hecho pedazos: los efectos de la «guerra contra las drogas» en México, explicados. International Crisis Group. Available at: <https://www.crisisgroup.org/es/content/el-crimen-hecho-pedazos-los-efectos-de-la-«guerra-contra-las-drogas»-en-méxico-explicados> (accessed 22.07.2023).

37. Guererro-Gutiérrez E. Security, Drugs, and Violence in Mexico: A Survey, 7th North American Forum. Washington, 2011, 146 p.

38. Velasco O. Unintended consequences of state action: how the kingpin strategy transformed the structure of violence in Mexico's organized crime. *Trends in Organized Crime*. 2023. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12117-023-09498-x#:~:text=These%20results%20show%20that%20the,lethal%20violence%20throughout%20the%20country> (accessed 22.07.2023). DOI: 10.1007/s12117-023-09498-x

39. Pérez I. El crimen organizado y la fragilidad institucional como condicionantes del desarrollo: el Estado mexicano asediado por el narcotráfico y sus impactos desestructurantes en el

- tejido social. *Revista Facultad De Ciencias Económicas*. Bogotá, 2020, vol. 28, N1, pp. 145-181. DOI: 10.18359/rfce.3564
40. Resendiz J. Murders down in Mexico, but violence still at near-record levels. Available at: <https://www.borderreport.com/immigration/border-crime/murders-down-in-mexico-but-violence-still-at-near-record-levels/> (accessed 15.07.2023).
41. Informe de Incidencia Delictiva Fuero Común. Secretaría de Seguridad y Protección Ciudadana. Available at: https://drive.google.com/file/d/1g2HCuXR8vODsUsnUSwWyE_Kc8lm5yme/view (accessed: 04.07.2023).
42. Versión estenográfica de la conferencia de prensa matutina. Presidencia de la República. Available at: <https://www.gob.mx/presidencia/articulos/version-estenografica-de-la-conferencia-de-prensa-matutina-miercoles-3-de-junio-de-2020?idiom=es> (accessed 24.09.2023).
43. Bruneau T. Pandillas and Security in Central America. *Latin American Research Review*. Florida, 2014, vol. 49, N2, pp. 152-172. DOI:10.1353/lar.2014.0022
44. Rosen F., Bagley B. (eds.). Drug trafficking, organized crime, and violence in the Americas today. Gainesville, University Press of Florida, 2015, 472 p.
45. Merida Initiative. U.S. Department of State. Available at: <https://2009-2017.state.gov/j/inl/merida/> (accessed 26.01.2023).
46. Status of Funds for the Mérida Initiative. United States Government Accountability Office. Available at: <http://www.gao.gov/new.items/d10253r.pdf> (accessed 21.06.2023).
47. Mexico: Evolution of the Mérida Initiative, FY2008-FY2022. Congressional Research Service. Available at: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF10578/22> (accessed 19.07.2023).
48. Elkus A., Sullivan J. Los Zetas and MS-13: Nontraditional Alliances. Available at: <https://ctc.westpoint.edu/wp-content/uploads/2012/06/CTCSentinel-Vol5Iss65.pdf> (accessed 05.07.2023).
49. Buch J. Cartels Cooperate with Prison Gangs. Available at: <https://www.chron.com/news/houston-texas/article/Cartels-cooperate-with-prison-gangs-2436265.php> (accessed 08.07.2023).
50. Erubiel T., Canjura N. La Seguridad en la 4T, 2018-2022. Resultados de la ausencia de estrategia. *Análisis Plural*. Guadalajara, 2022, N1, pp. 1-16. (DOI: 10.31391/ap.vi1.12)
51. Serrano M. La estrategia de seguridad de amlo. ¿De la pacificación a la militarización? *Revista IUS*. Puebla, 2019, vol. 13, N 44, pp. 207-228.
52. Mexico's Forgotten Mayors: The Role of Local Government in Fighting Crime. International Crisis Group. Available at: <https://www.crisisgroup.org/latin-america-caribbean/mexico/99-mexicos-forgotten-mayors-role-local-government-fighting-crime> (accessed 29.06.2023).
53. La crisis de seguridad y violencia en México. Causas, efectos y dimensiones del problema. Ed. Flores Pérez C.A. México. Centro de Investigaciones y Estudios Superiores en Antropología Social, 2018, 354 p.
54. Mexico: Organized Crime and Drug Trafficking Organizations. Congressional Research Service. Available at: <https://sgp.fas.org/crs/row/R41576.pdf> (accessed 03.07.2023).
55. Dávila S. Atuesta L. Fragmentación y cooperación: la evolución del crimen organizado en México. Available at: https://politicadedrogas.org/documentos/20170113094601_18_fragmentacion_y_cooperacionfinal.pdf (accessed 11.07.2023).
56. Alvarado A. Crimen organizado en una ciudad de América Latina: la Ciudad de México. *Urvio. Revista Latinoamericana De Estudios De Seguridad*. Quito, 2016, N19, pp. 129-145. DOI: 10.17141/urvio.19.2016.2407
57. Vázquez B. Las luchas contra insurgencia-terrorismo-criminalidad: amenazas irregulares en el siglo XXI. *Estudios de la Seguridad Ciudadana*. Santa Catarina, 2021, vol. 4, N 4, pp. 83-86.
58. Манойло А.В. Цветные революции и технологии демонтажа политических режимов. *Мировая политика*. М., 2015, № 1, сс. 1-19. [Manoilo A.V. Tsvetnye revolyutsii i tekhnologii demontazha politicheskikh rezhimov. [Color revolutions and technologies for the dismantling of political regimes]. *Mirovaya politika*. Moscow, 2015, N1, pp. 1-19. (In Russ.). DOI: 10.7256/2306-4226.2015.1.12614
59. Basra R., Neumann P., Brunner C. Criminal Pasts, Terrorist Futures: European Jihadists and the New Crime-Terror Nexus. Available at: <https://icsr.info/wp-content/uploads/2016/10/ICSR-Report-Criminal-Pasts-Terrorist-Futures-European-Jihadists-and-the-New-Crime-Terror-Nexus.pdf> (accessed 03.07.2023).
60. Карпович О.Г., Манойло А.В. Цветные революции: Теория и практика демонтажа современных политических режимов. М., Юнити-Дана: Закон и право, 2015, 111 с. [Karpovich O.G., Manoilo A.V. Teoriya i praktika demontazha sovremennykh politicheskikh rezhimov.

[Color revolutions: Theory and practice of dismantling modern political regimes]. Moscow, Yuniti-Dana: Zakon i pravo, 2015, 111 p. (In Russ.).

61. Garay-Salamanca L. Narcotráfico, corrupción y estados : cómo las redes ilícitas han reconfigurado las instituciones en Colombia, Guatemala y México. México, D. F., México, Random House Mondadori, 2012, 335 p.

62. Garay-Salamanca L., Salcedo-Albaran E. Drug Trafficking, Corruption and State prepublication draft. Bloomington: iUniverse; Illustrated edition, 2015, 372 p.

63. Kenney M. The Architecture of Drug Trafficking: Network Forms of Organisation in the Colombian Cocaine Trade. *Global Crime*. Abingdon, 2007, vol. 8, N3, pp. 233-259. DOI: 10.1080/17440570701507794

64. Revelan Estructura y Enemigos de «El Chapo». *Excelsior*. Available at: <https://www.excelsior.com.mx/nacional/2014/03/26/950632> (accessed 27.01.2023).

65. Bailey J. The Politics of Crime in Mexico: Democratic Governance in a Security Trap. Boulder: FirstForumPress, 2014, 225 p.

66. Elkus A., Sullivan J. Security in the Network-State. Available at: <https://www.opendemocracy.net/en/state-change-sovereignty-and-global-security/> (accessed 08.07.2023).

67. Solís J. Neoliberalismo y crimen organizado en México: El surgimiento del Estado narco. *Frontera norte*. Tijuana, 2013, vol. 25, N50, pp. 7-34.

Konstantin S.Strigunov (sks6891@gmail.com)

Candidate of Political Sciences, Leading Analyst, Association of Information Warfare Specialists

Zelenograd, building 1425, apt. 109, 124617 Moscow, Russian Federation

Criminal organizations as subjects of non-classical wars and a threat to the state sovereignty of Mexico

Abstract. Military-political aims in non-classical wars are achieved without the use of armed forces or with their limited use. Criminal insurgencies are a form of non-classical wars in which criminal organizations are the main subjects on a par with states. The situation in Mexico is an example of a criminal insurgency. The fragmentation and networkization of criminal organizations contributes to their evolution which poses a threat to the national security of Mexico.

Key words: criminal, non-classical wars, criminal insurgency, Mexico, drug cartels, gangs.

DOI: 10.31857/S0044748X24020025

Received 20.07.2023.

А.Н.Пятаков

Россия — Латинская Америка. Военно-технический фактор в контексте специальной военной операции

В статье проанализирована тема поставок российских вооружений в страны Латинской Америки в период с 2012 по 2017 г. в контексте попыток НАТО привлечь государства региона в качестве поставщиков вооружений украинской стороне в рамках Специальной военной операции (СВО). Рассмотрены причины кооптации латиноамериканских государств в конфликт. Выявлено пять уровней реагирования латиноамериканского сообщества на проведение Россией СВО, из которых высшим является уровень конкретных политических решений. Отказ латиноамериканских стран отправлять вооружения (в том числе ранее поставленные Россией) в зону конфликта следует рассматривать как наиболее яркий пример реагирования на пятом уровне и симптом стратегического нейтралитета как доминирующей равнодействующей реакции стран Латинской Америки на конфликт.

Ключевые слова: вооружение, милитаризация, Латинская Америка, Россия, СССР, конфликт, НАТО.

DOI: 10.31857/S0044748X24020038

Статья поступила в редакцию 02.07.2023.

Загребаящий жар чужими руками после свои пережжет.

Александр Васильевич Суворов

Одной из ключевых тенденций в современном мире является новый виток милитаризации как таковой и милитаризации мировой политики. Знаковым, если не центральным событием, в рамках этого макротренда стал перевод зашедшего в тупик переговорного процесса между Россией и Западом в военное русло, результатом чего стало проведение Россией специ-

Андрей Николаевич Пятаков — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Центра аналитических разработок ИЛА РАН (РФ, 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, 21/16, anpyatakov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3934-958X>).

альной военной операции (СВО) на Украине. Являясь формально и на поверхности двусторонним, данный конфликт вызвал мировой резонанс, имеющий глобальный контекст и стимулирующий прямое или косвенное вовлечение в него многих регионов мира, включая Латинскую Америку. Российская Федерация, будучи вторым в мире поставщиком вооружений, была довольно активна на латиноамериканском направлении, что инерционно порождает попытки вовлечь российских партнеров в орбиту данного конфликта. Цель представленного ниже исследования — выявить взаимосвязи и реакции международного сообщества, проявившиеся в контексте осуществленных в недавнем прошлом поставок российских вооружений в Латинскую Америку и проведения СВО.

Исследование проведено с опорой на методологию политического реализма и политического прагматизма.

УРОВНИ РЕАГИРОВАНИЯ НА КОНФЛИКТ

СВО, начатая Россией, поставила практически перед всеми государствами мира вопрос о выработке позиции в отношении данного события, что уже свидетельствует о глобальном значении произошедшего. Необходимость определить позицию, связанную с СВО, возникла и в странах Латинской Америки. Можно выделить пять уровней проявления отношения латиноамериканского сообщества к происходящему (поскольку предметом статьи является пятый уровень, мы лишь бегло охарактеризуем предыдущие четыре): уровень общественного сознания, медийный, политикодискурсный, уровень коллективного позиционирования на международных площадках и, наконец, уровень принятия конкретных государственных решений и совершения реальных политических действий (условно его можно назвать политико-бихевиористским).

Состояние латиноамериканского общественного сознания фиксируется в опросах общественного мнения применительно к имиджу тех или иных стран. Подобная «диагностика» была проведена социологическим агентством *Latinobarometro* совместно с Фондом Фридриха Эберта в марте 2022 г., и опрос выявил доминирование негативного мнения в отношении России и Китая по сравнению с оценкой США и Германии [1]. Если же рассмотреть изменения восприятия России в динамике, то, согласно данным агентства *Gallup*, в Латинской Америке количество одобряющих действия российского руководства снизилось с 21% в 2021 г. до 16% в 2022 г. [2]. Безусловно, из-за хронологической близости опросов латиноамериканская общественность не смогла сформировать самостоятельного критического коллективного мнения и находилась под сильным влиянием медийной сферы, составляющей следующий уровень перцепции ситуации.

Второй уровень — медийная плоскость — представляет собой «коллективные» высказывания СМИ в целях формирования общественного сознания. Следует признать, что большинство латиноамериканских агентств трактовали и трактуют СВО, используя термин «агрессия», исключение составляют разве что государственные кубинские, венесуэльские, никарагуанские и отчасти боливийские СМИ, в которых диапазон оценок варьировался от констатирующе-нейтральных до сугубо одобрительных. Ста-

бильно негативную трактовку транслируют влиятельные СМИ Перу, Эквадора, Чили, Колумбии и др. Данная тенденция объясняется тем, что подавляющее большинство лидеров медийного пространства Латинской Америки находится под сильным влиянием транснациональных (по масштабу вещания) медиахолдингов.

Третий уровень это — риторика крупных политиков и высших должностных лиц. Здесь прослеживаются гораздо большая дифференциация и разнообразие, нежели на предыдущем уровне, однако в целом по страновому распределению оценок ситуацию можно квалифицировать как зеркально отражающую распределение на медийном уровне. Политики традиционно-левого сегмента региона (Куба, Венесуэла, Никарагуа и отчасти Бразилия) трактовали конфликт в нейтрально-сдержанном ключе. Некоторые же политики данного сегмента, такие, как боливийский президент Луис Арсе (2020 — н/в), решили воздержаться от комментариев в отношении действий России, тем самым проявив «молчаливый» нейтралитет. Представители «новых левых» (Чили, Колумбия, Гондурас, Перу) воспринимали конфликт сквозь призму вопроса о правах человека и выражали свое мнение в негативно-осуждающем русле [3]. Высказывания и позиции политиков правого спектра носили преимущественно негативный характер за исключением бывшего президента Бразилии (2019—2022 гг.) Жаира Болсонару, который придерживался нейтралитета.

На уровне международных инстанций пророссийскую позицию чаще всего занимали Куба, Никарагуа и Боливия. Например, во время голосования в ООН в апреле 2022 г. о приостановке членства России в Совете ООН по правам человека (СПЧ ООН) именно эта «тройка» высказалась против, а такие государства, как Барбадос, Белиз, Бразилия, Гайана, Мексика, Сальвадор, Сент-Винсент и Гренадины, Сент-Китс и Невис, Суринам, Тринидад и Тобаго, воздержались от голосования [4]. Голосования по оценке действий России проходили неоднократно на таких международных площадках, как Генеральная Ассамблея ООН, Организация американских государств (*Organización de los Estados Americanos, OEA*) и СПЧ ООН. Позиции латиноамериканских стран варьировались в зависимости от остроты тех или иных резолюций. Есть основания констатировать, что в латиноамериканском сообществе не было однозначного доминирования антироссийских позиций на международных площадках.

Наконец, высший — пятый — уровень реагирования на конфликт между Россией и Украиной лежит в плоскости принятия конкретных политических решений. В целом латиноамериканские государства не проявляли бурной активности в негативном по отношению к России ключе, но ряд эксцессов все же имел место. Например, Гватемала, спустя несколько дней после начала СВО отозвала своего посла из России [5]. Нельзя также пройти мимо действий Колумбии и Коста-Рики, которые в марте 2022 г. подали обращение в Международный уголовный суд для расследования действий России [6]. Данные шаги следует интерпретировать как результат инерции или давления доминирующего глобального мейнстрима, и они, скорее, являются исключением из правил для латиноамериканского сообщества. В целом же равнодействующей коллективной позицией Латинской Америки стал стратегический нейтралитет. С геоэкономической точки зрения это под-

тверждается тем, что подавляющая масса государств региона (за исключением Багамских островов) не присоединилась к западным санкциям против России, введенным из-за СВО* [7].

Однако существует комплекс государственных действий (а точнее — бездействий) латиноамериканских государств, который органически соотносится с вооруженным характером конфликта и тем самым оказывается более релевантным для оценки степени стратегического нейтралитета. Речь идет о безуспешных попытках стран НАТО убедить латиноамериканские правительства поставить в Европу проданное им ранее российское и советское вооружение, чтобы затем отправить его в зону конфликта. Если отказ от присоединения к санкциям лежит в экономической плоскости международных отношений, а действия Гватемалы по временному отзыву посла и закрытию посольства — в плоскости дипломатии, то нежелание стран региона отвечать призывам западных партнеров о поставках вооружений относится к милитаристскому аспекту международных отношений, что вписывается в органику конфликта между Россией и Украиной.

Данная статья посвящена анализу международного контекста и причин, по которым латиноамериканские государства отказали западным партнерам на их предложение поставлять вооружения украинской стороне. Будет также рассмотрено нынешнее состояние военно-технического сотрудничества (ВТС) России со странами Латинской Америки. Эта проблематика не раз становилась предметом изучения отечественных латиноамериканистов. Наиболее комплексно, с затрагиванием теоретических и международно-правовых аспектов, вопросы российско-латиноамериканского ВТС изучены Т.А.Алексеевой и С.С.Гореславским [8]. Системный анализ эволюции этого феномена в исторической и актуальной плоскости представлен в работе В.Л.Хейфеца и Л.В.Хадорич [9]. Исследование советского этапа ВТС с «выходом» на его нынешнее состояние проведено в статье А.Н.Пятакова [10]. В страновом плане ВТС наиболее интенсивно изучалось на венесуэльском направлении. Так, тема поставок вооружений в Венесуэлу подробно рассмотрена С.В.Чемезовым и С.С.Гореславским [11], а также Д.М.Розенталем [12]. Актуальный профиль отношений России и Латинской Америки в сфере безопасности изучен О.О.Криволаповым и Н.В.Степановой [13]. В западной политологии проблематика ВТС между Россией и регионом затрагивалась в работах известного американского политолога Э.Эллиса [14; 15]. Указанные исследования в целом дают практически полное представление об уровне и темпах ВТС России с латиноамериканскими странами. Следует подчеркнуть, что это ВТС касается не только отношений между Москвой и ее партнерами, а после начала СВО оно приобрело международное геополитическое звучание.

* Данный аспект требует отдельной исследовательской проработки и выяснения комплекса мотивов. Здесь мы лишь отметим этот факт.

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР

Первоначально фактор российско-латиноамериканского ВТС был задействован российскими представителями в сугубо геополитических целях еще до начала СВО. Так, в январе 2022 г. в ходе нарастания противоречий между Москвой и Западом по вопросам безопасности Заместитель министра иностранных дел РФ С.А.Рябков не исключил, но и не подтвердил перспективу размещения российской военной инфраструктуры на территории Кубы и Венесуэлы [16]. Данное мнение было высказано в ходе интервью и вряд ли имело статус официальной позиции России, однако в мировых СМИ оно вызвало большой резонанс. Вслед за этим высказыванием последовал визит вице-премьера, заместителя председателя правительства РФ по вопросам оборонно-промышленного комплекса Ю.И.Борисова в Венесуэлу, на Кубу и в Никарагуа в феврале 2022 г. [17]. Несмотря на тот факт, что вопрос о дислокации российской военной инфраструктуры в ходе визита не ставился, вопросы развития ВТС с этими государствами обсуждались. Западные аналитики увидели между двумя указанными событиями непосредственную связь и попытку перевода заявления С.А.Рябкова в практическую плоскость [18]. Отсюда видно, что российская сторона явно рассматривала латиноамериканский регион как плацдарм для выдвижения аргументов в пользу укрепления своей позиции, несмотря на во многом демонстративность обоих событий, призванных послать коллективному Западу определенные силовые сигналы.

Симметричный ответ со стороны стран НАТО последовал спустя ровно год после упомянутых событий. В нем также «разыгрывалась карта» российско-латиноамериканского ВТС. 19 января 2023 г. Лаура Ричардсон, глава Южного командования Пентагона, в ходе конференции Атлантического совета (*Atlantic Council*)* призвала региональные правительства передать Украине оружие российского и советского производства в обмен на то, что США заменят его своей более совершенной военной техникой. Л.Ричардсон заявила о том, что ведутся переговоры с правительствами шести стран региона, однако не уточнила, с какими именно [19]. Данное высказывание вызвало информационный «шторм» в Латинской Америке, и журналистское сообщество довольно быстро вычислило группу этих стран, хотя официальных подтверждений данного списка так и не появилось. Журналисты опирались на выкладки Стокгольмского института мира (*Stockholm International Peace Research Institute, SIPRI*) и пришли к вполне обоснованному выводу, что речь идет о Бразилии, Колумбии, Перу, Эквадоре, Аргентине и Уругвае [20]. Информация об оружии советского и российского происхождения в этой группе будет представлена ниже.

После обозначения стратегической цели давления на латиноамериканские страны был осуществлен переход к инструментально-тактической стадии ее достижения. В роли лоббиста и переговорщика выступил федеральный канцлер Германии Олаф Шольц (2021 — н/в). С 28 по 31 января

* Организация, деятельность которой признана нежелательной на территории Российской Федерации.

2023 г. политик посетил Аргентину, Чили и Бразилию [21]. Визит содержал серьезную экономическую и экологическую повестку, однако неявной «красной линией» был прессинг двух южноамериканских гигантов с целью достижения конкретного результата в деле, обозначенном Л.Ричардсон. Лоббируя интересы НАТО, канцлер провел переговоры с лидерами Аргентины и Бразилии, в ходе которых был затронут вопрос о передаче украинской стороне военной техники, включая поставленную Россией. Бразилии предлагалось вернуть боеприпасы для танков *Leopard-1*, которые ранее были переданы Германией, причем не на безвозмездной основе (в обмен были обещаны 5 млн долл.).

В обоих случаях О.Шольц получил отказ, и причины такого шага были озвучены латиноамериканскими политиками. На пресс-конференции по итогам встречи с канцлером Германии президент Аргентины Альберто Фернандес (2019—2023 гг.) взял на себя ответственность заявить не только о национальной, но и о коллективной позиции региона: «Аргентина и Латинская Америка не думают направлять вооружение ни Украине, ни в другое место конфликта» [22]. В аналогичном ключе, по данным газеты *Folha de São Paulo*, высказался президент Бразилии Луис Инасио Лула да Силва (2003—2011, 2023 — н/в), который мотивировал свой отказ тем, что не хочет «провоцировать русских» [23].

Что же касается реакции на предложения Южного командования остальных государств региона, то некоторые страны, такие, как Перу, Эквадор и Уругвай, заняли позицию «громкого молчания». Открыто заявить о своем отказе решился лидер Колумбии. Площадкой для обозначения его позиции в отношении инициативы США стал саммит Сообщества Латиноамериканских и Карибских государств (*Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños, CELAC*), прошедший в Буэнос-Айресе 25 января 2023 г. На нем президент Густаво Петро (2022 — н/в) объяснил отказ участвовать в передаче вооружений Украине следующим образом: «Колумбия в прошлые годы — не во время моего правительства — покупала российскую технику, вертолеты и так далее для внутренних нужд» [24]. Тем самым открыто было заявлено и нежелании следовать в фарватере интересов США.

РОССИЙСКОЕ И СОВЕТСКОЕ ОРУЖИЕ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

В данном разделе статьи представляется целесообразным в общих чертах рассмотреть объемы советско-российского вооружения, находящегося в странах Латинской Америки с акцентом на указанную выше группу из шести государств. Это позволит понять, на что рассчитывали в НАТО, обращаясь к латиноамериканским государствам с предложением поставить вооружения Украине. Несмотря на то, что в ходе упомянутого визита О.Шольц не сделал запросов на конкретные виды вооружений, представленный ниже обзор позволяет представить массив *de facto* недополученного Украиной вооружения, что косвенно стало одним из факторов усиления боевой мощи России.

Безусловно, наибольший объем российских вооружений приходился и приходится на так называемый левый сегмент Латинской Америки (Венесуэлу, Никарагуа и Кубу), однако включать эти страны в список потенциальных поставщиков оружия на Украину априори было бы абсурдно, учитывая стабильные

политические связи и контакты упомянутых государств с Россией. В обозначенные выше шесть стран поставки осуществлялись неравномерно, и их объем не был столь велик, как для ближайших партнеров Москвы в регионе (например, крупный танковый парк советского происхождения на Кубе и российского — в Никарагуа).

Несмотря на относительно небольшие объемы российского и советского оружия в рассматриваемой группе из шести стран, оно все же имеет определенное значение для вооруженных сил стран Латинской Америки. На вооружении ВВС Перу стоят десять истребителей серии СУ-25К и восемь серии СУ-25УБК, а также семнадцать истребителей серии МИГ-29С различных модификаций советского производства. В 2013 г. Лиме было поставлено 24 вертолета Ми-17 и два штурмовых вертолета Ми-35, а с учетом винтокрылых машин, отправленных еще в советское время, совокупный парк достигает почти ста единиц. В Колумбии в распоряжении национальных ВВС находятся 25 вертолетов Ми-17 различной модификации, также имеется небольшой запас российских пулеметов и автоматических винтовок и восемь единиц БТР-80 советского производства.

Что касается Аргентины, то здесь также доминирует авиационный профиль поставок. Так, еще в 1997 г. южноамериканское государство приобрело восемь единиц Су-29 [9, р. 166]. В сентябре 2010 г. «Рособоронэкспорт» и министерство обороны Аргентины подписали контракт на поставку двух вертолетов МИ-8 (в экспортном варианте МИ-171Е) за 20 млн евро. Уругвай располагает несколькими бронетранспортерами и небольшим арсеналом огнестрельного оружия российского производства [9, р.168].

О Бразилии стоит упомянуть отдельно, так как ее военно-техническая база российского происхождения существенно отличается от той, что имеется в других латиноамериканских государствах, находящихся вне леворадикального сектора региона. В Бразилии также просматривается так называемая вертолетная специализация (четыре российских вертолета Ми-26, поставленных в 2006 г., 12 единиц боевых вертолетов Ми-35М, переданных в 2014 г.), дополненная ракетно-зенитной составляющей [9, р. 156]. Так, в арсенале Бразилии — 58 единиц переносных зенитно-ракетных комплексов (ПЗРК) «Игла-С» (56 были проданы в 1994 г., а две единицы — в 2016 г.). Ссылаясь на данные *SIPRI*, исследователи О.О.Криволапов и Н.В.Степанова отмечают, что совокупный объем советско-российских ПЗРК типа «Игла» составляет 430 единиц [13, р. 36]. Бразильскую «матрицу» повторяет и Эквадор, располагающий семью вертолетами Ми-171 и 70-ю комплектами советских ПЗРК «Игла-1» [9, р.173].

Следует отметить, что автор данной статьи не ставит перед собой задачу провести полную ревизию российского и советского вооружения, находящегося на территории стран Латинской Америки, а стремится показать основные виды имеющихся вооружений с чисто технической точки зрения. Представляется, что альянс НАТО по инициативе США рассчитывал путем задействования латиноамериканских контрагентов снять с себя бремя обеспечения украинской стороны средствами противовоздушной обороны, а также парком боевых вертолетов.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ

Попытки США и НАТО привлечь латиноамериканские страны к пассивному участию в российско-украинском конфликте носили многоцелевой характер с точки зрения баланса в региональных и трансконтинентальных международных контактах.

Во-первых, принимая во внимание сложную конфигурацию отношений между Латинской Америкой и Североатлантическим альянсом, надо отметить, что данные интенции играли роль проверки готовности государств региона следовать дисциплине НАТО. Интерес НАТО к Латинской Америке носит диверсифицированный характер и реализуется в практической плоскости на различных уровнях доверия. Внимание сконцентрировано главным образом на четырех государствах, обладающих развитыми вооруженными силами и структурами ВПК, — Мексике, Аргентине, Бразилии и Колумбии. Напомним, что три страны региона имеют пусть и косвенное, но весьма обязывающее их отношение к НАТО, что закреплено не только на уровне дипломатических и политических отношений, но и институционально-статусно. Так, Аргентина с 1999 г., Бразилия — с 2019 г. и Колумбия — с 2021 г. обладают статусом «Основного союзника США вне НАТО» [25]. Такой статус, на наш взгляд, превращает эти страны в ближайшую периферию НАТО, поскольку предполагает тесные связи с Соединенными Штатами как фактическим лидером альянса. Помимо этого Колумбия с 2013 г. уже непосредственно связана с НАТО, являясь его «глобальным партнером». США стремились к тому, чтобы страны Латинской Америки стали играть роль резерва для поставок оружия и военной техники в Украину. Срыв этих планов, безусловно, ставит под сомнение связи между регионом и НАТО. И, наоборот: в случае положительного ответа альянс получил бы весомые основания для интенсификации и углубления кооптации латиноамериканских стран в орбиту своих интересов.

Во-вторых, подобный запрос означал попытку изменить и даже перестроить геополитическое позиционирование и самоидентификацию региона как органичного сегмента «Глобального Юга» и косвенно наносил бы большой имиджевый удар по восстанавливающимся интеграционным механизмам. Латинская Америка с 2014 г. провозгласила себя «Зоной мира». Подобное самоопределение было декларировано в рамках *CELAC*, и отказ от него означал бы отход от провозглашенного принципа. В случае согласия поставить оружие в зону СВО латиноамериканские государства поставили бы под вопрос и принадлежность к «Глобальному Югу», который пытается выработать свое отношение к текущему конфликту, отличное от позиции «коллективного Запада».

В-третьих, интенции США и НАТО были направлены на нанесение прямого урона и так нестабильной и до сих пор формирующейся архитектуре российско-латиноамериканских отношений, в особенности на профилактику новых поставок вооружений Москвой. В начале XXI в. важнейшей составляющей этих отношений было ВТС. Согласие предоставить оружие Украине фактически заморозило бы перспективу развития ВТС России с латиноамериканским регионом, которое и так в последние годы находится в состоянии стагнации. Эксперты европейских «мозговых центров», анали-

зируя российско-латиноамериканское ВТС, не без основания квалифицируют нынешнее положение как «засуху в поставках оружия», отмечая, что к 2023 г. Москва в течение пяти лет не осуществляла сделок по продаже вооружения странам Латинской Америки [26]. На Форуме «Армия-2022» президент России В.В.Путин обозначил наличие серьезной перспективы в деле поставок вооружений союзникам и партнерам России в Латинской Америке, Азии и Африке [27]. Однако пока весомого практического латиноамериканского акцента в этом векторе нет.

Наконец, в-четвертых, если бы латиноамериканские страны направили вооружения в Украину, это нанесло бы урон безопасности России. С нашей точки зрения при осуществлении ВТС речь идет о формировании как бы внешнего, экстратерриториального и внеконтинентального контура обороны самой России. Если бы оружие и техника были переданы Украине и попали в распоряжение военных экспертов НАТО, то этому контуру был бы нанесен определенный ущерб.

Мы полагаем, что отказы латиноамериканских стран от предложений США и НАТО поставлять оружие в Украину представляют собой не единичные и разрозненные события и реакции, а являются единым коллективным действием и весьма важным аспектом в общем контексте российско-латиноамериканских отношений. Своим отказом государства Латинской Америки подали неявный сигнал не только о стратегическом нейтралитете в текущем конфликте (несмотря на флуктуации позиций стран региона на полях Генеральной ассамблеи ООН), но и о потенциальной готовности развивать более тесные отношения с Москвой в случае складывания благоприятной глобальной международной обстановки. Кроме того, описанные официальные заявления как представителей России, так и стран НАТО, свидетельствуют о том, что между полюсами ведется косвенный диалог в формате симметричных ответов, в рамках которого латиноамериканское пространство в целом и феномен российско-латиноамериканского ВТС играют немаловажную опосредованную роль.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Vasallo G. Los latinoamericanos eligen vincularse con Europa mientras Rusia y China tienen la mayor imagen negativa. *Página.12*. 28.03.2022. Available at: <https://www.pagina12.com.ar/411211-los-latinoamericanos-eligen-vincularse-con-europa-mientras-r> (accessed: 18.05.2023).
2. Percepción pública mundial del liderazgo de Rusia se erosionó drásticamente en 2022. *Voz de America*. 25.04.2023. Available at: <https://www.vozdeamerica.com/a/percepcion-publica-mundial-del-liderazgo-de-rusia-se-erosiono-drasticamente-en-2022/7065180.html> (accessed: 18.05.2023).
3. Воротникова Т.А. Трудно быть левым: внешнеполитические стратегии правительств новой «розовой волны» в Латинской Америке. *Мировая экономика и международные отношения*. М., 2023, т.67, №1, сс.101-110. [Vorotnikova T.A. Trudno byt' levym: vneshnepoliticheskie strategii pravitel'stv novoj "rozovoj volny" v Latinskoj Amerike [Hard to be left: foreign policy strategies of the new "pink tide" governments in Latin America]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Moscow, vol.67, N 1, pp. 101-110 (In Russ.).
4. México se abstiene en la votación que expulsa a Rusia del Consejo de Derechos Humanos de la ONU. *El País*. 07.04.2022. Available at: <https://elpais.com/mexico/2022-04-07/mexico-se-abstiene-en-la-votacion-que-expulsa-a-rusia-del-consejo-de-derechos-humanos-de-la-onu.html> (accessed: 18.09.2022).

5. Giammattei retira a embajador en Rusia y reitera apoyo a Ucrania. *La Hora*. 25.02.2022. Available at: <https://lahora.gt/nacionales/jeanelly/2022/02/25/giammattei-retira-a-embajador-en-rusia-y-reitera-apoyo-a-ucrania/> (accessed: 19.01.2023).
6. Russia under investigation by International Criminal Court for alleged war crimes in Ukraine. *INews*. 02.03.2023. Available at: <https://inews.co.uk/news/russia-referred-international-criminal-court-alleged-war-crimes-ukraine-1495243> (accessed: 19.04.2023).
7. América Latina, neutrales a prueba de balas. *Política Exterior*. 09.03.2023. Available at: <https://www.politicaexterior.com/america-latina-neutrales-a-prueba-de-balas/> (accessed: 19.04.2023).
8. Алексеева Т.А., Гореславский С.С. Военно-техническое сотрудничество России со странами Латинской Америки. *Латинская Америка*. М., 2020, № 9, сс. 24-46. [Alekseeva T.A., Goreslavskij S.S. Voenno-tehnicheskoe sotrudnichestvo Rossii so stranami Latinskoj Ameriki] Military-technical cooperation of Russia with the countries of Latin America. Potential for development and risk factors] *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2020, N 9, pp.24-46 (In Russ.). DOI: 10.31857/S0044748X0010598-6
9. Jeifets V., Khadorich L. Russian Arms Trade in Latin America. Rouvinski V. and Jeifets V. (eds.). *Rethinking Post-Cold War Russian-Latin American Relation*. New York and London, Routledge, 2022. pp.146-178. DOI: 10.4324/9781003183372
10. Пятаков А.Н. Военно-технические связи СССР и Латинской Америки как феномен актуального прошлого. *Латинская Америка*. М., 2022, № 7, сс.35-53 [Military-technical ties between the USSR and Latin America as a phenomenon of the actual past] *Voenno-tehnicheskie svyazi SSSR i Latinskoj Ameriki kak fenomen aktual'nogo proshlogo*. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2022, N 7, pp. 35-53 (In Russ.). DOI: 10.31857/S0044748X0020679-5
11. Чemezov С.В., Гореславский С.С. Диверсификация российского экспорта вооружений: венесуэльский case study. *Мировая экономика и международные отношения*. М., 2019, т. 63, № 2, сс. 29-35. [Chemezov S.V., Goreslavskij S.S. Diversifikaciya rossijskogo eksporta vooruzhenij: vene-suel'skij case study] Diversification of russian arms exports: venezuelan case study] *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Moscow, vol. 63, N 2, pp. 29-35 (In Russ.). DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-2-29-35
12. Розенталь Д.М. Венесуэльский узел в латиноамериканской политике Москвы. *Латинская Америка*, М., 2018, № 10, сс. 49-60 [Rozenal' D. M. Venesuel'skij uzel v latinoamerikanskoj politike Moskv] The venezuelan node in the Latin American policy of Moscow], *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2018, N 10, pp. 49-60 (In Russ.). DOI: 10.31857/S0044748X0001040-3
13. Krivolákov O.O., Stepánova N.V. la cooperación de Rusia con países de América Latina en el ámbito de la seguridad. *Iberoamérica*. Moscow, 2023, N 1, pp. 31-52. DOI: 10.37656/s20768400-2023-1-02
14. Ellis E. Russia in the Western Hemisphere: assessing Putins malign influence in Latin America and Caribbean. Center for Strategic and International Studies. *Report*. 20.07.2022. Available at: <https://www.csis.org/analysis/russia-western-hemisphere-assessing-putins-malign-influence-latin-america-and-caribbean> (accessed: 18.02.2023).
15. Ellis E. The United State and Russian Engagement in Latin America. *Rethinking Post-Cold War Russian-Latin American Relation*. Edited by Rouvinski V. and Jeifets V. New York and London, Routledge, 2022, pp.178-191. DOI: 10.4324/9781003183372-14
16. В МИД не исключили возможность размещения военной инфраструктуры на Кубе. *РИА Новости*. 13.01.2022. [V MID ne iskluychili vozmozhnost' razmeshcheniya voennoj infrastruktury na Kube] The Foreign Ministry did not rule out the possibility of deploying military infrastructure in Cuba]. *RIA Novosti*. 13.01.2022. Available at: <https://ria.ru/20220113/bezopasnost-1767665651.html> (accessed: 18.03.2023).
17. Россия может расширить военно-техническое сотрудничество с Никарагуа. *Красная весна*. 18.02.2022. [Rossiya mozhet rasshirit' voenno-tehnicheskoe sotrudnichestvo s Nikaragua] Russia may expand military-technical cooperation with Nicaragua]. *Krasnaya vesna*. 18.02.2022. Available at: <https://rossaprimavera.ru/news/577195e1> (accessed: 25.04.2023).
18. Ellis E. Russia in the Western Hemisphere: Assessing Putin's Malign Influence in Latin America and the Caribbean. Center For Strategic and International Studies. 20.07.2022. Available at: <https://www.csis.org/analysis/russia-western-hemisphere-assessing-putins-malign-influence-latin-america-and-caribbean> (accessed: 25.04.2023).
19. EEUU pide a países latinoamericanos que donen a Ucrania su armamento comprado a Rusia. 19.01.2023. Available at: <https://www.vozdeamerica.com/a/eeuu-pide-a-paises-latinoamericanos-que-donen-a-ucrania-las-armas-compradas-rusia/6925729.html> (accessed: 25.04.2023).

20. Kerssfeld D. La OTAN presiona a América latina para enviar armas a Ucrania. *Pagina 12*. 01.02.2023. Available at: <https://www.pagina12.com.ar/520067-la-otan-presiona-a-america-latina-para-enviar-armas-a-ucrani> (accessed: 25.04.2023).
21. ¿Qué busca el canciller alemán en su gira por Suramérica? *France 24*. 01.02.2023. Available at: <https://www.france24.com/es/américa-latina/20230128-qué-busca-el-canciller-alemán-en-su-gira-por-sudamérica> (accessed: 25.04.2023).
22. Almeida A. Ucrania: América Latina se resiste a pasarse al bando de la OTAN. 06.02.2023. Available at: <https://interferencia.cl/articulos/ucrania-america-latina-se-resiste-pasarse-al-bando-de-la-otan> (accessed: 29.04.2023).
23. Gielow I. Lula veta envio de munição do Brasil para tanques na Ucrânia. *Folha de São Paulo*. 27.01.2023. Available at: <https://www1.folha.uol.com.br/mundo/2023/01/lula-veta-envio-de-municao-do-brasil-para-tanques-na-ucrania.shtml> (accessed: 29.04.2023).
24. ¿Por qué los países latinoamericanos se han negado a enviar armas a Ucrania? *El Tiempo*. 03.02.2023. Available at: <https://www.eltiempo.com/mundo/latinoamerica/latinoamerica-por-que-no-mandan-armas-a-ucrania-739060> (accessed: 29.04.2023).
25. Пятаков А.Н. Латинская Америка и НАТО: форматы корреляций в XX - первой четверти XXI века. *Мировая экономика и международные отношения*. 2023, т. 67, № 1, сс. 111-121 [Pyatakov A.N. Latinskaya Amerika i NATO: formaty korrelyacij v HKH - pervoj chetverti XXI veka [Latin America and NATO: correlation formats in the XX - the first quarter of the XXI century]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Moscow, 2023, vol. 67, N 1, pp. 111-121 (In Russ.). DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-1-111-121
26. Aramendi A. Larga sequía en la venta de armas de Rusia a Latinoamérica. *Universidad Navarra*. 13.05.2023. Available at: <https://www.unav.edu/web/global-affairs/larga-sequia-en-la-venta-de-armas-de-rusia-a-latinoamerica> (accessed: 05.06.2023).
27. Putin vende armas a América Latina, África y Asia en las maniobras de Venezuela. *ABC*. 17.08.2022. Available at: <https://www.abc.es/internacional/putin-vende-armas-america-latina-africa-asia-20220817170650-nt.html> (accessed: 05.02.2023).

Andrey N.Piatakov (anpyatakov@yandex.ru)

Cand. Sci (Political), Leading Researcher at the Analytic Department of Latin America Institute of the Russian Academy of Sciences
B. Ordynka Str., 21/16, 115035, Moscow, Russian Federation

Russia — Latin America. Military-technical factor in the context of the special military operation

Abstract. The article analyses the problems of Russia's arms supplies to Latin America in the period from 2012 to 2017 in the context of NATO's attempts to attract the states of the region as arms suppliers to the Ukrainian side in the armed conflict between Moscow and Kiev. The motives of the co-optation of Latin American countries into the conflict. Five levels of the Latin American community's response to Russia's special military operation have been identified, of which the highest is the level of specific political decisions. The refusal of arms supplies (including those previously supplied by Russia) by Latin American States to the conflict zone should be considered as the most striking example of a response at the fifth level and a symptom of strategic neutrality as the dominant equivalent reaction of the Latin American community to the conflict.

Key words: armament, militarization, Latin America, Russia, USSR, conflict, NATO.

DOI: 10.31857/S0044748X24020038

Received 02.07.2023.

Ю.А.Белоус

Социально-экономические детерминанты центробежных тенденций в Стране Басков на современном этапе

В статье рассматриваются социально-экономические факторы центробежных тенденций в Королевстве Испания на примере Страны Басков в период с 2009 по 2020 гг. Выявляется связь между предпочтениями жителей Страны Басков относительно территориально-политического устройства Испании и рядом социально-экономических аспектов: ВВП на душу населения, уровень безработицы и средней заработной платы, а также индекс потребительских цен. Публикация также знакомит читателей с отношением басков к региональному правительству и их оценкой экономической ситуации в регионе. Автор приходит к выводу, что одним из ключевых факторов становится индекс потребительских цен, так как с повышением цен усиливались и сепаратистские настроения. Важным является также мнение граждан о деятельности регионального правительства: несмотря на оценку экономической ситуации (плохая или хорошая), если отношение к региональному правительству положительное, центробежные тенденции становятся более интенсивными.

Ключевые слова: центробежные тенденции, Испания, Страна Басков, социально-экономические факторы, ВВП на душу населения, уровень безработицы, средняя зарплата, индекс потребительских цен, региональное правительство.

DOI: 10.31857/S0044748X24020042

Статья поступила в редакцию 25.05.2023.

О важности социально-экономического фактора поддержки идей независимости и расширения автономии, а, соответственно, «центробежности», было написано немало работ [1, 2]. Среди прочего, по наблюдению российского ученого А.А.Орлова, обострение межнациональных противоречий связано именно с социально-экономическим состоянием государства

Юлия Александровна Белоус — кандидат исторических наук, заместитель директора, научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», преподаватель факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ (РФ, 119017 Москва, ул. Малая Ордынка, 17, ybelous@hse.ru, ORCID: 0000-0002-0871-8223).

[2, с. 79]. Если в той или иной стране наблюдается высокий уровень социально-экономического недовольства, и обостряются процессы политической конкуренции, то, отмечает А.А.Орлов, «спутниками таких явлений становятся национализм и сепаратизм» [2, с. 79].

Одно из наиболее распространенных объяснений центробежных тенденций заключается в диспропорциях социально-экономического развития регионов Испании. Так, Страна Басков относится к числу лидеров по уровню промышленного производства [1, с. 107]. В ее провинции Бискайе находится один из крупнейших центров в Испании по добыче железной руды [3, с. 47]. При этом наиболее передовым испанским регионом с точки зрения промышленного развития является Каталония, которая в 2016 г. обеспечила 22,9% промышленного выпуска всей Испании (87,4 млрд евро) [3, с. 47]. В Каталонии развита диверсифицированная промышленность, в которой преобладают текстильная, химическая, металлообрабатывающая и машиностроительная отрасли [3, с. 47].

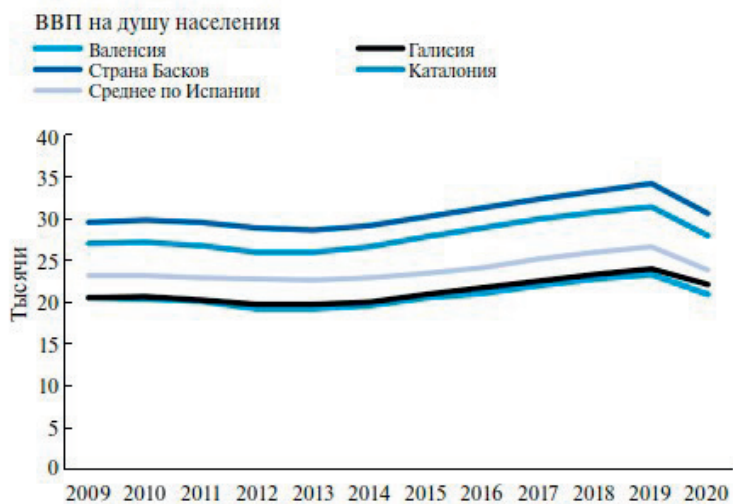
Цель данной работы — на примере Страны Басков (в сравнении с другими регионами Испании) определить, насколько сепаратистские настроения действительно зависят от динамики ВВП на душу населения, уровня безработицы, средней зарплаты, индекса потребительских цен, отношения басков к региональному правительству и их оценки экономической ситуации в регионе. Для ответа на эти вопросы обратимся к данным за 2009—2020 гг.

ВВП НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ И ЦЕНТРОБЕЖНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СТРАНЕ БАСКОВ

В период с 2009 по 2020 г. в Стране Басков был зафиксирован наибольший показатель ВВП на душу населения среди регионов Испании. Уже в 2015 г. он превысил 30 тыс. евро, а в 2019 г. достиг почти 34 тыс. евро (см. рис. 1), что значительно больше среднего показателя по Испании (26 420 евро в 2019 г.) [4, 5, 6, 7].

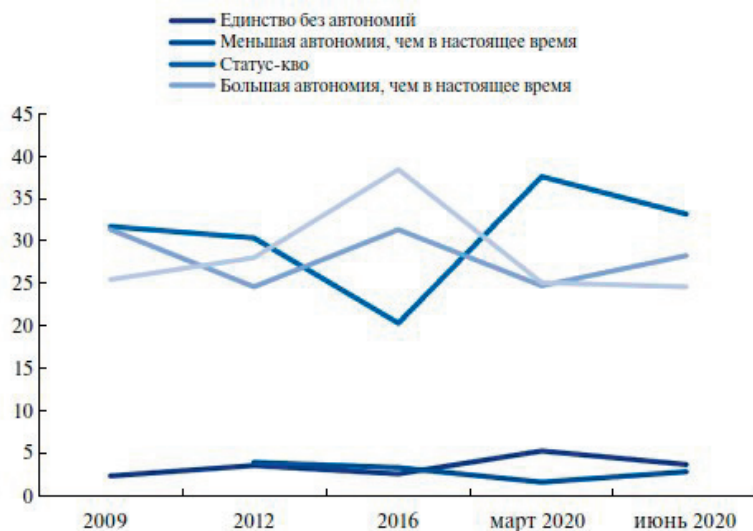
При этом в Стране Басков наблюдается один из наиболее высоких уровней поддержки независимости и расширения автономии (см. рис. 2). С 2009 по 2016 гг. показатель, отражающий поддержку независимости, постоянно рос; после 2016 г. он стал снижаться. При этом ВВП на душу населения в регионе за тот же период немного уменьшался, а после 2014 г. и вплоть до начала пандемии *COVID-19* неуклонно возрастал. То есть, в 2009—2014 гг., когда ВВП на душу населения в Стране Басков сокращался, сепаратистские настроения усиливались. В то же время наличие зависимости между этими двумя переменными можно поставить под сомнение по двум причинам: рост сепаратистских настроений в Стране Басков в 2009—2016 гг. был весьма значительным, тогда как ВВП на душу населения, скорее, стагнировал (особенно в 2009—2011 гг.), чем резко обрушился; увеличение ВВП на душу населения в 2014—2016 гг. не привело к ослаблению сепаратистских настроений, которые в 2016 г. достигли пика.

Рис. 1. ВВП НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ В СТРАНЕ БАСКОВ, КАТАЛОНИИ, ГАЛИСИИ И ВАЛЕНСИИ (2009—2020 гг., тыс. евро)

Источник: составлено автором по данным *Datosmacro* [4, 5, 6, 7].

Рис. 2. ДИНАМИКА ПРЕДПОЧТЕНИЙ ЖИТЕЛЕЙ СТРАНЫ БАСКОВ ОТНОСИТЕЛЬНО ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА ИСПАНИИ (январь 2009 — июнь 2020 гг., %)

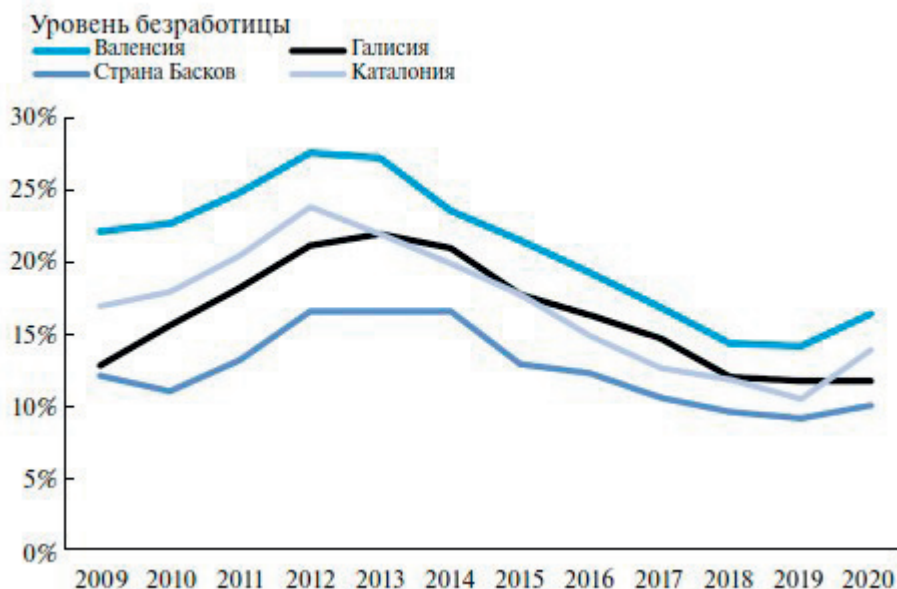

Источник: составлено автором на основе данных социологических опросов Центра социологических исследований (*Centro de Investigaciones Sociológicas*) в 2009—2020 гг. [8, 9, 10, 11, 12, 13].

УРОВЕНЬ БЕЗРАБОТИЦЫ, СРЕДНЕЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ И ЦЕНТРОБЕЖНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СТРАНЕ БАСКОВ

Средний уровень безработицы в Испании, по данным на 2020 г., составил 15,53% [14]. Наименьший уровень безработицы в период с 2009 по 2020 гг. в исследуемых регионах был зафиксирован в Стране Басков, где он не превышал 17%, а в 2020 г. составил 10%, что меньше среднего показателя по Испании на 4 п.п. (см. рис. 3) [15, 16, 17, 18].

Рис. 3. УРОВЕНЬ БЕЗРАБОТИЦЫ В СТРАНЕ БАСКОВ, КАТАЛОНИИ, ГАЛИСИИ И ВАЛЕНСИИ (2009—2020 гг., %)

Источник: составлено автором по данным *Datosmacro* [15, 16, 17, 18].

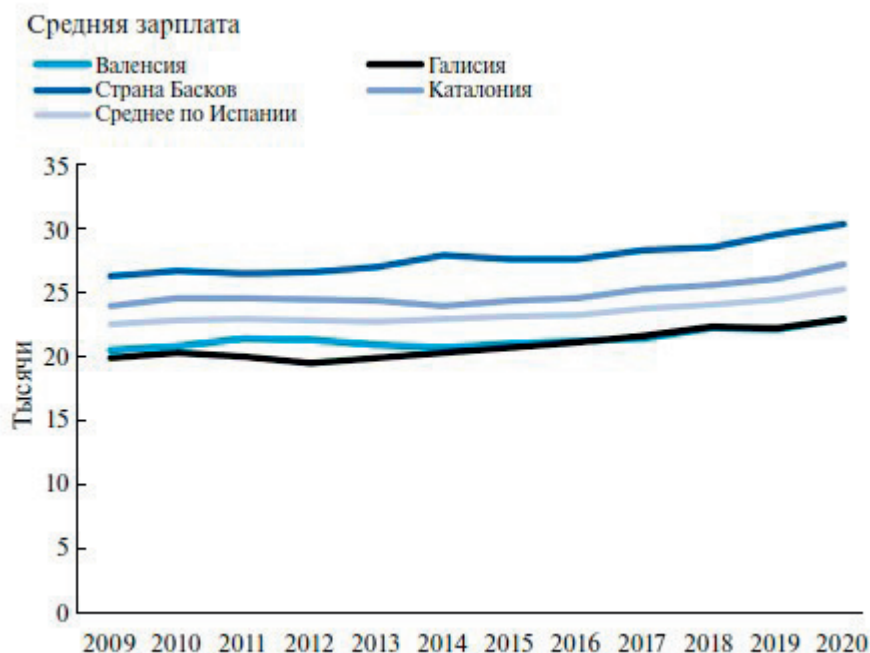
Что касается связи безработицы и центробежных тенденций в Стране Басков, то отметим, что с 2009 по 2014 г. в Стране Басков наблюдался рост уровня безработицы (см. рис. 3), и именно в этот период там резко усилились сепаратистские настроения.

В 2016 г. наблюдалось снижение как показателей безработицы в Стране Басков (см. рис. 3), так и уровня поддержки сепаратизма. Кроме того, в отличие от ВВП на душу населения, рост безработицы в 2009—2012 гг. был весьма значительным, как и ее снижение в 2014—2019 гг. Однако пиковые точки увеличения количества безработных граждан и числа тех, кто поддерживал идею отделения Страны Басков от Испании, не совпадают: в первом случае это — 2012—2014 гг., во втором — 2016 г., и совершенно очевидно, что сокращение безработицы в 2014—2016 гг. не повлияло на динамику поддержки сепаратизма. Поэтому, хотя роль безработицы как фактора укрепления центробеж-

ных тенденций в Стране Басков представляется довольно значительной, его вряд ли можно считать определяющим.

Средняя зарплата в Стране Басков в 2010-е годы превышала 26 тыс. евро в год и была самой высокой в Испании [19, 20, 21, 22] (см. рис. 4). В период с 2014 по 2020 г. она неуклонно росла и в 2020 г. превысила 30 тыс. евро (средняя з/п по Испании в 2020 г. составила чуть более 26 тыс. евро).

Рис. 4. УРОВЕНЬ СРЕДНЕЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ В СТРАНЕ БАСКОВ, КАТАЛОНИИ, ГАЛИСИИ И ВАЛЕНСИИ (2009—2020 гг., %)

Источник: составлено автором по данным *EpData* [19, 20, 21, 22].

Подобная ситуация неслучайна и объясняется привилегированным положением баскской экономики по сравнению с остальными регионами Испании. Наличие налоговых и финансовых льгот Страны Басков привело к тому, что уровень жизни в данном регионе был выше, чем в остальных районах Испании. Кризисные явления конца 2000-х — первой половины 2010-х гг. выразились не в снижении средней зарплаты, а в ее стагнации.

Важно, что при высоком уровне жизни в Стране Басков показатели, отражавшие поддержку независимости в этот период, были также одними из самых высоких в Испании (см. рис. 2). Отсюда можно сделать следующий вывод: большая зарплата и высокий уровень жизни приводят к тому, что, с одной стороны, жители данного региона в условиях экономических трудностей стремятся закрепить свое привилегированное положение и сохранить его, и, соответственно, идея независимости остается актуальной, а порой даже становится более востребованной. Но, с другой стороны, количество граждан, под-

держивающих стремление региона к независимости, здесь меньше, чем в Каталонии, а после 2016 г. и вовсе снизилось.

Благополучное положение Страны Басков и относительная удовлетворенность ее жителей политикой региональных властей и центрального правительства сдерживают радикальные настроения. Однако прямая зависимость между колебаниями средней зарплаты и динамикой сепаратистских настроений в регионе отсутствует, и это не может объяснить рост поддержки идеи независимости в 2009—2016 гг. и ее снижение в 2016—2020 гг. Влияние увеличения средней зарплаты было в лучшем случае опосредованным, и большее значение в контексте усиления сепаратистских настроений имеют, скорее, стагнация и медленное повышение зарплат в 2009—2016 гг., особенно в условиях резкого роста индекса потребительских цен в 2009—2010 и 2014—2016 гг.

ИНДЕКС ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ЦЕН* И ЦЕНТРОБЕЖНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СТРАНЕ БАСКОВ

Пиковые значения индекса потребительских цен (ИПЦ) в Стране Басков были достигнуты в 2010—2012 гг.; цены поднялись до 2,7% (см. рис. 5) [23, 24, 25, 26]. Отрицательный ИПЦ наблюдался в 2014 г. и составил 0,7%.

На рисунке 5 мы видим, что ИПЦ в Стране Басков был наиболее высоким с 2010 по 2012 г. В тот же период наблюдался рост поддержки независимости. После 2016 г. в Стране Басков отмечалось снижение уровня сепаратистских настроений, в это же время мы видим относительно низкий уровень инфляции в диапазоне от +1,5% до -0,5%. Таким образом, динамика сепаратистских настроений в целом соответствует динамике потребительских цен. Это позволяет предположить, что именно ИПЦ можно рассматривать как главный социально-экономический триггер центробежных тенденций в Стране Басков: 2012 и 2016 г. — это период, когда опросы фиксируют резкий рост сепаратистских настроений, и именно накануне этих скачков повышались цены.

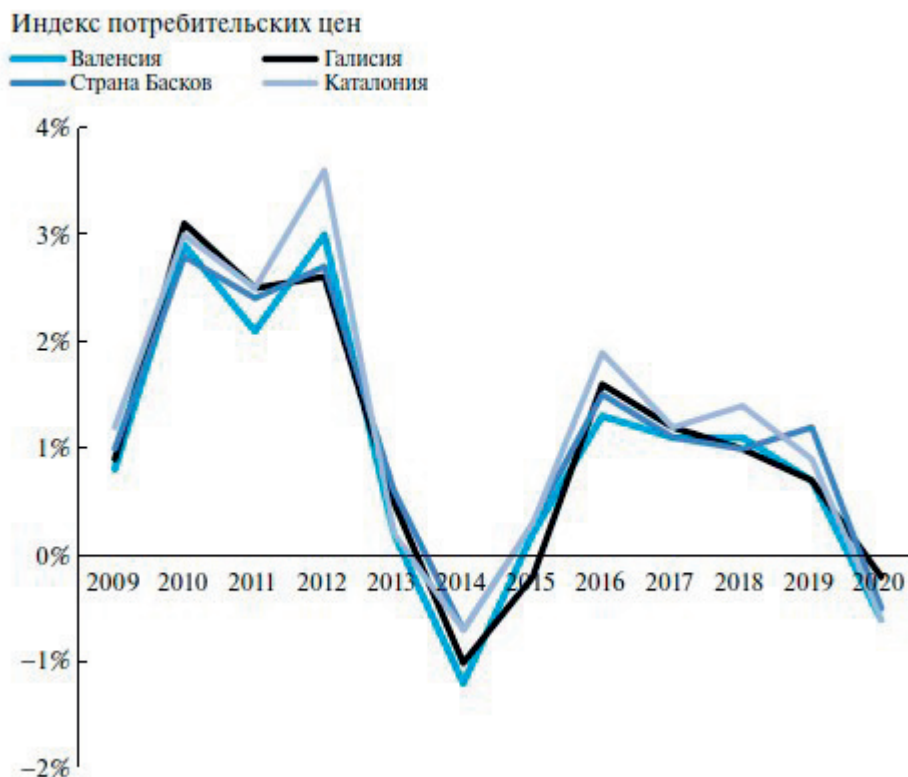
ОТНОШЕНИЕ БАСКОВ К РЕГИОНАЛЬНОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ И ОЦЕНКА ИМИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РЕГИОНЕ

В 2009—2012 гг. экономическое положение в Стране Басков ухудшилось, и негативное восприятие регионального правительства социалистов усилилось. Так, в 2009 г. его деятельность оценивали 28,5% басков, в 2012% — только 10% (подсчитано автором на основе данных Центра социологических исследований [27, 28, 29, 30]). После 2012 г. социалисты теряют власть, которая возвращается к Баскской националистической партии (*Euzko Alderdi Jeltzalea, Partido Nacionalista Vasco, EAJ-PNV*). В 2012—2016 гг. ухудшение экономической ситуации, наоборот, сопровождается усилением позитивного восприятия регионального правительства националистов и ростом сепаратистских настроений. Так, с 2012 по 2016 г. доля положительных оценок деятельности регионального правительства воз-

* Индекс потребительских цен показывает средний уровень изменения цен на товары и услуги (потребительской корзины) за определенный период.

растает до 41,8% [27, 28, 29, 30]. При этом в 2016—2020 гг. улучшение экономической ситуации еще больше повышает популярность регионального правительства националистов (с 2016 по 2020 гг. уровень позитивного отношения басков к его деятельности возрастает до 55,4% [27, 28, 29, 30]) и укрепляет электоральные позиции националистических партий, однако одновременно происходит ослабление сепаратистских настроений.

Рис. 5. ИНДЕКС ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ЦЕН В СТРАНЕ БАСКОВ, КАТАЛОНИИ, ГАЛИСИИ И ВАЛЕНСИИ (2009—2020 гг., %)

Источник: составлено автором по данным *Datosmacro* [23, 24, 25, 26].

Согласно данным Евробарометра 2018 г., наибольшее количество испанцев, считавших экономическую ситуацию в их регионе довольно хорошей, проживает в Стране Басков (87%), на втором месте находятся Наварра и Ла-Риоха (оба автономных сообщества по 84%) [31, р. 6]. Помимо прочего, именно в обеспеченных и социально-экономически развитых регионах Испании сегодня отмечается высокий уровень националистических и сепаратистских настроений [32, р. 529]. Страна Басков, Наварра и Каталония являются наиболее обеспеченными регионами по показателю ВВП на душу населения. При этом две трети респондентов (67%) верят, что экономическая ситуация в Стране Басков останется прежней в ближайшие 12 месяцев

[31, p. 7]. По этому показателю Страна Басков также лидирует среди других автономных сообществ Испании.

Более того, согласно данным 2020 г., деятельность лидеров националистических партий положительно оценивается избирателями: работа Иньиго Уркулюю, занимающего должность Председателя правительства Страны Басков с 2012 г. и лидера *EAJ-PNV*, оценили как очень хорошую или, скорее, хорошую 38,9% избирателей; деятельность Маддален Ирьярте, лидера Бильду, оценили очень хорошо или скорее хорошо 19,7% избирателей; Идоия Мендия, лидера Социалистической партии Страны Басков (*Euskadiko Alderdi Sozialista, Partido Socialista de Euskadi EAS-PSE*), — 18,3%; Мирен Горрокатеги, лидера *Podemos* в Стране Басков — 7,2%; Карлоса Итургайса, лидера Народной партии (*Partido Popular, PP*) в Стране Басков — 3,1%, Амайи Мартинес, лидера *Vox* в Стране Басков — 2% [33]. То есть, можно сказать, что наиболее высоко в Стране Басков оценивается работа лидеров националистических партий, именно она, по мнению избирателей, является эффективной. Мы видим, что оценка регионального правительства более позитивная, чем центрального: происходит разделение между «своими» и «чужими», представляющими интересы центра, а не региона.

Таким образом, отметим, что, во-первых, в период нахождения у власти в Стране Басков националистов рост рейтинга одобрения регионального правительства означает имплицитное признание возможности самостоятельного существования региона. Иными словами: успешная работа националистов по управлению Страной Басков усиливает популярность политических сил, которые выступают за независимость или за расширение ее автономии, в том числе и среди тех граждан, которые прежде выступал за сохранение статус-кво. В итоге это приводит к тому, что данные группы населения перестают воспринимать идею отделения региона от Испании или его максимальной автономии как неприемлемую, что приводит к постепенному увеличению сепаратистского и автономистского сегментов электората.

Во-вторых, рост рейтинга одобрения регионального правительства националистов в условиях усиления негативного восприятия ситуации, сложившейся в регионе, свидетельствует о том, что ответственность за эту ситуацию баскский электорат возлагает на центральное правительство. Это подтверждается результатами опросов 2009—2012 гг., когда при ухудшении экономического положения деятельность центрального правительства оценивалась все более негативно. В 2009 г. 30,4% басков отрицательно отнеслись к работе центрального правительства, а в 2012 г. — уже 79,9% [33].

В-третьих, как показывают опросы, при изменении восприятия ситуации в регионе с негативного на позитивное улучшение приписывается не центральному, а региональному правительству. При этом стремление к независимости подкрепляется в политическом измерении потенциальными выгодами от независимой и самостоятельной экономики [34, с. 52].

Отношение граждан к деятельности регионального и центрального правительств и к проводимой ими экономической политике становится важным фактором центробежных тенденций. Сама по себе оценка общей ситуации в регионе не имеет определяющего значения, поскольку ключевым аспектом является выбор «виновника» ухудшения или улучшения этой ситуации. В 2012—2020 гг. основная часть баскского электората считала от-

ветственным за ухудшение экономического и политического положения в регионе центральное правительство, а заслугу улучшения ситуации была склонна приписывать региональному правительству, чисто националистическому по своему составу в 2012—2016 гг. или возглавлявшемуся националистами в 2016—2020 гг.

Социально-экономические факторы являются важными для понимания центробежных тенденций и во многом определяют их интенсивность. В Стране Басков фиксируется один из наиболее высоких уровней поддержки независимости в Испании. При этом в регионе практически самый высокий показатель ВВП на душу населения, уровень жизни и заработной платы и наименьшее количество безработных в Испании. Такое сочетание стало возможным благодаря серьезным финансовым и налоговым привилегиям, закрепленным в Конституции Испании и в экономических соглашениях. Это приводит к изменению понимания и содержательного наполнения понятия «независимости» в Стране Басков, когда стремление к независимости ассоциируется в настоящее время с сохранением полученных ранее льгот. В Стране Басков продолжают проявляться центробежные тенденции (пусть и с меньшей интенсивностью, чем в Каталонии), регион стремится отделиться от центра, но изменилось целеполагание: теперь важным является сохранение имеющихся привилегий.

Одним из ключевых факторов также становится индекс потребительских цен, так как с ростом цен усиливались и сепаратистские настроения. Другим важным аспектом является отношение граждан к деятельности регионального правительства: несмотря на оценку экономической ситуации (плохая или хорошая), если отношение к региональному правительству положительное, то центробежные тенденции становятся более интенсивными. В результате способность автономистов/сепаратистов успешно управлять регионом и эффективно защищать его интересы превращается в один из ключевых факторов, объясняющих центробежные тенденции в Испании, что было продемонстрировано на примере Страны Басков.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Зарипова А.Р. Экономический фактор регионального сепаратизма в Испании: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.02. Казань, 2019, 192 с. [Zaripova A.R. Ekonomicheskij faktor regionalnogo separatizma v Ispanii: dissertaciya kandidata politicheskikh nauk [The economic factor of regional separatism in Spain: PhD theses]. Kazan, 2019, 192 p. (In Russ).]
2. Орлов А. А. Проблема сепаратизма на современном этапе. На примере Шотландии и Каталонии. *Научно-аналитический журнал Обозреватель*. 2015, № 1 (300), сс. 67-80 [Orlov A.A. Problema secessii na sovremennom etape. Na primere Shotlandii i Katalonii [The problem of secession at the present stage. On the example of Scotland and Catalonia]. *Nauchno analiticheskij zhurnal Obzrevatel*. 2015, N 1, pp. 67-80. (In Russ).]
3. Фролова Ю. Н. Проблемы суверенитета и национального самоопределения в Испании в условиях глобализации: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.04. СПб, 2017, 154 с. [Frolova Y.N. Problemy suvereniteta i nacionalnogo-samooopredeleniya v Ispanii v usloviyakh globalizacii: dissertaciya kandidata politicheskikh-nauk [Problems of sovereignty and national self-determination in Spain in the context of globalization: PhD theses]. SPb, 2017, 154 p. (In Russ).]
4. PIB per capita de la Comunidad Valenciana. *Datosmacro.ru*. Available at: <https://datosmacro.expansion.com/pib/espana-comunidades-autonomas/valencia?anio=2020> (accessed: 07.08.2022).

5. PIB per capita de Galicia. *Datosmacro.ru*. Available at: <https://datosmacro.expansion.com/pib/espana-comunidades-autonomas/galicia?anio=2020> (accessed: 07.08.2022).
6. PIB per capita del País Vasco. *Datosmacro.ru*. Available at: <https://datosmacro.expansion.com/pib/espana-comunidades-autonomas/pais-vasco?anio=2020> (accessed: 07.08.2022).
7. PIB per capita de Cataluña. *Datosmacro.ru*. Available at: <https://datosmacro.expansion.com/pib/espana-comunidades-autonomas/cataluna?anio=2020> (accessed: 07.08.2022).
8. Estudio 2784. Preelectoral del País Vasco. Elecciones autonómicas 2009. *Centro de Investigaciones Sociológicas*, 2009. Pregunta 15. Available at: http://www.cis.es/cis/export/sites/default/-Archivos/Marginales/2780_2799/2784/e278400.html (accessed: 01.12.2020).
9. Distribuciones de frecuencia marginales del estudio 2784. *Centro de Investigaciones Sociológicas*. Available at: http://www.cis.es/cis/export/sites/default/-Archivos/Marginales/2780_2799/2784/e278400.html (accessed: 01.12.2020).
10. Estudio 3152. Preelectoral del País Vasco. Elecciones autonómicas 2016. *Centro de Investigaciones Sociológicas*, 2016. Pregunta 22. Available at: http://datos.cis.es/pdf/Es3152mar_A.pdf (accessed: 01.12.2020).
11. Estudio 2959. Preelectoral del País Vasco. Elecciones autonómicas, 2012. Panel (1ª fase) (ARABA/ÁLAVA). *Centro de Investigaciones Sociológicas*, 2012. Pregunta 15. Available at: http://www.cis.es/cis/export/sites/default/-Archivos/Marginales/2940_2959/2959/Es2959Ala.pdf (accessed: 01.12.2020).
12. Estudio 3275 Preelectoral del País Vasco. Elecciones autonómicas abril 2020. *Centro de Investigaciones Sociológicas*, 2020. Pregunta A19. Available at: http://www.cis.es/cis/openem/ES/1_encuestas/estudios/listaMuestras.jsp?estudio=14491 (accessed: 01.12.2020).
13. Estudio 3286. Preelectoral del País Vasco. Elecciones autonómicas julio 2020. *Centro de Investigaciones Sociológicas*, 2020. Pregunta A17. Available at: http://datos.cis.es/pdf/Es3286mar_A.pdf (accessed: 01.12.2020).
14. Unemployment Rate 2020. *Statista*. 2020. Available at: <https://www.statista.com/statistics/263706/unemployment-rate-in-spain/> (accessed: 01.12.2020).
15. EPA de la Comunidad Valenciana. *Datosmacro.ru*. Available at: <https://datosmacro.expansion.com/paro-epa/espana-comunidades-autonomas/valencia> (accessed: 07.08.2022).
16. EPA de Galicia. *Datosmacro.ru*. Available at: <https://datosmacro.expansion.com/paro-epa/espana-comunidades-autonomas/galicia> (accessed: 07.08.2022).
17. EPA del País Vasco. *Datosmacro.ru*. Available at: <https://datosmacro.expansion.com/paro-epa/espana-comunidades-autonomas/pais-vasco> (accessed: 07.08.2022).
18. EPA de Cataluña. *Datosmacro.ru*. Available at: <https://datosmacro.expansion.com/paro-epa/espana-comunidades-autonomas/cataluna> (accessed: 07.08.2022).
19. Salario Medio de la Comunidad Valenciana. *Epdata.es*. Available at: <https://www.epdata.es/datos/salarios-ccaa-indefinido-temporal-sector-mujeres-hombres/155/comunidad-valenciana/299> (accessed: 07.08.2022).
20. Salario Medio de Galicia. *Epdata.es*. Available at: <https://www.epdata.es/datos/salarios-ccaa-indefinido-temporal-sector-mujeres-hombres/155/galicia/301> (accessed: 07.08.2022).
21. Salario Medio de País Vasco. *Epdata.es*. Available at: <https://www.epdata.es/datos/salarios-ccaa-indefinido-temporal-sector-mujeres-hombres/155/pais-vasco/308> (accessed: 07.08.2022).
22. Salario Medio de Cataluña. *Epdata.es*. Available at: <https://www.epdata.es/datos/salarios-ccaa-indefinido-temporal-sector-mujeres-hombres/155/ca-taluna/297> (accessed: 07.08.2022).
23. IPC General de la Comunidad Valenciana. *Datosmacro.ru*. Available at: <https://datosmacro.expansion.com/ipc-paises/espana-comunidades-autonomas/valencia?sc=IPC-IG> (accessed: 07.08.2022).
24. IPC General de Galicia. *Datosmacro.ru*. Available at: <https://datosmacro.expansion.com/ipc-paises/espana-comunidades-autonomas/galicia> (accessed: 07.08.2022).
25. IPC General del País Vasco. *Datosmacro.ru*. Available at: <https://datosmacro.expansion.com/ipc-paises/espana-comunidades-autonomas/pais-vasco> (accessed: 07.08.2022).
26. IPC General de Cataluña. *Datosmacro.ru*. Available at: <https://datosmacro.expansion.com/ipc-paises/espana-comunidades-autonomas/cataluna> (accessed: 07.08.2022).
27. 2784 Preelectoral del País Vasco. Elecciones autonómicas 2009. *Centro de Investigaciones Sociológicas*, 2009. Available at: http://www.cis.es/cis/openem/ES/1_encuestas/estudios/ver.jsp?estudio=9060&cuestionario=10614&muestra=16205 (accessed: 07.09.2022).

28. 2959 Preelectoral del País Vasco. Elecciones autonómicas 2012. *Centro de Investigaciones Sociológicas*, 2012. Available at: http://www.cis.es/cis/export/sites/default/-Archivos/Marginales/2940_2959/2959/Es2959Ala.pdf (accessed: 07.09.2022).
29. 3152 Preelectoral del País Vasco. Elecciones autonómicas 2016. *Centro de Investigaciones Sociológicas*, 2016. Available at: http://datos.cis.es/pdf/Es3152mar_A.pdf (accessed: 07.09.2022).
30. 3286 Preelectoral del País Vasco. Elecciones autonómicas 2020. *Centro de Investigaciones Sociológicas*, 2020. Available at: http://datos.cis.es/pdf/Es3286mar_A.pdf (accessed: 07.09.2022).
31. Citizens' awareness and perceptions of EU Regional Policy. June 2019. *Eurobarometer 472. Results for Spain*. Available at: https://search.gesis.org/research_data/ZA6966 (accessed: 27.12.2021).
32. Krivushin I. The Contemporary World between Integration and Secession: A Challenge for Russia, Strategic Analysis. *Strategic Analysis*. 2016, N 40(6). pp. 524–535.
33. 3293 Postelectoral del País Vasco. Elecciones Autonómicas 2020. *Centro de Investigaciones Sociológicas*, 2020. Available at: http://cis.es/cis/export/sites/default/-Archivos/Marginales/3280_3299/3293/cru3293votoa2020.html (accessed: 26.09.2022).
34. Белоус Ю.А., Тарасов А. С. Факторы центробежных тенденций в современной Испании: качественный сравнительный анализ. *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*. 2021, № 1, сс. 45-56. [Belous Y.A., Tarasov A.S. Faktory centrobezhnykh tendencij v sovremennoj Ispanii: kachestvennyj sravnitelnyj analiz [Factors of centrifugal tendencies in modern Spain: a qualitative comparative analysis]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: politologiya*. 2021, N 1, pp. 45-56 (In Russ).

Yulia A.Belous (ybelous@hse.ru)

PhD in History, Research Fellow, Deputy Director, Centre for Comprehensive European and International Studies (CCEIS), Lecturer, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics

Malaya Ordynka Str. 17, 119017 Moscow, Russian Federation

Socio-economic determinants of centrifugal tendencies in the Basque Country at the present stage

Abstract. This article reveals the socio-economic factors of centrifugal tendencies in the modern Spain (the Basque Country case) from 2009 to 2020. A correlation is revealed between the preferences of Basques regarding the territorial and political structure of Spain and a number of socio-economic factors such as GDP per capita, the unemployment rate, the level of average wages and the Consumer Price Index. The article also acquaints readers with the attitude of the Basques towards the regional government and their assessment of the economic situation in the region. The author concludes that one of the key factors is the Consumer Price Index, since as the price level rises, separatist sentiments also grow. Another important factor is the attitude of citizens towards the regional government: despite the assessment of the economic situation (bad or good), if the attitude towards the regional government is positive, centrifugal tendencies become more intense.

Key words: centrifugal tendencies, Spain, Basque Country, socio-economic factors, GDP per capita, unemployment rate, average wage, Consumer Price Index, regional government.

DOI: 10.31857/S0044748X24020042

Received 25.05.2023.

КОНКУРС МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

А.В.Кузьмин

Место и перспективы развития *CELAC* в процессах латиноамериканской интеграции

Статья посвящена истории сотрудничества латиноамериканских государств в рамках крупнейшего интеграционного объединения региона — Сообщества стран Латинской Америки и Карибского бассейна. Особое внимание уделяется перспективам развития этого блока на современном этапе международных отношений и его взаимодействию с Организацией американских государств. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые за последние годы анализируются механизмы функционирования *CELAC* и нормативно-правовые документы, регламентирующие внутри- и внешнеполитическую деятельность объединения.

Ключевые слова: *CELAC*, ОАГ, Соединенные Штаты Америки, интеграция, сотрудничество.

DOI: 10.31857/S0044748X24020059

Статья поступила в редакцию 07.10.2023.

История возникновения и развития крупнейшего интеграционного объединения региона — Сообщества стран Латинской Америки и Карибского бассейна (*Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños, CELAC*) — непосредственно связана с проведением XXI саммита Группы Рио (*Grupo de Río, GR*), состоявшегося в феврале 2010 г. в Мексике. Важнейшей темой этого заседания стала идея воплощения в жизнь «Боливарианской мечты» о межгосударственном сотрудничестве на континентальном уровне. Участники форума подписали Канкунскую декларацию, провозгласив создание нового наднационального объединения, в состав которого вошли все латиноамериканские страны [1, с. 90].

Ориентируясь на достижение общественного благополучия и действуя в соответствии с нормами международного права [2], члены *CELAC* внесли

Алексей Вячеславович Кузьмин — студент Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (РФ, 190000 Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 67, kuzmin.ol3xy@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-8995-3460>).

Статья заняла первое место в конкурсе молодых исследователей, состоявшемся в рамках шестого международного форума «Россия и Иbero-Америка в турбулентном мире: история и современность», который состоялся в Санкт-Петербурге в октябре 2023 г.

значительный вклад в социально-экономическое развитие Латинской Америки, особенно в период 2011—2013 гг. Реализация гуманитарных программ позволила значительно снизить уровень бедности на континенте: в 2011 г. около 60 млн человек вырвались из зоны крайней нищеты, а покупательная способность населения выросла на 7% и достигла отметки в 19,2% [3]; благодаря реформам системы образования, проведенным в 2013 г., 70% студентов впервые предоставилась возможность получить высшее образование; углубление торговых связей привело к расширению внутреннего рынка товаров и услуг [4]. В то же время начавшийся с 2014 г. социально-экономический подъем региона сменился глубоким спадом, а развитие интеграционных процессов в рамках *CELAC* фактически прекратилось, что поставило под сомнение саму целесообразность существования объединения.

Цель данной статьи — выявить перспективы развития *CELAC* на современном этапе международных отношений. В ходе исследования использовались теоретические методы научного познания, в частности, анализ и обобщение литературы, документов и уставов региональных организаций, а также метод актуализации.

НА ПУТИ К МЕЖКОНТИНЕНТАЛЬНОМУ СОЮЗУ

С первых дней функционирования *CELAC* его деятельность была направлена на углубление всестороннего взаимодействия между государствами — членами объединения и развитие наднационального сотрудничества с нерегionalными субъектами международных отношений. В рамках этих направлений альянс проводит политические, экономические и социальные форумы с участием латиноамериканских и зарубежных стран, а также принимает декларации и стратегические планы развития группы.

Уделяя особое внимание безопасному развитию региона и, вместе с тем, поддерживая конституционную стабильность в странах Латинской Америки, по окончании венесуэльского (2011 г.) и кубинского саммитов (2014 г.) члены альянса приняли два ключевых документа о принципах межконтинентального сотрудничества. Первый из них — Специальная декларация о защите демократии и конституционного порядка в странах *CELAC*, подтвердившая нацеленность блока на урегулирование конфликтных ситуаций мирным путем, руководствуясь нормами международного права. Второй — Гаванская резолюция, провозгласившая безъядерный статус региона [1, с. 92].

Главный руководящий орган *CELAC* — регулярные встречи представителей государств региона, на которых обсуждаются проблемы углубления интеграционных процессов, развития стабильного наднационального сотрудничества и формирования единой позиции членов блока по важнейшим геополитическим вопросам. Кроме того, по окончании первого саммита *CELAC* был сформирован механизм «тройки» для оказания помощи временному председателю объединения в координации внешнеполитических действий [5].

Динамичное развитие интеграционных процессов в рамках *CELAC* в начале 2010-х годов определялось стремлением его участников трансформировать регион в единое геополитическое пространство и сформировать

на его основе новый «центр силы» [6, с. 257]. Несмотря на стабильный социально-экономический рост, охвативший Латинскую Америку в 2003—2013 гг., середина второго десятилетия XXI в. ознаменовалась глубоким кризисом хозяйственных систем стран континента, вызванным падением мировых цен на сырье и топливо [7, с. 23]. Резкий спад не только привел к замедлению региональной интеграции, но и спровоцировал возникновение конфликтных ситуаций в Западном полушарии, одной из которых стала государственная нестабильность в Венесуэле [8].

Венесуэльский политический кризис 2014—2018 гг. оказался настоящей проверкой на прочность для *CELAC*. Результатом этого конфликта стало установление в Каракасе своеобразного режима двоевластия, который вызвал неоднозначную реакцию в мире: оппозиционного лидера — Хуана Гуайдо — поддержали США, большинство стран Организации американских государств (*Organización de los Estados Americanos, OEA*), Аргентина, Бразилия, Боливия и все члены «Группы Лимы» (*Grupo de Lima, GL*) за исключением Мексики. Легитимную власть Венесуэлы в лице Николаса Мадуро (2013 — н/в) признали в Российской Федерации, Китае, Белоруссии, Иране, Кубе, Никарагуа, Сирии и Турции [9].

Что касается позиции *CELAC* по венесуэльскому кризису, то ее можно охарактеризовать как неоднозначную. С одной стороны, большинство членов объединения оказывали полную поддержку оппозиционному правительству Каракаса. С другой — принятие политически важных решений, согласно Уставу организации, возможно только на основе консенсуса, достичь которого члены *CELAC* так и не смогли. В связи с этим декларация, подписанная главами латиноамериканских государств в 2017 г. в Санто-Доминго, лишь подтвердила нацеленность блока на урегулирование конфликтной ситуации дипломатическими усилиями, не закрепляя при этом за Н.Мадуро или Х.Гуайдо статуса лидера Боливарианской Республики [10].

Политическая нестабильность в Венесуэле не только расколола Латинскую Америку на два лагеря, но и серьезно замедлила развитие интеграционных процессов в рамках *CELAC*. Разрыв дипломатических отношений между Боливией и Венесуэлой, инициированный Жанин Аньес (2019—2020 гг.) в 2019 г., изменение политического вектора развития Эквадора, критика правительством Аргентины, Бразилии и Парагвая нарушения демократического порядка в Каракасе, отказ Колумбии от работы на саммитах с участием Мадуро — все это привело к фактической остановке функционирования сообщества [11, с. 90].

Наиболее ощутимо последствия энергетического и политического кризисов сказались на социально-экономическом развитии Венесуэлы, являющейся самым богатым государством Латинской Америки по нефтяным запасам. В 2016 г. Международный валютный фонд (МВФ) опубликовал аналитический доклад, посвященный последствиям политического конфликта. Так, эксперты МВФ прогнозировали 500-процентный уровень инфляции и 8-процентный спад производственных мощностей [12, с. 81]. Три года спустя специалисты ООН заявили о наличии гуманитарной катастрофы в Боливарианской Республике. Согласно их оценкам, в 2019 г. подавляющее большинство жителей страны проживали в условиях крайней нищеты, а по количеству убийств за 2018 г. Венесуэла занимала лидирующие

позиции в мире [13, с. 201]. Социально-экономическая нестабильность привела к увеличению миграционных процессов: в большинстве своем венесуэлы уезжали в Колумбию, Бразилию, США и Испанию [14].

Стремясь разрешить проблемы региона, CELAC интенсифицировало политические контакты с КНР и РФ — ключевыми партнерами большинства латиноамериканских государств, используя соответствующие механизмы взаимодействия, сформированные еще в 2015 и 2016 гг. [15]. Помимо этих стран объединение активизировало стабильный диалог с Европейским союзом в области обеспечения межконтинентальной безопасности и устойчивого развития государств Латинской Америки.

Несмотря на активную политическую, экономическую и гуманитарную помощь со стороны нерегиональных партнеров CELAC, члены объединения не смогли предпринять эффективных мер по урегулированию конфликтных ситуаций в регионе. После того, как Мадуро объявил о выходе страны из Организации американских государств (ОАГ) [16], и Венесуэла была исключена из Южноамериканского общего рынка (*Mercado Común del Sur, Mercosur*) в 2017 г. [17], внутри самого CELAC постепенно назревали центробежные тенденции. Наиболее вероятным кандидатом на выход из состава альянса оказалась Бразилия.

С приходом к власти в Бразилии администрации Жаира Болсонару (2019—2023 гг.) ультраправый президент во внешнеполитической деятельности ориентировался на Соединенные Штаты, жертвуя при этом налаженными механизмами взаимодействия с представителями латиноамериканских стран. В 2019 г. бразильский лидер отказался поздравлять Альберто Фернандеса (2019 — н/в), с избранием в президенты Аргентины, так как А.Фернандес придерживался левоцентристских взглядов. Затем Болсонару пригрозил выходом своей страны из состава *Mercosur* из-за несовпадения во взглядах с аргентинским правительством на дальнейшее развитие объединения. В том же году бразильский президент раскритиковал гуманитарную программу «Больше врачей», усомнившись в квалификации кубинских работников здравоохранения, и не поддержал снятие экономических санкций, наложенных США на Кубу [18, с. 6]. Пиком его проамериканской политики стал выход страны из состава CELAC в 2020 г. [19, с. 239]. Отказ крупнейшей страны Южной Америки от активной деятельности в рамках сообщества привел к переоценке ценностей, от выбора которых зависело дальнейшее развитие CELAC.

В сложнейший период функционирования CELAC его председателем стала Мексика, политика которой была направлена на возобновление активной деятельности сообщества [20]. В частности, по инициативе Мехико было проведено несколько раундов переговоров между представителями оппозиционной и легитимной власти Венесуэлы. Кроме того, Мексика приняла VI саммит CELAC, на котором было одобрено решение о создании единого центра регулирования системы здравоохранения и о формировании Космического агентства стран Латинской Америки и Карибского бассейна (*Agência Latino-Americana e Caribenha do Espaço, ALCE*). Достижение этих целей, по мнению министра иностранных дел Мексики Марсело Луиса Эбрарда Касаубона (2018—2023 гг.), является важным шагом для развития научного и медицинского потенциала региона [21].

Несмотря на активную деятельность Мексики на посту временного председателя *CELAC*, оно не смогло продвинуться в решении региональных проблем, связанных с политической и экономической нестабильностью. Так, например, в ходе VI саммита *CELAC* президент Парагвайской Республики, Марио Абдо Бенитес (2018—2023 гг.) несколько раз говорил о непризнании «режима» Мадуро, называя его «диктаторским» [22, с. 459]. Кроме того, неожиданное присутствие Венесуэлы на мексиканском форуме стало причиной отказа Колумбии от участия в этом заседании. Таким образом Иван Дуке (2018—2022 гг.) выразил поддержку оппозиционному движению Боливарианской Республики [23].

Отдельно стоит отметить, что в период нахождения Мексики в статусе временного председателя *CELAC* объединение не смогло предпринять реальных мер по ликвидации негативных последствий изменения климата, хотя эта проблема коснулась государств Латинской Америки в большей степени, чем остальных членов мирового сообщества. Кроме того, участники альянса фактически не продвинулись в разрешении миграционного кризиса, охватившего регион по окончании венесуэльского политического конфликта [24]. В связи с этим деятельность *CELAC* в начале третьего десятилетия XXI в. можно охарактеризовать как пассивную [25].

Говоря об экономических проблемах, с которыми столкнулся альянс в начале третьего десятилетия XXI в., следует уточнить, что они были вызваны наложившимися друг на друга кризисами, ставшими следствиями венесуэльского политического конфликта и пандемии коронавируса. Для макроэкономических показателей государств региона в 2020 г. были характерны негативные тенденции: объем прямых иностранных инвестиций в основной капитал в 2020 г. сократился на 0,8% ВВП по сравнению с аналогичным показателем 2019 г. и составил 17,2%; в рассматриваемый промежуток времени общий государственный долг увеличился более чем в 1,5 раза и превысил отметку в 47% ВВП, при этом бюджетные расходы выросли до 24,7% [26, с. 104]. Тем не менее администрация Андреса Мануэля Лопеса Обрадора (2018 — н/в) сыграла важную роль в возобновлении функционирования *CELAC*, организовав первую за несколько лет встречу представителей стран Латинской Америки. Осознавая важность роли Мехико в этом вопросе, члены объединения приняли решение сохранить за североамериканским государством пост временного председателя объединения до 2022 г.

Последний саммит глав латиноамериканских государств состоялся в конце января 2023 г. в столице Аргентины. Ключевыми в повестке заседания стали вопросы об углублении региональных интеграционных процессов путем создания структуры, специализирующейся на защите национальных интересов всех членов альянса, разрешении продовольственных проблем и улучшении качества образования.

Особое внимание было уделено возобновлению участия Бразилии в деятельности *CELAC*. Новый президент южноамериканской страны Луис Инасиу Лула да Силва (2023 — н/в) отметил, что возвращение в состав объединения — необходимый шаг для полноценного сотрудничества. В завершении заседания главы государств осудили экономические и политические санкции США в отношении Кубы и Венесуэлы и подписали совмест-

ную Декларацию о совершенствовании механизма многостороннего диалога и безопасном развитии региона [27].

На форуме также был представлен отчет министра иностранных дел Аргентины Сантьяго Кафиро о деятельности страны на посту председателя альянса. Так, с начала 2022 г. в рамках *CELAC* начали реализовываться несколько крупных социально-экономических и политических проектов. Во-первых, был дан старт строительству трансконтинентальной железной дороги, соединяющей Мексику и Аргентину. Предполагается, что по ней будет доставляться продовольствие в наиболее бедные государства региона. Во-вторых, была проведена модернизация системы образования и здравоохранения. Данная программа реализовывалась не только за счет строительства новых учебных заведений и медицинских центров, но и путем внедрения последних достижений науки и техники. В-третьих, была дополнена программа «Нулевой голод», которая получила известность благодаря тому, что в начале 2000-х с ее помощью около 30 млн жителей Бразилии выбрались из нищеты и бедности. Составители новой концепции сделали акцент на предоставлении льготных условий аграрникам и создании дополнительных рабочих мест [28].

Несмотря на перспективность этих проектов, многие так и не смогли оправдать возложенных на них ожиданий. Наиболее яркими примерами в этом смысле являются нерешенные проблемы в сфере образования, здравоохранения и благосостояния граждан. Так, например, согласно оценкам специалистов Всемирного банка, в 2022 г. более 60% учеников начальной школы не умели читать и грамотно писать, и в настоящее время этот показатель продолжает стремительно расти. Несмотря на увеличение количества рабочих мест показатели крайней бедности, которые в первые постковидные годы не опускались ниже 25,6%, сократить не удалось. Эта проблема усугубляется высоким уровнем инфляции, достигшим в 2022 г. 7,9% [29], а также крупнейшим в истории Латинской Америки миграционным кризисом.

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ОАГ И *CELAC*

Организация американских государств — старейшее региональное объединение в мире, основы функционирования которого были заложены на Панамериканской конференции 1889 г. [30] и дополнены Межамериканским соглашением 1947 г. [31]. ОАГ, как и *CELAC*, является одним из крупнейших центров региональной интеграции, сформированным для углубления межгосударственного сотрудничества и последующей трансформации Латинской Америки в единое геополитическое пространство.

Несмотря на схожесть заявленных целей, пути их реализации рассматриваются альянсами по-разному: если ОАГ стремится консолидировать усилия латиноамериканских стран с деятельностью США для решения поставленных задач, то *CELAC* было создано для того, чтобы исключить Вашингтон из политической жизни региона [32, р. 11]. Несовпадение во взглядах на развитие организаций и межправительственного сотрудничества стала основной причиной, по которой эти блоки воспринимаются как противостоящие друг другу.

После возникновения в системе интеграционных процессов Латинской Америки нового центра социально-экономического и политического сближения лидер Венесуэлы Уго Чавес (1999—2013 гг.) заявил о нецелесообразности существования устаревшей ОАГ. Однако западные исследователи не согласились с точкой зрения венесуэльского политика, объяснив, что *CELAC*, являющийся «очередным механизмом для консультации», не сможет полноценно заменить ОАГ [33]. Чтобы оценить возможность реализации одного из двух вариантов развития интеграционных процессов, необходимо сравнить крупнейшие межправительственные структуры региона с политической, экономической и идеологической точки зрения.

Сопоставляя темпы экономического роста членов ОАГ и *CELAC*, можно сделать вывод, что они находятся примерно на одном уровне. Это объясняется тем, что в составе обоих блоков присутствуют страны Карибского бассейна, макроэкономические показатели которых в несколько раз уступают аналогичным показателям остальных членов альянсов. Слабость хозяйствующих систем этого субрегиона тормозит развитие межгосударственных экономических отношений в целом. Однако нельзя не обратить внимания на наличие в рамках проамериканского блока специализированных структур, работа которых направлена на содействие экономическому развитию стран — членов ОАГ. В данном случае речь идет о Межамериканском банке развития (*Banco Interamericano de Desarrollo, BID*), созданном в 1959 г., и Альянсе во имя прогресса (*Alianza para el Progreso, AP*), сформированном в 1961 г. [34]. Отсутствие подобных органов в *CELAC* является серьезным недостатком, обеспечивающим ОАГ небольшой перевес в этом компоненте.

Серьезным преимуществом ОАГ перед *CELAC* является его более однородная политико-идеологическая сфера. При принятии важнейших стратегических решений члены альянса демонстрируют единство по тому или иному вопросу, что обеспечивает стабильное функционирование блока. Наиболее ярким примером в этом смысле является консолидация позиций членов ОАГ по венесуэльскому политическому кризису: большинство латиноамериканских государств признало режим Х.Гуайдо легитимным и охарактеризовало оппозиционного лидера как единственного представителя Боливарианской Республики.

В свою очередь неспособность членов *CELAC* занять однозначную позицию по вопросу государственной нестабильности Венесуэлы сильно затормозило развитие наднациональных отношений и привело к возникновению в сообществе центробежных тенденций, результатом которых, как уже было отмечено, стал отказ Бразилии от участия в деятельности группировки в период президентства Ж.Болсонару.

Еще одно важное различие между крупнейшими интеграционными блоками Латинской Америки — их внутреннее устройство. Если *CELAC* изначально задумывалось как переговорная площадка и, соответственно, не обладает развитой структурой (ее деятельность в основном определяется саммитами глав государств), то ОАГ имеет сложно организованную иерархию, где каждый элемент является неотъемлемой составной частью единого целого, без которого невозможна деятельность альянса.

В структуру ОАГ входят: Генеральная ассамблея, являющаяся высшим управляющим органом объединения; Консультативный совещательный орган, объединяющий представителей стран-членов; Межамериканская комиссия, отвечающая за решение вопросов в сфере юриспруденции; Специальная межамериканская комиссия по правам человека; Генеральный секретариат, в функции которого, помимо прочего, входят подбор информации по актуальным вопросам повестки дня ОАГ, помощь в реализации решений, принятых в рамках ООН, и подготовка международных конференций [30].

Ключевое отличие *CELAC* от ОАГ состоит в том, что у последней есть центр принятия стратегически важных решений и формирования общей политики — США. В свою очередь в рамках *CELAC* нет единого лидера, способного координировать деятельность членов объединения: на это место претендуют сразу несколько государств из Южной (Бразилия и Аргентина) и Северной Америки (Мексика). Следовательно, маловероятно, что *CELAC* может полностью заменить проамериканский блок. Во-первых, потому что смещение баланса сил в пользу латиноамериканских стран и, соответственно, вытеснение Соединенных Штатов из континентальных политических процессов будет иметь преимущественно негативные последствия. Это объясняется тем, что США играют важную роль в обеспечении безопасности региона и оказывают большое влияние на его политическую жизнь. Во-вторых, несмотря на перспективность *CELAC*, оно до сих пор не смогло продвинуться в решении традиционных проблем региона, связанных с нищетой, безработицей и преступностью, хотя эти цели и заявлены в качестве приоритетных для альянса. Кроме того, в настоящее время блок будет вынужден отказаться от активной региональной деятельности, акцентируя внимание на преодолении негативных тенденций, ставших следствием венесуэльского политического кризиса и пандемии. В-третьих, ОАГ имеет более разветвленную институциональную систему по сравнению с внутренним устройством *CELAC*. Благодаря наличию гибкой структуры ОАГ может моментально отреагировать на любое геополитическое изменение. Поэтому будущее проамериканского блока, несмотря на наличие многочисленных альтернативных объединений, можно назвать благоприятным, и в наши дни замена ОАГ на другую структуру может быть вызвана, скорее, политическим решением, чем острой необходимостью.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ *CELAC* НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

За свою более чем десятилетнюю историю *CELAC* превратилось в одно из ключевых региональных интеграционных объединений. Пройдя через череду кризисных событий, альянс продемонстрировал свою гибкость и способность адаптироваться к сложнейшим геополитическим изменениям. Наибольшую опасность для дальнейшего функционирования организации представлял венесуэльский кризис, который расколол Латинскую Америку на две части — сторонников Мадуро и Гуайдо — и привел к тому, что Бразилия приостановила деятельность в *CELAC*.

Отказ Болсонару от межправительственного взаимодействия в рамках объединения не стал причиной возникновения центробежных сил, так как большинство латиноамериканских государств не способно развиваться самостоятельно в условиях постоянно меняющихся геополитических тенденций, поэтому отдают предпочтение коллективному взаимодействию. После выхода Бразилии из состава *CELAC*, новым лидером альянса стала Аргентина, стремящаяся воспользоваться ошибками бразильских политических элит и воплотить в жизнь мечту о региональном лидерстве. Осуществляя свою деятельность в качестве временного председателя группировки, администрация А.Фернандеса разработала ряд мер, содействующих социально-экономическому и политическому развитию стран — членов сообщества, пострадавших в 2014—2018 гг. В частности, к 2030 г. планируется создание трансконтинентальной железной дороги от Мехико до Буэнос-Айреса, по которой будет доставляться продовольствие в страны Карибского бассейна. Кроме того, до 2025 г. в Латинской Америке будет полностью модернизирована система здравоохранения, что позволит улучшить демографическую ситуацию в регионе [28].

Важную роль в деятельности *CELAC* в посткризисный период сыграла встреча представителей Франции, Колумбии и Аргентины, на которой обсуждались вопросы восстановления политических отношений между представителями легитимной власти и оппозиции в Венесуэле. На парижском форуме мира, состоявшемся 11 ноября 2022 г., Эммануэль Макрон (2017 — н/в), Густаво Петро (2022 — н/в) и Альберто Фернандес призвали венесуэльцев возобновить переговорный процесс между противоборствующими сторонами, рассматривая его как единственно верный способ разрешения глубокого кризиса, разделившего весь континент на две части [35]. Этот саммит должен содействовать стабилизации межгосударственного сотрудничества в рамках *CELAC*, затормозившегося в 2014—2018 гг., что, в свою очередь, положительно скажется на последующем углублении интеграционных процессов между странами — членами объединения.

Что касается внешнеполитической деятельности альянса, то, с наибольшей долей вероятности, в начале нового десятилетия XXI в. она будет переориентирована с активного взаимодействия по линии *CELAC* — РФ на углубление отношений с государствами ЕС. Отказ от сотрудничества с Москвой, вызванный новым витком российско-украинского противостояния, не только приведет к переосмыслению моделей межгосударственного сближения, разрабатываемых в рамках *CELAC* с момента его образования, но и станет причиной изменения вектора внешнеполитической деятельности альянса. Так, в ближайшие годы объединение будет активно взаимодействовать с ЕС, видя в нем главного защитника международного права — об этом заявил представитель внешнеполитического ведомства Аргентины Сантьяго Кафиеро на саммите *CELAC* — ЕС, состоявшемся в октябре 2022 г. [36].

Такое сотрудничество, с одной стороны, содействует развитию национальных экономических систем членов *CELAC*, а с другой — грозит альянсу началом процесса сближения с США. Чтобы не допустить такого варианта развития событий, сообщество продолжит выстраивать политический диалог со своим ключевым нерегиональным партнером, Китаем, который

проводит антиамериканскую политику, и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (*Association of South East Asian Nations, ASEAN*).

Перечисленные выше направления межрегионального сотрудничества будут развиваться и в период нахождения в статусе временного председателя группы Сент-Винсента и Гренадин, возглавивших CELAC в январе 2023 г. [37]. Так, всего за несколько месяцев после назначения государства Карибского сообщества (*Caribbean Community, CARICOM*) на роль лидера CELAC, состоялось три встречи на высшем уровне между представителями ЕС и делегатами CELAC по вопросам изменения климата, развития и укрепления демократических институтов, социально-экономических проблем латиноамериканского региона и международной безопасности [38]. Особое внимание представители альянса также уделили совершенствованию механизма CELAC — Китай, пригласив лидера КНР на саммит глав государств сообщества в Буэнос-Айресе.

Мощным импульсом для развития интеграционных процессов в рамках альянса должно стать возвращение Бразилии в состав CELAC. Во-первых, южноамериканское государство является единственной страной, приостановившей участие в деятельности организации, поэтому восстановление ее членства в объединении продемонстрировало возрастающее значение CELAC в политической жизни региона. Во-вторых, стабильность экономической системы Бразилии позволит сформировать благоприятные условия для реализации перспективных проектов межгосударственного сотрудничества. В-третьих, возобновлением деятельности в CELAC Л.И.Лула да Силва подчеркнул важность многостороннего взаимодействия государств региона [39].

Во внутриполитической деятельности новый председатель CELAC сфокусируется на стабилизации экономических систем латиноамериканских государств, претерпевших серьезные изменения во время пандемии COVID-19 и венесуэльского политического кризиса. Для решения этой задачи будет использоваться «Бриджтаунская модель финансового роста», предложенная правительством Барбадоса и утвержденная в рамках VII саммита CELAC (п. 10 Декларации Буэнос-Айреса). Предполагается, что эта инициатива позволит адаптировать национальные финансовые институты развитых и развивающихся стран региона к международным кризисам, учитывая специфику их развития. Кроме того, члены объединения согласовали возможность увеличения денежных поступлений в экономические системы беднейших стран, входящих в CELAC. Объем такого инвестирования может к 2030 г. достигнуть 30 млрд долл.

Еще одним перспективным направлением развития интеграционных процессов в рамках CELAC является проект «Биокеанское пространство», нацеленный на упрощение логистики сухопутного сообщения между странами атлантического и тихоокеанского побережья (п. 53 Декларации Буэнос-Айреса). Реализуя этот план, премьер-министр Сент-Винсента и Гренадин Ральф Гонсалвеш (2001 — н/в) серьезно продвинется в вопросе разрешения социально-экономических проблем региона, связанных со снижением товарооборота между государствами — членами CELAC, характерным для конца второго десятилетия XXI в., и низким уровнем жизни. Помимо прочего благодаря реализации данной инициативы увеличится уро-

вень занятости населения. Кроме того, появится возможность для привлечения дополнительных средств в государственный бюджет той или иной страны за счет развития сферы туризма [40].

Таким образом, можно констатировать, что эффективная деятельность на посту председателя *CELAC* позволит Сент-Винсенту и Гренадинам не только обеспечить социально-экономическое развитие организации, но и привлечь внимание международной общественности к проблеме развивающихся государств. Последовательное достижение внутри- и внешнеполитических целей администрацией Р.Гонсалвеша, а также потенциальное укрепление Аргентины в качестве ключевого центра принятия стратегических решений и возвращение Бразилии в состав альянса поможет последнему сократить политические, экономические и социальные разрывы и выйти на новый уровень межгосударственного взаимодействия и региональной интеграции. А это, в свою очередь, позволит *CELAC* возобновить борьбу с ОАГ за роль ведущего интеграционного объединения Латинской Америки.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Хейфец В.Л., Хадорич Л.В. Латинская Америка между ОАГ и CELAC. *Мировая экономика и международные отношения*. М., 2015, № 4, сс. 90-100 [Kheifets V.L., Khadorich L.V. Latinskaya Amerika mezhdyy OAG I SELAK. [Latin America between OAS and CELAC]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Moscow, 2015, N 4, pp. 90-100 (In Russ.). DOI: 10.20542/0131-2227-2015-4-90-100.
2. CELAC. Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños. Available at: <https://celacinternational.org/> (accessed: 17.04.2023).
3. Проблемы социально-экономического развития стран Латинской Америки. [Problemy socialno-ekonomicheskogo razvitiya stran Latinskoy Ameriki [Problems of socio-economic development of Latin American countries]. (In Russ.). Available at: <https://mirec.mgimo.ru/2011/2011-01/problemy-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-stran-latinskoj-ameriki> (accessed: 19.04.2023).
4. Яковлев П.П. Экономика Латинской Америки в эпицентре «идеального шторма». [Yakovlev P.P. Economica Latinskoy Americi v epitsentre idealnogo shtorma. [The economy of Latin America at the epicenter of the «perfect storm»]. (In Russ.). Available at: https://www.perspektivy.info/oikumena/amerika/ekonomika_latinskoj_ameriki_v_epicentre_idealnogo_shtorma_2016-08-01.htm (accessed: 19.04.2023).
5. Чеботарев Ю.А. Недоинституционализация CELAC как закономерность интеграции в Латинской Америке. [Chebotarev U.A. Nedoinstitutsionalizatsiya SELAK kak zakonomernost integratsii v Latinskoy Amerike [Under-institutionalization of CELAC as a regularity of integration in Latin America] (In Russ). Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26334 (accessed: 19.04.2023).
6. Емельянов А.И. Современные тенденции развития интеграционных процессов в Латинской Америке. *Россия: тенденции и перспективы развития*. М., 2017, № 12 (1), сс. 256-261. [Emelyanov A.I. Sovremennye tendentsii razvitiya integratsionnyh protsessov v Latinskoy Amerike. [Current Trends in the Development of Integration Processes in Latin America]. *Rossija: tendencii i perspektivy razvitiya*. Moscow, 2017, N12 (1), pp. 256-261 (In Russ.).
7. Мартынов Б.Ф. Латинская Америка: новое время, новые перспективы. *Латинская Америка*. М., 2017, № 4, сс. 23-33. [Moiseev B.F. Latinskaya Amerika: novoe vremya, novye perspektivy. [Latin America: New Times, New Perspectives]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2017, N 4, pp. 23-33 (In Russ.).

8. Venezuela: Una crisis democrática. Available at: <https://2017-2021.state.gov/a-democratic-crisis-in-venezuela-es/index.html> (accessed: 26.05.2023).
9. O'Brien R., Shumaker L. Guaido vs Maduro: Who is backing whom in Venezuela? *Reuters*. 30.04.2019. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-venezuela-politics-support-factbox-idUSKCN1S62DY> (accessed: 26.05.2023).
10. Declaración Política de Punta Cana, V cumbre de la CELAC. Available at: <https://cancilleria.gob.ar/%2Fes%2Fcontent%2Fdeclaraci%25C3%25B3npol%25C3%25ADtica-de-punta-cana-v-cumbre-de-la-celac> (accessed: 26.05.2023).
11. Ивановский З.В., Розенталь Д.М. Венесуэла: политическое противостояние и мировое сообщество. *Вестник Московского университета*, 2020, № 2, сс. 71-111. [Ivanovskiy Z.V., Rozental D.M. Venezuela: politicheskoe protivostoyanie i mirovye soobshchestvo [Venezuela: political confrontation and world community]. *Vestnik Moskovskogo ouniversiteta*, 2020, N 2, pp. 71-111 (In Russ.).
12. Хейфец В.Л., Хадорич В.Л. Кризис в Венесуэле и региональная интеграция. *Мировая экономика и международные отношения*. М., 2017, т. 61, №5, сс. 79-87. [Kheifets V.L., Khadorich L.V. Krizis v Venesuele i regionalnaya integratsia [Venezuelan Crisis and Regional integration]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Moscow, 2017, vol. 61, N 5, pp. 79-87 (In Russ.). DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-5-79-87.
13. Сидоров А.С. Анализ причин Венесуэльского кризиса: предпосылки и последствия. *Казанский вестник молодых ученых*, 2019, № 5, сс. 200-207. [Sidorov A.S. Analiz prichin venesuelskogo krizisa: predposylki i posledstviya [Analysis of the reasons of the Venezuela crisis. Background and consequences]. *Kazanskij vestnik molodyh uchenykh*, 2019, N 5, pp. 200-207 (In Russ.).
14. Яковлев П.П. Венесуэла: кризис эпохи конфликтной многополярности. [Yakovlev P.P. Venezuela: krizis epohi konfliktnoy mnogopolyarnosti. [Venezuela: the crisis of the era of conflict multipolarity]. (In Russ.). Available at: https://www.perspektivy.info/oikumena/amerika/venezuela_krizis_epohi_konfliktnoj_mnogopolarnosti_2019-03-25.htm (accessed: 27.04.2023).
15. Троянский М., Карпович О. CELAC: «перезагрузка». [Troyanskiy M, Karpovich O. SELAK: «perezagruzka». [CELAC: «reload».]. (In Russ.). Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/26687> (accessed: 27.04.2023).
16. OAS Member States Issue Joint Statement on Venezuela. Available at: <https://usoas.usmission.gov/oas-member-states-issue-joint-statement-on-venezuela/> (accessed: 27.04.2023).
17. Suspensión de Venezuela en el MERCOSUR. Available at: <https://www.mercosur.int/suspension-de-venezuela-en-el-mercosur> (accessed: 27.04.2023).
18. Хван М.С. Внешняя политика Бразилии в период президентства Жаира Болсонару. *Общество: философия, история, культура*. Краснодар, 2020, № 11 (79), сс. 1-17. [Khvan M.S. Vneshnyaya politika Brazili v period prezidentstva Zhaira Bolsonaru [Brazilian foreign policy under Jair Bolsonaro]. *Obshchestvo: filosofii, istoriya, kul'tura*. Krasnodar, 2020, N 11 (79), pp. 1-17. (In Russ.).
19. Суглобов А.Е., Карпович О.Г. Ход интеграционных процессов в Латинской Америке через призму деятельности CELAC. *Вопросы региональной экономики*. Королев, 2021, № 1 (46), сс. 234-242. [Suglobova A.E., Karpovich O.G. Khod integratsionnykh protsessov v Latinskoy Amerike cherez prizmu deyatel'nosti SELAK. [The course of integration processes in Latin America through the prism of CELAC activities]. *Voprosy regional'noy ekonomiki*. Korolev, 2021, N 1 (46), pp. 234-242 (In Russ.).
20. Caballero G.H. México en la CELAC: una apuesta por la unidad regional. Available at: <https://revistafal.com/mexico-en-la-celac-una-apuesta-por-la-unidad-regional/> (accessed: 26.05.2023).
21. VI саммит CELAC: туманные перспективы. [VI sammit CELAC: tumannye perspektivy [VI CELAC summit: foggy prospects]. (In Russ.). Available at: <https://lacrus.org/2021/09/27/vi-sammit-celac/> (accessed: 01.05.2023).

22. Хейфец В.Л., Коновалова К.А. Латиноамериканская интеграция на фоне «правого поворота»: между иррелевантностью и поиском новых смыслов. *Вестник РУДН. Серия «Международные отношения»*. М., 2022, Т. 22, № 3 сс. 447-463. [Jeifets V.L., Konovalova K.A. Latinoamerikanskaya integratsiya na fone pravogo povorota: mezhdru irrelevantnostyu i poiskom novykh smyslov [Latin American Integration against the Backdrop of a Conservative Wave: Between Irrelevance and the Search for New Meaning]. *Vestnik RUDN. International Relations*, Moscow, 2022, vol. 22, N 3, pp. 447-463. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-3-447-463.
23. Venezuela Takes Centre Stage at Heated CELAC Summit in Mexico. Available at: <https://venezuelanalysis.com/news/15325> (accessed: 08.05.2023).
24. Marroquín J.C. VII cumbre CELAC evidencia timida vocacion de fortalecimiento de la integracion regional. Available at: <https://www.latindadd.org/2023/02/06/vii-cumbre-celac-evidencia-timida-vocacion-de-fortalecimiento-de-la-integracion-regional/> (accessed: 27.05.2023).
25. Ricardo R. La CELAC mostró la casi nula «unión latinoamericana». *The Washington Post*. 21.09.2021. Available at: <https://www.washingtonpost.com/es/post-opinion/2021/09/21/cumbre-celac-2021-mexico-amlo-fracaso/> (accessed: 27.05.2023).
26. Яковлев П.П. Экономика Латинской Америки в эпицентре коронакризиса. *Россия и современный мир*. М., 2023, № 1 (118), сс. 95-114. [Yakovlev P.P. Economica Latinskoj Ameriki v epitsentre koronakrizisa [The economy of Latin America at the epicenter of the coronavirus crisis]. *Rossija i sovremennyy mir*. Moscow, 2023, №1 (118), pp. 95-114 (In Russ.). DOI: 10.31249/rsm/2023.01.06
27. VII Cúpula da Comunidade dos Estados Latino-Americanos e Caribenhos (CELAC). Available at: https://www.gov.br/mre/pt-br/canais_atendimento/imprensa/notas-a-imprensa/VII-Cupula-da-Comunidade-dos-Estados-Latino-Americanos-e-Caribenhos%20-CELAC (accessed: 27.05.2023).
28. Vision celac 2030 | celac international. Available at: <https://celacinternational.org/vision-celac-2030/> (accessed: 01.05.2023).
29. Latin America and Caribbean Overview. Available at: <https://www.worldbank.org/en/region/lac/overview> (accessed: 27.05.2023).
30. U.S. Mission to the Organization of American States. Available at: <https://usoas.usmission.gov/our-relationship/about-oas/history/> (accessed: 01.05.2023).
31. Организация американских государств (The Organization Of American States) [Organizatsiya amerikanskih gosudarstv [The Organistaion of American States]. (In Russ.). Available at: <https://flagi.site/society/organizatsiya-amerikanskih-gosudarstv> (accessed: 01.05.2023).
32. Veltmeyer H., Petras J. Latin America in the Vortex of Social Change. London, Rutledge, 2019, 176 p.
33. Тарасенко П. Америка соединилась без штатов. *Коммерсантъ*. [Tarasenko P. Amerika soedinilas' bez shtatov. [America united without the states]. *Kommersant*. Moscow, 05.12.2011. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/1831093> (accessed: 01.05.2023).
34. Organization of American States (OAS). Available at: <https://www.nti.org/education-center/treaties-and-regimes/organization-american-states-oas/> (accessed: 02.05.2023).
35. Ministerio de Relaciones Exteriores, Comercio Internacional y Culto Argentina. Los presidentes de Francia, Colombia y Argentina expresaron su pleno apoyo a la reanudación del proceso de negociación entre venezolanos. Available at: <https://www.cancilleria.gob.ar/es/actualidad/noticias/los-presidentes-de-francia-colombia-y-argentina-expresaron-su-pleno-apoyo-la> (accessed: 02.05.2023).
36. Ministerio de Relaciones Exteriores, Comercio Internacional y Culto Argentina. En el marco de las cumbres de cancilleres de CELAC y CELAC-UE, Cafiero suscribió importantes acuerdos bilaterales. Available at: <https://www.cancilleria.gob.ar/es/actualidad/noticias/en-el-marco-de-las-cumbres-de-cancilleres-de-celac-y-celac-ue-cafiero-suscribio> (accessed: 02.05.2023).
37. SVG is the First CARICOM Country to Assume the Presidency of CELAC. Available at: <http://foreign.gov.vc/foreign/index.php/news/666-svg-is-the-first-caricom-country-to-assume-the-presidency-of-celac> (accessed: 04.05.2023).

38. Saint Vincent and Grenadines/CELAC: Press remarks by High Representative/Vice-President Josep Borrell before his meeting with Prime Minister Ralph Gonsalves. Available at: https://www.eeas.europa.eu/eeas/saint-vincent-and-grenadinescelac-press-remarks-high-representativevice-president-josep_en (accessed: 04.05.2023).

39. Frenkel A. ¿Qué pasó en la cumbre de la Celac? Available at: <https://nuso.org/articulo/Celac-cumbre/> (accessed: 09.05.2023).

40. Declaration of Buenos Aires. Available at: http://foreign.gov.vc/foreign/images/PDFDocuments/BUENOS_AIRES_DECLARATION.pdf. (accessed: 04.05.2023).

Alexey V. Kuzmin (kuzmin.ol3xy@yandex.ru)

Student of the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

Bolshaya Morskaya Str., 67, 190000 St. Petersburg, Russian Federation

Place and development prospects of *CELAC* in the processes of Latin American integration

Abstract. The article is devoted to the history of cooperation between Latin American states within the framework of the largest integration associations in the region, CELAC. Particular attention is paid to the prospects for the development of the Community at the present stage of international relations and its interaction with the political structure of the OAS. The scientific novelty of the study lies in the fact that for the first time in recent years, the article analyzes the mechanisms of functioning of CELAC and legal documents regulating the domestic and foreign policy activities of the block.

Key words: CELAC, OEA, USA, integration, cooperation.

DOI: 10.31857/S0044748X24020059

Received 07.10.2023.

А.П.Игнатович

Роль традиционного сектора энергетики в условиях нынешнего энергетического кризиса

Межпартийная дискуссия в Испании

Энергетический кризис 2021—2022 гг. стал причиной пересмотра энергетического будущего в большинстве стран мира. Политические партии Испании придают этому вопросу особое значение, осознавая свою роль в деле обеспечения энергетического благополучия страны. Лидеры пяти ведущих партий делают непростой выбор между традиционной энергетикой и альтернативными источниками энергии, нередко становясь участниками ожесточенных дебатов о сохранении и дальнейшем использовании традиционного сектора в стране. Тяжелые реалии современного энергетического кризиса серьезно влияют на непрерывный процесс сравнения двух видов энергии, вынуждая членов партий критически смотреть на энергетическую повестку дня.

Ключевые слова: Испания, испанские партии, традиционная энергетика, альтернативная энергетика, энергетический кризис.

DOI: 10.31857/S0044748X24020063

Статья поступила в редакцию 07.10.2023.

С началом 2023 года проблема синтеза энергетического кризиса и сопровождающего его быстрого отказа от традиционных источников энергии стоит довольно остро. На смену газу, нефти и ядерному топливу приходят возобновляемые источники энергии (ВИЭ), которые в тяжелых условиях энергетического дефицита демонстрируют низкую эффективность и не-

Анастасия Павловна Игнатович — магистрант Санкт-Петербургского государственного университета, 1 курс, Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций (РФ, 199004 Санкт-Петербург, 1-я линия В.О., д. 26, ignatovich19@icloud.com, ORCID: 0009-0003-5634-5550).

Статья заняла второе место в конкурсе молодых исследователей, состоявшемся в рамках шестого международного форума «Россия и Иbero-Америка в турбулентном мире: история и современность», который состоялся в Санкт-Петербурге в октябре 2023 г.

устойчивость. Постоянное сравнение «зеленого» и традиционного секторов ведет к выявлению как их достоинств, так и недостатков, что позволяет государствам и другим акторам мировой системы занимать разные позиции в рамках энергетического перехода, отдавая предпочтение одному из указанных видов или отстаивая их параллельное развитие.

Представители испанских политических партий также имеют разные взгляды на проблему отказа от традиционных источников энергии в 2021—2022 гг. Наблюдая за межпартийными дискуссиями и изменениями позиций партийных лидеров, можно сделать довольно объективные выводы о том, каким образом Испания начнет выходить из энергетической нестабильности. Будет ли это полный переход на альтернативную энергию, или же представители партий проявят сдержанность, выбрав сохранение традиционного сектора в качестве «страховки» ненадежных ВИЭ?

В статье рассмотрены позиции и инициативы в отношении ВИЭ пяти доминирующих партий Генеральных кортесов (далее — парламент): Народная партия (*Partido Popular, PP*), Испанская социалистическая рабочая партия (*Partido Socialista Obrero Español, PSOE*), «Мы можем!» (*Podemos*), Гражданская партия (*Ciudadanos*) и партия «Голос» (*Vox*). Программа каждой из этих политических сил включает предложения, касающиеся энергетического будущего страны, в котором, согласно тексту программ, в полной мере будут удовлетворены энергетические потребности испанских граждан и соблюдены интересы национальных производителей энергии.

ДИСКУССИЯ О РОЛИ ТРАДИЦИОННОЙ ЭНЕРГЕТИКИ НАКАНУНЕ КРИЗИСА: 2019—2021 ГОДЫ

Незадолго до наступления энергетического кризиса дебаты, проходившие в партиях, о роли традиционного сектора энергетики имели значительный резонанс. Споры и разногласия по данному вопросу фактически привели к серьезному противостоянию политических сил. Наиболее амбициозный и радикальный характер носили меры, предложенные партией *Podemos* [1], выступившей за быстрое сокращение выбросов и повсеместное распространение возобновляемых источников энергии путем полного закрытия атомных электростанций (АЭС), а затем и угольных. Сходной позиции придерживалась и *Ciudadanos* [2], выразившая стремление продолжать осуществлять региональные программы по повышению энергоэффективности с помощью самостоятельного воспроизводства «зеленой» энергии при абсолютном отказе от использования углеводородов.

В свою очередь *PSOE* в своей программе [3] в 2019 г. планировала следовать общеевропейским тенденциям в области использования альтернативной энергии. Члены партии отвергли стремление сохранить или реформировать отрасль традиционной энергетики, и это значит, что в данном вопросе *PSOE* полностью ориентировались на политику Евросоюза.

В противоречие с позициями перечисленных выше трех партий вступили точки зрения на обсуждаемый вопрос *PP* и *Vox*. Это связано с тем, что обе партии были не согласны с полным переходом на альтернативную энергию и отстаивали потребление некоторых видов ископаемого топлива

параллельно с чистой энергией. Так, в программе *PP* [4] отсутствовали пункты о механизмах повышения энергоэффективности, роли населения Испании в этом процессе и возможных препятствиях в ходе внедрения энергоустановок. Главным же являлось то, что они выступили за поддержание «энергетического баланса». Его суть сводилась к использованию максимального количества возобновляемых источников, при этом не исключались эксплуатация классического топливно-энергетического комплекса, а также выработка атомной энергии.

Партия *Voх* поддержала развитие альтернативной энергетики, исключив, однако, поспешность в осуществлении полного перехода на чистую энергию [5]. С одной стороны, ее представители взяли на себя ответственность за декарбонизацию экономики, пообещав закрыть угольные электростанции. С другой стороны, *Voх* установили курс на поддержку работы атомных электростанций, энергия которых не относится к разряду чистой. В 2019—2021 гг. среди членов партии возникали разногласия относительно того, какую энергию лучше использовать с точки зрения практичности и выгоды. По всей видимости, члены *Voх* опасались рисков, связанных с быстрым внедрением возобновляемой энергии, и потому продолжение работы АЭС являлось для них обязательным условием.

ДИСКУССИЯ О РОЛИ ТРАДИЦИОННОЙ ЭНЕРГЕТИКИ ВО ВРЕМЯ КРИЗИСА: 2021—2022 ГОДЫ

С наступлением энергетического кризиса 2021—2022 гг. партия *PSOE* вновь выбрала роль проводника политики «отмены» таких традиционных источников энергии, как газ, нефть и ядерное топливо. Продвигаемые ею инициативы, среди которых были уменьшение зависимости Испании от импорта нефти и газа, а также повсеместное закрытие ядерных электростанций к 2028 г., говорят об общем отрицательном отношении членов партии к ископаемому топливу и к работе АЭС в стране.

Подтверждением того является Закон о климате, принятый весной 2021 г. и ставший результатом активной «зеленой» пропаганды премьер-министра и Генерального секретаря *PSOE* Педро Санчеса. Согласно закону, Испания отменит продажу дизельных и бензиновых автомобилей, прекратит выбросы парниковых газов и повысит уровень возобновления энергии до 100% в ближайшие три десятилетия. В рамках данного закона *PSOE* поддерживали запрет на добычу урана и запрет на разведку ископаемых видов топлива в стране.

В мае 2022 г. П.Санчес и председатель Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен сделали совместное заявление, высказавшись в поддержку отказа Европейского союза от потребления российских угля и газа и вложения значительных средств в развитие и диверсификацию комплекса ВИЭ [6]. Кроме того, в 2023 г. в рамках Международной конференции по возобновляемым источникам энергии (*Spanish International Renewable Energy Conference, SPIREC* 2023 г.) Санчес назвал «безобразным» поведение оппозиционных партий из-за их предложения отложить энергопереход до тех пор, пока геополитическая ситуация и связанный с ней энергетический кризис не будут урегулированы.

В свою очередь партия *Podemos* довольно редко выражала свою позицию относительно роли традиционного топлива, однако тех немногих заявлений было достаточно для понимания того, что *Podemos* вновь находится на стороне *PSOE* в этом вопросе. Так, в августе 2022 г. депутат *Podemos* София Кастаньон похвалила правительство Санчеса за усердие в решении энергетических проблем и умелое противостояние критике со стороны оппозиции. Она выступила с положительной оценкой Закона о климате, подчеркнув его особую важность и необходимость в условиях сложившейся геополитической обстановки [7]. Свое отрицательное отношение к традиционным видам топлива партия *Podemos* выразила через недовольство действиями правительства за рубежом, заявив, что прогрессивный закон об изменении климата и сильная климатическая политика Испании не могут сочетаться с инвестициями в ископаемое топливо, даже если эти производства находятся вне страны.

В активную дискуссию о роли ископаемого топлива с *PSOE* и *Podemos* вступили три оставшиеся партии. Тяжелые последствия энергокризиса заставили партийных лидеров пересмотреть свое отношение к ускоренному развитию альтернативной энергетики.

С самого начала партия *PP* настороженно относилась к ускоренному энергетическому переходу; ранее уже упоминалось, что в рамках предвыборной кампании 2019 г. основу соответствующего раздела программы составили меры по сохранению энергетического баланса традиционной и альтернативной энергетики вплоть до 2040 г. До кризиса эта энергетическая концепция не пользовалась широкой популярностью в парламенте, однако в 2021—2022 гг. число ее сторонников значительно увеличилось. В сентябре 2022 г. лидер *PP* Альберто Фейхоо выступил с обвинениями в адрес политики *PSOE* и *Podemos*, которые, по его словам, «совершают прыжок в пустоту», закрывая АЭС в стране [8].

Спустя два месяца, А.Фейхоо вновь сделал публичное заявление на ежегодном конгрессе Национальной ассоциации производителей автомобилей, проводимого под эгидой Саммита по климату в Египте. Политик призвал содействовать продаже автомобилей с двигателями внутреннего сгорания, указав на необходимость введения ряда фискальных мер в пользу сохранения ископаемого топлива на энергетическом рынке Испании.

В 2022 г. депутаты партии *PP* неоднократно критиковали правительство за спешку и непоследовательность при перестройке энергетического комплекса страны под новые «зеленые» стандарты; по их мнению, традиционные виды энергии продолжают играть важную роль для страны.

Примечательно, что во время энергокризиса представители партии *Ciudadanos* также встали на сторону *PP* и *Vox*, заявляя, что в сложившейся геополитической ситуации стратегически важно сохранять и использовать традиционные источники энергии. В августе 2022 г. лидер партии *Ciudadanos* Инес Арримадас обратилась к Санчесу с предложением внести пункт о приверженности испанского топливно-энергетического комплекса атомной энергетике [9], что шло вразрез с целями правительства и *PSOE*. Показателем наличия разногласий стал и тот факт, что И.Арримадас упрекнула действующее правительство в стремлении отказаться от потребления, в

том числе российского газа, считая этот шаг ошибочным. Отсюда следует, что члены партии придают важное значение использованию традиционной энергетики и не могут смириться с позицией *PSOE* и *Podemos*, критикуя этот тандем за политику криминализации ядерного сектора, в то время как вся Европа делает на него ставку.

Заявления представителей партии *Vox* в 2021—2022 гг. больше всего удивили членов испанского парламента: пожалуй, ее лидеры выступили самыми яростными критиками энергетической политики правительства этого периода. Заметив, что руководство не учитывает их позицию в отношении ядерной энергетики, повсеместно закрывая АЭС и усугубляя кризисную ситуацию, партия *Vox* сделала ряд громких заявлений в пользу защиты традиционного сектора энергетики.

В сентябре 2022 г. лидер *Vox* Сантьяго Абаскаль охарактеризовал недавно принятый Закон о климате как угрозу энергетическому суверенитету Испании, потребовав отменить ряд его положений (в частности, тех, которые запрещают разведку и эксплуатацию месторождений углеводородов). С.Абаскаль и его сторонники заявили, что навязанная климатическая политика может привести к катастрофе и потере энергетической самостоятельности Королевства. Неделью спустя, на заседании Абаскаль охарактеризовал Закон о климате как «самоубийственный», осудив меры по закрытию АЭС и сносу тепловых электростанций [10] (примечательно, что до кризиса *Vox* поддерживали закрытие ТЭС и урезание инвестиций в газовый сектор). В тот же день он обвинил тех, кто выступал против АЭС, а также тех, кто принимал решение о сокращении импорта российского и алжирского газа.

ТРАДИЦИОННЫЙ СЕКТОР: ЛИНИИ КОНФРОНТАЦИИ И СОТРУДНИЧЕСТВА

Убежденными сторонниками стремительного «зеленого» энергоперехода и полной декарбонизации Испании остаются *PSOE* и *Podemos*. Лидеры этих партий настаивают на сокращении значения традиционного сектора энергетики, призывают как можно скорее отказаться от ископаемого топлива и успешно лоббируют меры по закрытию атомных и тепловых электростанций на всей территории страны. Они убеждены, что газовый и нефтяной импорт может подорвать «зеленое» будущее Испании. В связи с этим они считают необходимым снизить роль традиционного сектора в целях реализации большинства «зеленых» инициатив к 2030 г. и достижения углеродной нейтральности к 2050 г.

В противоречие с *PSOE* и *Podemos* вступают *Ciudadanos*, *Partido Popular* и *Vox*. Пожалуй, самое заметное изменение произошло в позициях членов партии *Ciudadanos*, которая с наступлением энергокризиса отказалась от поддержки *PSOE* и *Podemos*, встав на сторону *PP* и *Vox* в вопросах, связанных с выбором энергетического пути развития Испании в ближайшие десятилетия.

В условиях энергокризиса *Ciudadanos*, *PP* и *Vox* придерживаются схожих позиций в отношении энергетической повестки. В 2021—2022 гг. депутаты этих трех партий считали невозможным развитие

альтернативной энергетики без поддержки традиционного сектора. Они убеждены, что преодоление серьезных последствий энергокризиса возможно лишь при увеличении выработки атомной энергии, сохранении экспортно-импортных отношений в области энергетики с другими государствами и снижении налогов на ископаемое топливо. Представители *Ciudadanos*, *PP* и *Vox* выступают против закрытия АЭС и ТЭС, а также призывают искать выгодных поставщиков углеводородов. Если ранее *PP* отстаивала необходимость соблюдать баланс энергий, а *Vox* выступала за совместное использование атомных и возобновляемых источников энергии с преобладанием последних, то в 2021—2022 гг. наблюдается «перевес» в их позициях в пользу увеличения роли углеводородов.

Таким образом, противоречия, выявленные в ходе дискуссии между пятью ведущими партиями Испании по вопросу об отказе от традиционных источников энергии, фактически ставят их по разные стороны баррикад. Представители *PSOE*, *Podemos*, *Ciudadanos*, *PP* и *Vox* не смогли выработать единую позицию и, более того, разделились на два полюса. Стоит отметить, что поиск компромисса и включение наиболее рациональных инициатив партий в единый законопроект могли бы стать «дорожной картой» энергетического развития Испании, но этот процесс займет определенное время.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Programa electoral de Podemos. Las razones siguen intactas. Available at: https://Podemos.info/wpcontent/uploads/2019/10/Podemos_programa_generales_10N.pdf (accessed 20.02.2022).
2. Programa electoral de Ciudadanos, elecciones autonómicas. Available at: <https://www.ciudadanos-cs.org/programa-electoral-2021-madrid-4m> (accessed 18.03.2022).
3. Programa electoral PSOE, elecciones generales. Available at: <https://www.PSOE.es/media-content/2019/04/PSOE-programa-electoral-elecciones-generales-28-de-abril-de-2019.pdf> (accessed 18.03.2022).
4. Programa electoral de Partido Popular, elecciones generales. Available at: https://www.pp.es/sites/default/files/documentos/pp_programa_electoral_2019.pdf (accessed 20.02.2022).
5. Programa electoral de Vox, elecciones generales. Available at: https://www.Voxespana.es/biblioteca/espana/2018m/gal_c2d72e181103013447.pdf (accessed 16.03.2022).
6. Von der Leyen y Sánchez apuestan por "diversificar" las fuentes de energía para no depender de Rusia. Ondacero, 05.03.2022. Available at: https://www.ondacero.es/noticias/mundo/von-der-leyen-sanchez-apuestan-diversificar-fuentes-energia-depender-rusia_202203056223b4cb447ec100016231de.html (accessed 10.02.2023г.).
7. Podemos aplaude la "diligencia" del Gobierno ante las críticas del PP sobre las medidas energéticas. *Europapress*, 08.08.2022. Available at: <https://www.europapress.es/nacional/noticia-podemos-aplaude-diligencia-gobierno-criticas-pp-medidas-energeticas-20220808110519.html> (дата обращения 18.02.2023г.).
8. Feijóo no duda en manipular los datos para desmontar el plan del Gobierno para abaratar la energía. *LaSEXTA Clave*, 16.09.2022. Available at: <https://www.lasexta.com/programas/lasexta->

clave/fejoo-duda-manipular-datos-desmontar-plan-gobierno-abaratar-energia_202209166324d939c8897200016e5d2f.html (accessed 16.02.2023 г.)

9. Alfonso A. Ciudadanos exige 13 medidas a Sánchez para apoyar su plan de ahorro energético. *The Objective*, 23.08.2022. Available at: <https://theobjective.com/espana/politica/2022-08-23/ciudadanos-plan-ahorro/> (accessed 21.02.2023).

10. Gomez M. Pedro Sánchez: ‘La energía autóctona de España es el sol’. *ABC Sociedad*, 14.09.2022. Available at: <https://www.abc.es/sociedad/pedro-sanchez-energia-autoctona-espana-20220914110314-nt.html?ref=https%3A%2F%2Fwww.google.es%2F> (accessed 10.02.2023).

Anastasia P. Ignatovich (ignatovich19@icloud.com)

1st year Master's degree, Graduate School of Journalism and Mass Communications,
St. Petersburg State University

1st line V.O. 26, 199004 Saint-Petersburg, Russian Federation

The role of the traditional energy sector in the current energy crisis. An inter-party discussion in Spain

Abstract. The energy crisis of 2021—2022 has caused a revision of the energy future of each country. Spanish political parties attach special importance to this issue, realizing their role in the energy well-being of the Kingdom. The leaders of the five leading parties make a difficult choice between traditional energy and alternative energy sources, often becoming participants in fierce debates on the preservation and further use of the traditional sector in the country. The difficult realities of the modern energy crisis have a serious impact on the continuous process of comparing two types of energy, forcing party members to take a critical view of the energy agenda.

Key words: Spain, Spanish parties, traditional energy, alternative energy, energy crisis.

DOI: 10.31857/S0044748X24020063

Received 07.10.2023.

Д.И.Портнягин, М.Д.Портнягина

Проблема антарктических и субантарктических территорий во внешней политике Великобритании (1945—1951 гг.)

С окончанием Второй мировой войны британские политические круги рассчитывали на то, что Великобритания сохранит за собой статус крупной мировой державы. Поэтому важное значение придавалось восстановлению серьезно пошатнувшегося за годы войны влияния страны в латиноамериканском регионе. Определенную проблему для достижения этой цели представляли территориальные претензии Великобритании в Антарктиде, которые входили в противоречие со стремлением Аргентины и Чили добиться признания собственных антарктических секторов. Данная статья написана на основе документов Британского национального архива, большинство из которых вводятся в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Великобритания, внешняя и колониальная политика, Зависимые территории Фолклендских островов.

DOI: 10.31857/S0044748X24020072

Статья поступила в редакцию 20.05.2023.

Обозначенный в заголовке сюжет представляет интерес не только с точки зрения попыток Великобритании обосновать свои территориальные претензии в Антарктиде, но и желания лейбористского правительства Клементы Эттли (1945—1951 гг.) сохранить британское влияние в Латинской Америке, которое серьезно ослабло в первой половине XX в. В контексте антарктических и субантарктических территорий устремления Великобритании входили в противоречие с намерениями Аргентины и Чили добиться

Дмитрий Игоревич Портнягин — кандидат исторических наук, доцент кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета (РФ, 199034 Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9, d.portnyagin@spbu.ru, ORCID: 0000-0002-9727-67-37); Мария Дмитриевна Портнягина — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных гуманитарных связей Санкт-Петербургского государственного университета (РФ, 199034 Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9, m.portnyagina@spbu.ru, ORCID: 0000-0001-7221-353X).

признания собственных секторов в Антарктиде. Это привело к серии политических конфликтов, грозивших перерасти в локальные военные столкновения, которые периодически происходили вплоть до подписания в 1959 г. Договора об Антарктике.

В отечественной историографии нет исследований, посвященных указанной выше теме. В недавно опубликованной монографии Института всеобщей истории РАН, несмотря на детальный анализ различных направлений британской политики в Латинской Америке в XX в., политика кабинета К.Эттли в Антарктике не рассматривается [1]. Определенные исторические аспекты упоминаются в работах, посвященных современной ситуации, складывающейся вокруг Антарктиды, и становлению правового режима в регионе [2; 3]. В англоязычной историографии латиноамериканскому направлению британской политики в XX в. посвящено большое количество работ, однако в контексте нашей статьи особого упоминания заслуживает работа К.Доддса, посвященная британо-аргентинскому соперничеству в регионе, в большей степени применительно к фолклендской проблеме [4].

В данной статье предпринята попытка определить значимость проблемы антарктических и субантарктических территорий для выстраивания отношений Великобритании с Аргентиной и Чили, а также степень влияния США и СССР на британскую позицию. Анализ политики лейбористов в отношении Антарктики позволяет лучше понять подходы британских социалистов к колониальной проблеме в целом. Для достижения поставленных задач использовались специальные методы исторического исследования: нарративный, позволивший последовательно реконструировать подходы Великобритании к спорам вокруг Антарктики в 1945—1951 гг., историко-генетический, дающий возможность выявить предпосылки сложившейся после Второй мировой войны ситуации вокруг антарктических территорий, и, наконец, сравнительный, помогающий раскрыть особенности подхода к проблеме основных участников конфликта. Новизна статьи определяется тем, что в научный оборот впервые вводится ряд источников из Британского национального архива.

В рассматриваемый период территории, на которые заявляла претензии Великобритания, были объединены в так называемые Зависимые территории Фолклендских островов. Ими управлял губернатор Фолклендских островов, в их состав входили остров Южная Георгия, Южные Сандвичевы, Южные Оркнейские и Южные Шетландские острова, а также часть континентальной Антарктиды. Под таким названием и в таких границах Зависимые территории Фолклендских островов образовались в результате издания в 1908 и 1917 гг. двух патентных грамот, обозначивших претензии Великобритании на суверенитет над этой частью Антарктики [5]. Действия британских властей побудили ряд других стран заявить о территориальных притязаниях в регионе.

Свой суверенитет над указанными выше территориями Великобритания обосновывала тем, что английские мореплаватели были их первооткрывателями, а также тем, что на некоторых из этих территорий долгое время находились британские представители. Например, в ноте, направленной британским послом в Аргентине в 1946—1948 гг. Реджинальдом Липером министру иностранных дел этой страны Хуану Атилио Брамуде, указывалось: «Британский суверенитет над островом Десепшен установлен бесчисленными актами администрирования с момента его открытия в 1819 г., а также несколькими периодами продолжительного пребывания на них британцев с момента официальной аннексии Южных Шетландских островов на основе патентной грамоты 1908 г.» [6, р. 1]. Подобную же мотивировку мы находим

в телеграмме, направленной Министерством иностранных дел (МИД) Великобритании в феврале 1948 г. британским дипломатическим представителям: «Британские притязания на эти территории основываются в первую очередь на актах оккупации и администрирования в течение последних 40 лет» [7, pp. 1-2].

ПОЗИЦИЯ СССР ОТНОСИТЕЛЬНО РЕШЕНИЯ ВОПРОСА О РЕЖИМЕ АНТАРКТИКИ

Следует отметить, что в первые послевоенные годы СССР не уделял особого внимания антарктическому региону. Тем не менее стремительно обострявшаяся ситуация в мире привела к росту заинтересованности советской стороны в усилении присутствия СССР в Антарктике. Британские лейбористы всячески стремились этого не допустить. Как отмечал министр по делам колоний Артур Крич Джонс, «наша политика предлагает наиболее верный курс для эффективного исключения СССР из этого стратегически важного района» [8, p. 3]. Лейбористы были категорически против передачи спорных вопросов, связанных с Антарктикой, на рассмотрение ООН. Министр иностранных дел Великобритании Эрнст Бевин заявлял, что «мы не готовы согласиться на передачу Антарктики под опеку (ООН. — Д.П. М.П.), поскольку это дало бы возможность вмешаться Советам» [9, p. 151]. Позиция США также сводилась к стремлению не допустить СССР к решению вопросов приполярной территории. В заявлении Госдепартамента США 11 июля 1951 г. говорилось, что главной целью американской политики является «недопущение наших наиболее вероятных врагов к контролю над всей или какой-либо частью Антарктиды» [10, p. 1726].

Значение Антарктики существенно повышалось благодаря проводившемуся здесь китобойному промыслу. В послевоенный период СССР впервые стал вести добычу китов в антарктических водах, для чего была создана китобойная флотилия «Слава». Стремление ряда стран разделить приполярный регион на национальные сектора, а также неудачная попытка Соединенных Штатов обсудить в 1948 г. вопрос о положении дел в Антарктике без участия Советского Союза, заставили руководство нашей страны четко определить позицию по данной проблеме [3, сс. 93-94]. Так появился Меморандум советского правительства по вопросу о режиме Антарктики, который 7 июня 1950 г. был направлен правительствам США, Великобритании, Франции, Норвегии, Австралии, Аргентины и Новой Зеландии. Поскольку чилийское руководство в октябре 1947 г. разорвало дипломатические отношения с СССР, Чили в этом списке не оказалось. Общий смысл документа сводился к недопустимости рассмотрения режима Антарктики без учета интересов всех заинтересованных сторон. Советское руководство заявляло о непризнании любых решений по этому вопросу, принятых без его участия [11, сс. 175-177].

Показательна оценка меморандума, которую дали участники так называемого Русского комитета, созданного в МИД Великобритании весной 1946 г. для анализа советской внешней политики [12]. По мнению членов комитета, рост интереса СССР к Антарктике был связан с тем, что «первые коммунистическая пропаганда в Латинской Америке открыто начала антиколониальную агитацию, сторонниками которой являются Аргентина и Гватемала». Дипломаты допускали возможность того, что целью Кремля было использование спора вокруг приполярного региона для того, чтобы поссорить Великобританию с Аргентиной и Чили. Другой задачей, которую решало советское руководство, было вынесение дискуссии вокруг антарктических территорий на площадку ООН [13, p. 12].

Появление меморандума привело в замешательство британское правительство. Об этом свидетельствует беседа посла США в Великобритании Льюиса Дугласа с главой латиноамериканского департамента британского МИД Робертом Сесилом, который заявил, что в его ведомстве понятия не имели о причинах появления ноты и возможных последующих шагах советской стороны. Р.Сесил добавил, что в министерстве не представляли, какого рода должен быть ответ [14, р. 913]. В итоге только Аргентина и Чили отреагировали на демарш советского руководства. В ноте аргентинского правительства говорилось, что «Аргентинская Антарктика» является частью «южноамериканской Антарктики», которая находится исключительно в юрисдикции Аргентины и Чили, а требования СССР неприемлемы. Чилийское правительство также объявило, что только Чили и Аргентина имеют право на «американскую Антарктику», а претензии СССР на антарктические территории безосновательны и недопустимы [15, р. 917].

Британская сторона предпочла проигнорировать меморандум. Причина этого состояла в том, что наиболее обоснованным доводом для отказа Советскому Союзу в праве участвовать в решении вопросов Антарктики в МИД Великобритании считали указание на отсутствие советских притязаний на территории в регионе. Однако подобный ответ уравнивал бы позиции СССР и США, которые также официально не претендовали на то, чтобы иметь собственный антарктический сектор. Не найдя другого основания для исключения СССР из дискуссий вокруг Антарктики, правительство Великобритании предпочло отмолчаться [10, pp. 1728-1732].

США: ОТ «ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ» К СОХРАНЕНИЮ *MODUS VIVENDI* В АНТАРКТИКЕ

Британскому лейбористскому правительству было крайне важно, какую позицию занимали Соединенные Штаты в отношении ситуации, складывавшейся вокруг Антарктики. А текущее положение дел оказалось для администрации Гарри Трумэна (1945—1953 гг.) непростым. Как отмечалось в январе 1947 г. в заявлении Госдепартамента, «американские исследователи уже более столетия посещают антарктический регион, в результате чего были сделаны важные открытия, касающиеся географии, ресурсов и других характеристик района и Антарктического континента». По мнению авторов документа, на этом основании США могли бы претендовать на значительную часть Антарктики, но никогда официально этого не делали. Одновременно США никогда не признавали территориальных притязаний других стран по причинам отсутствия «актов оккупации или использования территории в той степени, которая считается необходимой для признания подобных требований». В целом к началу 1947 г. США еще не имели четко сформулированной позиции по проблеме и не рассматривали ее как «имеющую большое мировое значение» [16, pp. 1046-1049]. О причинах подобного подхода можно судить на основании меморандумов Объединенного комитета начальников штабов 1948 и 1951 гг., направленных министрам обороны Джеймсу Форрестолу и Джорджу Маршаллу. В документах отмечалось, что на тот момент Антарктика не представляет для США большой стратегической ценности, и может эксплуатироваться разве что в метеорологических или общенаучных целях [17, pp. 1732-1733].

Ответить на вопрос о том, почему США заняли описанную выше позицию, помогает документ, подготовленный Госдепартаментом в июне 1948 г. В нем говорилось, что спор вокруг Антарктики между Великобританией, с одной стороны, и Аргентиной и Чили — с другой являлся почти

исключительно вопросом престижа, но для Соединенных Штатов он стал источником затруднений в силу «тесных связей с Великобританией и наших обязательств в Западном полушарии». Американские аналитики полагали, что эта ситуация могла быть использована СССР. Поэтому национальные интересы США требовали урегулирования спора в приемлемой для трех вовлеченных в него стран форме. Подчеркивалось, что проблема должна была решаться в Совете по опеке ООН, чтобы не допустить обвинений со стороны Советского Союза в ослаблении авторитета данной организации. Как выразились авторы документа, «хотя система опеки ООН была создана в первую очередь для “развития народов, а не пингвинов”, в Уставе нет ничего, исключающего применение опеки к необитаемым территориям» [18, pp. 979-981]. Отметим, что британская сторона первоначально категорически возражала против интернационализации проблемы через систему ООН, полагая, что это давало СССР хорошую возможность использовать ситуацию. Э.Бевин отмечал, что позиция правительства сводилась к представлению дела для рассмотрения в Международный суд ООН. Однако правительства Аргентины и Чили отказались от этого, настаивая, что вначале должны были быть проведены прямые переговоры между тремя странами [19, p. 2].

9 августа 1948 г. Госдепартамент США обратился к правительствам Аргентины, Австралии, Чили, Франции, Новой Зеландии, Норвегии и Великобритании с предложением обсудить территориальные проблемы в Антарктике. Американская сторона полагала, что лучше всего было бы заключить соглашения о какой-либо форме интернационализации региона, поскольку на тот момент Антарктика представляла собой, скорее, научный, а не экономический и стратегический интерес. Это могло позволить избежать трений в настоящем и будущем, сохранив восьмисторонний контроль за регионом, а также не дать другим странам использовать неурегулированность ситуации в Антарктике в своих интересах [20, p. 3].

По мнению Дж.Маршалла, желательно было договориться об установлении опеки, либо учредить кондоминиум восьми заинтересованных стран. Он полагал, что подобный «курс лишит наиболее вероятных врагов возможности контролировать все или некоторые районы Антарктики и что такой контроль будет осуществляться дружественными державами» [21, p. 993]. Показательно, что ради достижения компромисса администрация Г.Трумэна была готова пойти на шаг, которого США долгое время избегали, — выдвинуть собственные территориальные претензии в Антарктике. Это поставило бы Соединенные Штаты в равноправное положение по отношению к другим заинтересованным сторонам [22, p. 1001].

Реакция правительства К. Эттли на предложения США была положительной. Реализация американской инициативы позволила бы «избежать затруднений и потери престижа, которые стали бы естественным результатом длительного конфликта с Аргентиной и Чили или прямой территориальной уступки этим странам» [23, p. 5]. Э.Бевин предлагал наделить его полномочиями для ведения переговоров с заинтересованными странами о создании восьмисторонней антарктической администрации. Он полагал, что желательно было добиться признания британского суверенитета со стороны других участников переговоров над Южными Шетландскими островами, включая о. Десепшен. Ради этого он считал возможным пожертвовать Аргентине и Чили один или несколько островов, что имело бы символическое значение. В крайнем случае для достижения компромисса Бевин допускал, что все Зависимые территории Фолклендских островов к югу от 60 градуса южной широты могли быть переданы под восьмисторонний

контроль, но при условии, что и другие страны, имеющие территориальные претензии, сделают тоже самое [24, р. 2]. Разъясняя преимущества восьмистороннего урегулирования в приполярных территориях для Великобритании, Э.Бевин отмечал, что при таком раскладе Британское Содружество получало бы при решении вопросов три голоса, а также могло рассчитывать на поддержку Франции и Норвегии. Главный экономический интерес для Британии в регионе представлял китобойный промысел. В этом плане интернационализация региона также имела бы положительное значение, поскольку придавала бы уверенности британским компаниям, которые в ситуации неопределенности не спешили вкладываться в развитие бизнеса в Антарктике [24, р. 3]. Кабинет министров согласился с предложениями Э. Бевина при условии проведения предварительных переговоров с Австралией и Новой Зеландией [25, р. 152].

Однако американским планам не суждено было реализоваться. Правительство Австралии не захотело отказываться от суверенитета над регионом, который оно именовало Австралийской антарктической территорией. Новая Зеландия предпочитала интернационализацию региона под эгидой ООН. Британская сторона полагала, однако, что в обоих случаях этих членов Содружества удастся склонить к варианту, который предлагали США. Относительно Норвегии и Франции беспокойства было меньше, хотя высказывались опасения, что французские политические круги были серьезно озабочены возможными негативными последствиями исключения СССР из числа стран, принимавших решения по Антарктике [23, pp.6-7]. Непреодолимыми оказались возражения латиноамериканских участников дискуссии.

Правительства Аргентины и Чили были настроены самым решительным образом. Их категорически не устраивали предлагаемые Соединенными Штатами варианты интернационализации Антарктики. Как указывал Х.Брамулья в письме Р.Липеру, еще 12 июля 1947 г. Аргентина и Чили подписали декларацию, в которой выражалась уверенность в «неоспоримых правах суверенитета Республики Аргентина и Чили над южноамериканской Антарктикой» и отмечалось стремление двух стран к скорейшему заключению договора о демаркации границ в регионе. Поэтому темами международной конференции могли быть только делимитация границы на всем антарктическом континенте и определение политико-правового статуса региона [26, р. 5]. Проведение такой встречи было возможно только после урегулирования территориальных споров с Великобританией. Подобную точку зрения выразил и министр иностранных дел Чили Херман Вергара Доносо в ноте британскому послу Джону Лече. В ноте подчеркивалось, что Чили считает Землю Грейама и Южные Шетландские острова неотъемлемой частью своей территории и не признает юридической силы патентных грамот 1908 и 1917 гг. [27, р. 2]. Самую непримиримую позицию заняла Аргентина. Х.Брамулья заявил, что Аргентина никогда не откажется от своих претензий в Антарктике, а в случае рассмотрения вопроса Генеральной Ассамблеей ООН вновь заявит о своих правах на приполярные территории. Чилийские власти выдвинули встречное предложение о сохранении *modus vivendi* в регионе в течение пяти лет [23, р. 7].

Администрация Трумэна в этой ситуации пыталась «усидеть на двух стульях». Дж.Маршалл полагал, что в случае жестких односторонних действий Великобритании, Аргентина и Чили способны на совместные решительные ответные меры. Поэтому США, «имеющие особое желание сотрудничать с Великобританией, а также с Чили и Аргентиной, будут избегать позиции, которая может быть истолкована как благоприятная для любой из сторон» [28, р. 1051]. Это предопределило положительную реакцию США на предложение чилийского правительства заключить соглашение на

пять лет, в течение которых ни одна из заинтересованных сторон не будет предпринимать усилий по продвижению своих претензий, а Антарктида будет открыта для всех для научных и метеорологических исследований [29, р. 1002].

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ: ПРЕСТИЖ И СОХРАНЕНИЕ КОЛОНИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Для правительства К. Эттли наибольшую проблему представляли территориальные притязания Аргентины и Чили. Эти страны заявляли о своих правах на часть антарктического континента и на острова, которые входили в состав Зависимых территорий Фолклендских островов. Особое внимание Великобритании в этот период уделяла отношениям с Аргентиной. В британской политической элите бытовало представление об Аргентине как о неформальной части собственной колониальной системы [30, pp. 277–278], но отношение к ней в годы Второй мировой войны начало меняться в худшую сторону. Отчасти это было связано с объявленным аргентинскими властями нейтралитетом и тесными связями с нацистской Германией, а отчасти — с военным переворотом 1943 г. и последующим приходом к власти Хуана Доминго Перона (1946—1955, 1973—1974 гг.), победа которого на президентских выборах 1946 г. и его «националистический» курс в экономике в Британии были встречены с явным неудовольствием.

Несмотря на негативные оценки перонистского режима, правительство К. Эттли всячески пыталось поддерживать с ним дружеские отношения. Причины, которые заставляли Великобританию искать расположение Х.Д. Перона были связаны с экономикой. Вторая мировая война привела к резкому ухудшению экономического и финансового положения Великобритании. Аргентина, наоборот, оставшись в стороне от военных действий, значительно усилила свои позиции за счет активной внешней торговли. Если до войны страна являлась получателем займов и кредитов, то уже в ходе войны она превратилась в кредитора, предоставив денежные средства Испании и Чили [31, р. 19]. К концу войны у Британии накопился значительный дефицит в двусторонней торговле, покрыть который лейбористы рассчитывали продажей вооружений. Государство отчаянно нуждалось в поставках аргентинского продовольствия, прежде всего говядины. Р. Липер отмечал: «Экономические позиции Аргентины как поставщика продовольствия... столь сильны, что нет адекватных мер давления на нее. Угрозы, не подкрепленные соответствующими санкциями, приведут только к подъему у аргентинцев чувства национального тщеславия...» [32, р. 4]. С другой стороны, поставки британских вооружений в Аргентину вызывали резкое неудовольствие США, которые в это время стремились полностью контролировать вопросы безопасности в Западном полушарии. На этом фоне споры вокруг Антарктики ставили под угрозу британо-аргентинские торгово-экономические отношения.

Конфликт вокруг антарктических территорий обострился еще в годы Второй мировой войны. На протяжении 1941—1943 гг. Аргентина значительно активизировала свою деятельность в регионе. Как отмечал Энтони Иден, министр иностранных дел в коалиционном правительстве Уинстона Черчилля (1940—1945 гг.), власти Аргентины предприняли ряд действий, направленных на подкрепление своих претензий. Э. Иден полагал, что «если не будут сделаны шаги по укреплению нашего права на эти зависимые территории путем фактической оккупации, Аргентина сможет постепенно утвердить свое право. Возникнет ситуация, которую никак нельзя будет изменить, кроме как силовыми действиями, равносильными агрессии про-

тив территории Аргентины». В качестве мер противодействия Иден предложил отправить вспомогательный крейсер *MV Carnarvon Castle* к Зависимым территориям Фолклендских островов для уничтожения аргентинской символики. На острове Лори, где находились аргентинские военно-морские силы, предполагалось провести высадку, но в случае силового сопротивления предлагалось ограничиться официальным протестом. Самая важная инициатива министра сводилась к тому, что, начиная с 1944 г., необходимо было осуществить постоянную оккупацию островов [33, p. 1].

Предложения Идена рассматривались кабинетом министров в январе 1943 г. Председательствовал на заседании заместитель У. Черчилля К. Эттли. Присутствовали и другие члены коалиционного правительства от лейбористской партии: министр труда Эньюрин Бивен, глава британских военно-морских сил Первый лорд Адмиралтейства Альберт Александер, министр внутренних дел Герберт Моррисон, министр авиастроения Стаффорд Криппс. Все они занимали в последствие ведущие посты в кабинете К.Эттли. В ходе дискуссии Александер заявил, что настал подходящий момент для недопущения установления аргентинского суверенитета над островами. Осторожный К. Эттли высказался в том смысле, что, пока не будут проведены консультации с правительствами доминионов о сдаче британских интересов в регионе не может быть и речи [34, pp. 69-70]. В итоге кабинет министров одобрил предложения Идена, что позволило начать в конце 1943 г. операцию «Табарин», в ходе которой на Зависимых территориях Фолклендских островов начинают создаваться постоянные базы. В 1945 г. на этой основе была создана структура под названием «Управление по изучению Зависимых территорий Фолклендских островов», которая в 1962 г. была переименована в Британскую антарктическую службу.

Несмотря на то, что британское правительство резко отзывалось об аргентинских властях и их действиях в Антарктике, публично члены коалиционного кабинета Черчилля старались избегать обострения отношений с Аргентиной. Иден, характеризуя националистически настроенных военных, пришедших к власти в Буэнос-Айресе в июне 1943 г., назвал их «бандой антиамерикански настроенных националистов и тоталитарно мыслящих полковников». Это не мешало ему в том же меморандуме отметить, что с точки зрения британских властей новое аргентинское правительство лучше его предшественников, поскольку оно заключает договоры по продаже продовольствия в Великобританию. Поэтому министр высказался против введения финансовых и экономических санкций в отношении Аргентины: поставки аргентинского мяса покрывали 31% потребления Великобритании, и заменить их было нечем. Иден полагал, что зависимость от поставок продовольствия из Аргентины сохранится и после войны [35, p. 1]. Этот прогноз оказался верным, что и определило преобладание политики правительства Эттли в отношении Аргентины.

Ситуацию, сложившуюся вокруг Антарктики сразу по окончании Второй мировой войны, хорошо иллюстрирует меморандум, подготовленный Виктором Пероуни, возглавлявшим в британском МИД южноамериканский департамент в 1941—1947 гг. Он отмечал значительное оживление международного интереса к приполярным территориям, в том числе со стороны США, которые в 1946—1947 гг. предприняли «гигантскую» военно-морскую экспедицию под командованием известного американского полярного исследователя адмирала Ричарда Бирда, называвшуюся «Прыжок в высоту» [36, p. 2]. Заметим, что Р.Бирд был сторонником того, чтобы США предъявили права на большую часть Антарктики, поскольку она, воз-

можно, являлась «резервуаром минеральных ресурсов», а также местом, где можно было «проводить испытания в холодную погоду в целях развития знаний и методов, полезных в стратегической арктической зоне» [37, pp. 798-799]. Помимо США военно-морские экспедиции в антарктические воды в это же самое время направили Аргентина и Чили, которые, по мнению В.Пероуни, тем самым пытались подкрепить свои претензии в регионе.

В.Пероуни полагал, что требования Аргентины и Чили, а также «некоторые провокационные действия, которые они сейчас предпринимают для утверждения своего суверенитета», ставили Великобританию перед риском международных трений. Глава департамента опять же особо подчеркивал значение Аргентины, «от доброй воли которой мы сейчас зависим в том, что касается многих поставок» [36, pp. 3-4]. Он считал, что пока не выработана долгосрочная политика в отношении Антарктики, необходимо действовать максимально осторожно. Как это выглядело на практике, можно понять из инструкций, полученных губернатором Фолклендских островов Майлзом Клиффордом. В них указывалось, что главная задача британских «оккупационных партий» заключалась в сохранении «наших позиций», а также в том, чтобы не допустить возникновения или обострения каких-либо противоречий. Вспомогательной задачей объявлялось проведение научных исследований [38, p. 1.].

Интерес представляют инструкции для членов британских экспедиций, выработанные на случай, если их зимовки посетят представители других стран. В инструкции отмечалось, что, если бы произошла встреча с представителями США или СССР, следовало выразить удивление их присутствием, а также отказаться обсуждать вопрос о суверенитете, подчеркивая, что сам факт наличия британских станций служит подтверждением прав Великобритании на эти территории. Однако в целом следовало проявлять сердечность и при необходимости оказывать помощь. В отношении членов аргентинских или чилийских экспедиций следовало занять более официальную, но тоже вежливую позицию. В разговорах с представителями других стран следовало всячески отрицать факт обнаружения радиоактивных минералов в Антарктике, поскольку, по мнению авторов инструкций, именно слухи об этом способствовали росту интереса к региону. Британским полярникам следовало уничтожать «любые иностранные эмблемы или знаки оккупации», но делать это после отплытия тех, кто их установил [38, pp. 2-4].

Дальнейшее развитие событий потребовало от лейбористов более четко определить политику в отношении оспариваемых территорий. Чилийские власти активизировали свою деятельность в Антарктике в 1947—1948 гг. Британцев особенно обеспокоил факт открытия чилийской антарктической станции в феврале 1948 г. лично президентом страны Габриелем Гонсалесом Видела (1946—1952 гг.). Посол Великобритании в Чили Дж.Лече по этому поводу отметил, что с его точки зрения «яростное оживление чилийцами их антарктических притязаний» отчасти связано с ростом национализма в Латинской Америке. Однако главную причину он видел в том, что в трудные времена ирредентизм становился «излюбленным коньком на международной арене». Посол допускал, что Гонсалес Видела был искренне убежден в том, что у Чили есть права в Антарктике, а также отмечал его импульсивность, которая вела к действиям, последствия которых он не всегда осознавал [39, p. 1].

Еще большее волнение британцев вызвала активность аргентинцев, особенно на острове Десепшен. Р.Липер полагал, что рост внимания властей Аргентины к Антарктике связан с внутривнутриполитическими обстоятельствами. В марте 1948 г. должны были пройти выборы в палату

депутатов, и в преддверии этого события перонисты стремились сплотить все слои общества на националистической основе. Однако Липер считал, что здесь играл роль и внешний фактор. В конце марта 1948 г. должна была начаться IX Международная конференция американских государств в Боготе, и правительство Аргентины рассчитывало поставить ее участников перед фактом оккупации островов. По мнению британского посла, Перон рассчитывал на то, что конференция одобрит действия Аргентины, исходя из чувства «справедливости и безопасности (западного. — Д.П., М.П.) полушария [40, р. 1].

Все это не на шутку встревожило Э.Бевина. В письме британскому послу в США Арчибальду Кларку Керру Бевин указывал, что уделяет серьезное внимание развитию ситуации в Антарктике и опасается ее обострения в случае, если Аргентина и Чили продолжают проводить провокационный курс [41, р. 1]. Окончательно свою позицию Бевин сформулировал в уже упоминавшемся меморандуме от 20 июля 1948 г., в котором была выражена готовность пойти на некоторые уступки. Объяснялось это, с одной стороны, желанием поддержать инициативу США по проведению международной конференции по Антарктике. С другой стороны, на британского министра иностранных дел повлияло изменение позиции военных, которые пришли к выводу, что «стратегическое значение Зависимых территорий Фолклендских островов возможно значительно меньше, чем считали ранее». Кроме того, Бевин теперь полагал, что, пойдя на «интернационализацию» в Антарктиде, Великобритания сможет рассчитывать на поддержку США и других стран в деле отстаивания ее прав на колонии в Западном полушарии, прежде всего это касалось Фолклендских островов и Британского Гондураса [24, pp. 1-6].

В ходе дискуссии на заседании кабинета были высказаны некоторые опасения в отношении предлагаемых мер. Министр обороны А.Александр полагал, что передача Антарктики под восьмисторонний контроль могла быть расценена как то, что Великобритания под давлением Аргентины и Чили сдала позиции, и это может стать плохим прецедентом. Некоторые члены правительства сомневались в оправданности вывода вопроса об Антарктике за рамки полномочий ООН. Высказывалась точка зрения, что исключение СССР из процесса принятия решений по антарктическому спору могло усложнить достижение приемлемого соглашения по безопасности в Европе. В итоге, однако, как уже отмечалось, кабинет одобрил предлагавшиеся Бевином меры при условии проведения предварительных консультаций с членами Содружества [9, pp. 150-152].

После провала попытки США провести международную конференцию по Антарктике и предложения Чили сохранять *modus vivendi* в регионе в течение пяти лет напряженность несколько ослабла. В январе 1949 г. Великобритания заключила с Аргентиной и Чили соглашение, в соответствии с которым стороны взяли на себя обязательства не посылать военные корабли далее 60 параллели южной широты, чтобы не допускать обострения конфликта [42, р. 1]. Тем не менее аргентинские и чилийские власти продолжали организовывать научные станции на территориях, которые Великобритания считала своими. Это приводило к тому, что правительствам Аргентины [43, р. 1-2] и Чили [44, р. 1] периодически выражались протесты.

Последний раз правительство Эттли обстоятельно рассматривало вопрос об Антарктике на заседании кабинета 1 марта 1951 г. Обсуждались два меморандума. Один был подготовлен Джеймсом Гриффитсом, занимавшим должность государственного секретаря по делам колоний, а вто-

рой — Кеннетом Янгером, на тот момент выполнявшим обязанности министра иностранных дел. Дж.Гриффитс подготовил весьма обстоятельный документ, в котором оценил стратегическое и экономическое значение Зависимых территорий Фолклендских островов, а также их значение с точки зрения престижа. Опираясь на мнение военных, Дж.Гриффитс отметил незначительную стратегическую ценность региона. Тем не менее комитет начальников штабов считал необходимым сохранить метеорологические станции, а также права на добычу полезных ископаемых в будущем. С экономической точки зрения Антарктика представляла интерес только как место добычи китов и тюленей, поскольку на тот момент никаких достоверных данных о наличии там полезных ресурсов не было. Главное, по мнению Гриффитса, что должно было заставить Великобританию поддерживать территориальные претензии в Антарктике, это — вопросы престижа и сохранения колониальной империи. Уступки Аргентине и Чили могли привести к тому, что и другие страны начнут предъявлять претензии на британские владения, особенно в Латинской Америке. Учитывая финансовые сложности, госсекретарь предлагал сохранить не более четырех баз в приполярной зоне, прежде всего в наиболее значимых районах [45, pp. 5-10].

Меморандум К.Янгера носил более резкий характер. С точки зрения МИД ситуация выглядела так, что Аргентина и Чили вопиющим образом нарушали границы британской территории, не желая передать спор на рассмотрение Международного суда. Янгер называл Аргентину «заводилой» в борьбе против колониальных владений европейских стран в Западном полушарии. Для недопущения негативных последствий он рекомендовал не снижать активность в Антарктике и иметь на постоянной основе не менее шести баз [46, pp. 1-2].

В ходе дискуссии на заседании кабинета военные высказались за принятие всех необходимых мер для сохранения суверенитета над приполярными территориями. Отмечалось также, что финансовые сложности страны не должны были вызвать ухудшение позиций в регионе [47, p. 1]. К сожалению, привести здесь окончательное решение кабинета по этому вопросу пока не представляется возможным, так как некоторые документы, касающиеся дискуссии по Антарктике, состоявшейся на этом заседании, недоступны для исследователей. Однако общий подход к проблеме вполне очевиден.

Главный вывод, который позволяет сделать проведенное исследование, заключается в том, что лейбористы, оказавшиеся у власти в Великобритании в 1945 г. не собирались заниматься демонтажем британской колониальной империи. Несмотря на то, что территории в Антарктиде не имели большого стратегического и экономического значения, Великобритания, испытывавшая значительные финансовые проблемы, отказывалась идти на уступки Аргентине и Чили, прежде всего, из соображений престижа и нежелания создать прецедент, который привел бы к росту антиколониальных настроений. При этом лейбористы отказались и от попыток силового воздействия на латиноамериканские страны. Такой политике мешали зависимость Великобритании от поставок продовольствия из Аргентины, а также возможная негативная реакция США. Максимум, на что было готово пойти правительство К.Эттли, это — делегировать территориальный спор с Аргентиной и Чили Международному суду в Гааге либо ввести восьмистороннее управление антарктическими территориями. Вовлечение в решение вопроса ООН британской стороной отрицалось, поскольку это позволило бы СССР вмешаться в дискуссию. А в условиях холодной войны лейбористы считали это недопустимым.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Великобритания и Латинская Америка (XVI-XXI вв.). Отв. ред. Е.А.Ларин. Москва, Наука, 2022, 636 с. [Velikobritanija i Latinskaja Amerika (XVI-XXI vv.). Отв. red. E. A. Larin. [Great Britain and Latin America (XVI-XXI centuries)]. Moscow, Nauka, 2022, 636 p. (In Russ.).]
2. Дьякова Л.В. На перекрестке глобального и локального. Антарктическая политика Чили на современном этапе. *Латинская Америка*. М., 2022, № 6, сс. 57-68. [Dijakova L. V. Na perekrestke global'nogo i lokal'nogo. Antarkticheskaja politika Chili na sovremennom etape. [At the crossroads of global and local. Chile's Antarctic Policy at the present stage]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2022, N 6, pp. 57-68 (In Russ.). DOI: 10.31857/S0044748X0020409-8.
3. Лукин В.В., Тимохин К.В. Как создавался правовой режим управления Антарктикой. *Международная жизнь*. М., 2020, № 5, сс. 90-107. [Lukin V.V., Timohin K.V. Kak sozdavalsja pravovoj rezhim upravlenija Antarktikoj. [How the legal regime of Antarctic management was created]. *Mezhdunarodnaja zhizn*. Moscow, 2020, N 5, pp. 90-107. (In Russ.).]
4. Dodds K-J. Pink ice: Britain and the South Atlantic Empire. London, I B Tauris, 2002, 304 p.
5. British Letters Patent of 1908 and 1917 Constituting the Falkland Islands Dependencies. Available at: <https://falklandstimeline.files.wordpress.com/2018/01/1908-1917-letters-patent.pdf> (accessed 05.09.2023).
6. Argentine activities in the Falkland Islands Dependencies. Enclosure. Sir R. Leeper to Dr. Juan Bramuglia. N 528. Buenos Aires, 23rd December 1947. United Kingdom National Archives [далее – UK NA]. DEFE 11/286. AS 7058/8/51.
7. Outward telegram. From Foreign Office to His Majesty's Representatives. N67. February 10th, 1948. Antarctica. UK NA. DEFE 11/286.
8. Argentine landings on Deception Island (Falkland Islands Dependencies). Memorandum by the Secretary of State for the Colonies. UK NA. CAB 129/23. C. P. (48) 12. 5th January 1948. Appendix I.
9. Conclusions of a Meeting of the Cabinet. Thursday, 22nd July, 1948. UK NA. CAB 128/13. C. M. (48). 53rd Conclusions, pp.145-152.
10. Department of State Policy Statement. Polar Regions, 1 July 1951//Foreign Relations of the United States [далее – FRUS], 1951, National Security Affairs; Foreign economic policy. Volume I, pp.1722 – 1732. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1951v01/d765> (accessed 07.09.2023).
11. Меморандум советского правительства по вопросу о режиме Антарктики. Внешняя политика Советского Союза. Январь – декабрь 1950 года: документы и материалы. М., Госполитиздат, 1953, 672 с. [Memorandum sovetского pravitel'stva po voprosu o rezhime Antarktiki. Vneshnjaja politika Sovetskogo Sojuza. Janvar' – dekabr' 1950 goda: dokumenty i materialy. [Memorandum of the Soviet Government on the Question of the Antarctic Regime. Foreign policy of the Soviet Union. January - December 1950: documents and materials]. Moscow, Gospolitizdat, 1953, 672 p.
12. Russia Committee. Terms of Reference. 12th April 1946. UK NA. FO 371/56885. N5170/G.
13. Summary of Indications regarding Soviet Foreign Policy. N57, 20th June 1950//UK NA. FO 371/86756, 12 p.
14. 702.00/6–1950: Telegram. The Ambassador in the United Kingdom (Douglas) to the Secretary of State, London, June 19 1950. FRUS, 1950, National Security Affairs; Foreign economic policy. Volume I, pp. 913-914. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1950v01/d332> (accessed 08.09.2023).
15. FRUS, 1950, National Security Affairs; Foreign economic policy. Volume I, footnotes 3 and 4, pp. 917. Available at: <https://search.library.wisc.edu/digital/A4OEJ7F2WW77E8O/pages/ACSF7D7KXIATBXR8T> (accessed 08.05.2023).
16. Department of State Policy and Information Statement. Polar Regions, 27 January 1947. FRUS, 1947, General; The United Nations. Volume I, pp.1043 – 1051. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1947v01/d529> (accessed 09.05.2023).
17. Memorandum by the Joint Chiefs of Staff to the Secretary of Defense (Marshall), 31 August 1951. FRUS, 1951, National Security Affairs; Foreign economic policy. Volume I, pp. 1732 – 1733. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1951v01/d767> (accessed 09.05.2023).

18. Paper Prepared by the Policy Planning Staff. Antarctica. June 9, 1948. FRUS, 1948, General; The United Nations. Volume I. Part 2, pp. 977-983. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1948v01p2/d237> (accessed 09.05.2023).
19. The Antarctic. Memorandum by the Secretary of State for Foreign Affairs. UK NA. CAB 129/28. C. P. (48) 158. 21st June 1948, pp. 1-6.
20. Committee on Preparations for the Meeting of Commonwealth Prime Ministers. The Antarctic. Annex A. United States Aide-Memoire. UK NA. CAB 133/20. C.P.M. (48) 10. 4 October, 1948.
21. The Secretary of State to the Secretary of Defense (Forrestal). July 9, 1948//FRUS, 1948, General; The United Nations. Volume I. Part 2, pp. 993-994. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1948v01p2/d243> (accessed 10.05.2023).
22. Paper Prepared by the Department of State. U.S. Territorial Claims in Antarctica [undated.]. FRUS, 1948, General; The United Nations. Volume I. Part 2, pp. 1000-1001. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1948v01p2/d248> (accessed 10.05.2023).
23. Committee on Preparations for the Meeting of Commonwealth Prime Ministers. The Antarctic. Annex B. Antarctic. Memorandum. Commonwealth Relations Office. 24th September, 1948. UK NA. CAB 133/20. C.P.M. (48) 10. 4 October, 1948.
24. The Antarctic. Memorandum by the Secretary of State for Foreign Affairs. UK NA. CAB 129/28. C. P. (48) 185. 20th July, 1948, pp.1-6.
25. Conclusions of a Meeting of the Cabinet, 22nd July, 1948. UK NA. CAB 128/13. C. M. (48), 53rd Conclusions, pp. 145-152.
26. Juan A. Bramuglia to Sir Reginald A. Leeper. 28th January 1948. UK NA. DEFE 11/286, pp.1-5.
27. German Vergara D. to John Hurleston Leche. Santiago. 31st January 1948. UK NA. DEFE 11/286. N1036, pp.1-2.
28. The Secretary of State to the Embassy in the United Kingdom. Washington, September 8, 1947. FRUS, 1947. General; The United Nations. Volume I, pp. 1050-1051. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1947v01/d531> (accessed 16.05.2023).
29. Memorandum of Conversation, by the Under Secretary of State (Lovett). [Washington] August 16, 1948. FRUS, 1948. General; The United Nations. Volume I. Part 2, p.1002. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1948v01p2/d249> (accessed 17.05.2023).
30. Dodds K-J. Geopolitics in the Foreign Office: British representations of Argentina 1945-1961. *Transactions of the Institute of British Geographers*. Oxford, Wiley-Blackwell, 1994, vol. 19, N3, pp.273-290.
31. Annual Report on Argentina, 1946. Sir R. Leeper to Mr. Bevin. Buenos Aires, 30th January, 1947. UK NA, FO 495/1, Correspondence Respecting the River Plate Countries, Part 1, January to December 1947, AS 976/122/2.
32. The Problem of Anglo-United States-Argentine Relations. Sir R. Leeper to Mr. Bevin. Buenos Aires, 30th December, 1946. UK NA, FO 495/1, Correspondence Respecting the River Plate Countries, Part 1, January to December 1947, AS 114/1/2.
33. Argentine Encroachments against certain Antarctic Dependencies of the Falkland Islands. Memorandum by the Secretary of State for Foreign Affairs. UK NA. W. P. (43) 41. January 27, 1943, pp.1-2.
34. Conclusions of a Meeting of the War Cabinet, Thursday, January 28, 1943. UK NA. CAB 65/33. W. M. (43), 19th Conclusions, pp. 67-77.
35. Argentina. Memorandum by the Secretary of State for Foreign Affairs. UK NA. CAB 65/45. W. P. (44) 21. 13th January, 1944, pp. 1-2.
36. Antarctic. Memorandum. J. V. Perowne. 26th February 1947. UK NA. FO 118/750. 37/64/47, pp. 1-5.
37. Memorandum of Conversation, by the Deputy Director of the Office of European Affairs (Thompson). [Washington] May 24, 1949. FRUS, 1949. National Security Affairs, Foreign Economic Policy. Volume I, pp. 797-799. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1949v01/d315> (accessed 21.05.2023).
38. Outward Telegram. To Falkland Islands (Mr. M. Clifford) from S. of S., Colonies. Sent 20th January, 1947. UK NA. FO 118/750. 88027/27/47, pp. 1-5.
39. Telegram. From Santiago to Foreign Office. Mr. Leche. N58. 12th February 1948. UK NA. DEFE 11/286, pp.1-2.

40. Telegram. From Buenos Aires to Foreign Office. Sir R. Leeper. N257. 12th February, 1948. UK NA. DEFE 11/286, pp. 1-2.
41. Outward Telegram. From Foreign Office to Washington. N1955. 17th February, 1948. UK NA. DEFE 11/286, p. 1.
42. His Majesty's Charge d'Affaires G. P. Labouchere to His Excellency Dr. Hipolito J. Paz, Minister for Foreign Affairs. UK NA. FO 118/790, 99/1522/50, p. 1.
43. Argentine Acts of Trespass in the Falkland Islands Dependencies. Note of Protest by His Majesty's Government. 30th April, 1951. UK NA. DEFE 11/358, A 1528/24, pp. 1-2.
44. The Chancery, British Embassy, Santiago. Protest. The Argentine Government. March, 1951. UK NA. DEFE 11/358, A 1522/8, p. 1.
45. Scale of Operations of the Falkland Islands Dependencies Survey. Memorandum by the Secretary of State for the Colonies. 19th February, 1951. UK NA. CAB 129/44. C. P. (51) 55, pp.1-10.
46. Falkland Islands Dependencies Survey. Memorandum by the Minister of State. 19th February, 1951. UK NA. CAB 129/44. C. P. (51) 56, pp. 1-2.
47. Extract from 16th Meeting held on 1st March 1951. Falkland Islands Dependencies. UK NA. DEFE 11/358, p. 1.

Dmitry I.Portnyagin (d.portnyagin@spbu.ru)
PhD (History), Associate Professor, Saint-Petersburg State University, School of International Relations
Universitetskaya nab., 7-9, 199034 Saint-Petersburg, Russian Federation

Maria D.Portnyagina (m.portnyagina@spbu.ru)
PhD (History), Associate Professor, Saint-Petersburg State University, School of International Relations
Universitetskaya nab., 7-9, 199034 Saint-Petersburg, Russian Federation

The problem of Antarctic and subantarctic territories in British foreign policy (1945—1951)

Abstract. With the end of World War II, British political circles hoped that Great Britain would retain its place as a world power. In this regard, great importance was attached to the restoration of influence in Latin America, which had been seriously shaken during the war. A certain problem in achieving this goal was the territorial claims of Great Britain in Antarctica, which conflicted with the desire of Argentina and Chile to achieve recognition of their own Antarctic sectors. The article is written on the basis of documents from the British National Archives, most of which are being introduced into scientific circulation for the first time.

Key words: Great Britain, foreign and colonial policy, Falkland Islands Dependencies.

DOI: 10.31857/S0044748X24020072

Received 20.05.2023.

В.К.Мусин

Руптуризм как социокультурный процесс в Чили в конце 1960-х — начале 1970-х годов

В конце 1960-х годов во многих странах мира прошли студенческие протесты, позже ставшие частью «культурной революции 1968 г.» В данной статье анализируется чилийский вариант этого явления — руптуризм, значительно повлиявший на всю последующую историю социума. На основе интервью свидетелей, а также газетных статей делается вывод, что руптуризм — это во многом ментальный поколенческий конфликт, который привел к разделению общества на сторонников старой и новой системы ценностей.

Ключевые слова: Чили, культурная революция, «долгий '68», студенческие движения, руптуризм.

DOI: 10.31857/S0044748X24020082

Статья поступила в редакцию 23.06.2023.

Событиям студенческих протестов конца 1960-х годов и культурной революции в Чили посвящено множество исследований. К примеру, можно выделить работы П.Барр-Мелея [1], К.Унеуса [2], М.Шлоттерберка [3], С.Мартинеса [4], Х.Фермандойса. [5] и Г.Саласара [6]. Проблематика молодежных движений затрагивалась также в статьях российского историка А.А.Щелчкова [7; 8]. Тем не менее тема ментальности «поколения 68» стала популярной сравнительно недавно — как из-за стремления проанализировать сознание правящей элиты (к примеру, Тони Блэр, Николя Саркози, Луис Инасиу Лула да Сильва и многие другие мировые лидеры сформировались именно под влиянием «культурной революции 1968 г.»), так и из-за новых кризисов и протестов, имевших место в конце 2000-х — начале 2010-х годов. Не углубляясь в идеологические баталии, можно с уверенностью говорить о том, что тема студенческих протестов и конфликта поколений остается актуальной.

Методологической основой данной работы являются сравнительный и контент-анализы интервью свидетелей событий конца 1960-х годов и оцифрованные газетные публикации того же периода. Данные методы да-

Вадим Кириллович Мусин — студент магистратуры 1 курса; Российский государственный гуманитарный университет (РФ, 125047 Москва, Миусская пл., д. 6; vadimusin@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0003-5090-4251>).

Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Влияние культурной революции 1968 г. на новейшую политическую историю Бразилии, Аргентины и Чили» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

ют возможность выявить разницу между восприятием мира младшим (бей-би-бумерами) и старшим поколениями. В чилийской историографии политический конфликт между представителями «новых» и «старых» левых принято называть руптуризмом (исп. *rupturismo*, от слова *ruptura* — разрыв, перелом); впрочем, стоит отметить, что схожие термины использовались не только чилийцами, но и, скажем, швейцарцами [9, р. 83]. В то же время представляется, что чилийский руптуризм был, скорее, частью культурного и ментального слома, нежели политического, и распространялся не только на представителей левого политического спектра. Для доказательства данного тезиса целесообразно выявить социально-экономические основы, изменившие жизнь чилийцев в 1950—1960-е годы; как изменилась внешняя культурная среда, влиявшая на чилийцев в указанный период; и, самое главное, как к молодежной культуре относилось старшее поколение.

Развитие экономики являлось важной предпосылкой для появления руптуризма. После окончания Великой депрессии страна выбрала путь «развития вовнутрь», начав импортозамещающую индустриализацию. После Второй мировой войны и в особенности с 1950-х годов наблюдалась бурная миграция сельского населения в основные города Центральной долины, главным образом в Сантьяго и Вальпараисо (в среднем рост городского населения в период с 1940 по 1980 г. составлял 3%: если в 1940 г. 52% населения жило в городах, то к 1980 г. этот показатель достиг 80% [10, р. 259]). Мигранты из сельской местности селились в многоквартирных домах и городских трущобах в пригородах, нередко деля эти помещения не только со своей семьей, но и друзьями или дальними родственниками. Будучи горожанами в первом поколении, они, с одной стороны, уже не входили в аграрные сообщества, но с другой — еще не успели в полной мере стать городскими жителями. Привлечение на свою сторону «новой бедноты» (как их начали называть) стало важной целью левых движений и партий, в чем они преуспели. «Олевению» также способствовало и изменение ментальности новых горожан: свои беды они стали воспринимать не как личные неудачи, а как проблему окружающего их мира [11, р. 271].

Средний класс также изменился. Стал меняться его состав: если до 1950-х годов он состоял в основном из мелких торговцев и ремесленников, производивших товары и услуги как для преобладавшего сельского населения, так и для жителей крупных городов, то в 1950-х годах начинается заметное ослабление влияния представителей «старого» среднего класса. Им на смену стали приходить профессиональные работники, «белые воротнички», не занятые физическим трудом и обладающие специальной квалификацией. «Новый» средний класс также значительно отличался от «старого» тем, что был сформирован спросом на абсолютно новую сферу услуг, самым фактом своего зарождения ускоряя социальные перемены: офисному работнику или администратору нужны были не сапожник и крестьянин, а горничная и автомеханик. Пролетариат также претерпел значительную трансформацию. С расширением промышленного производства и его качественным изменением становились востребованы и более сложные навыки, недоступные для простого рабочего-ремесленника.

В этом контексте значительно возросла роль сферы высшего образования как главного социально-политического актора. Впрочем, данное явление само по себе не было эксклюзивным для Чили в частности или для Латинской Америки в целом. Французский социолог А. Турен писал, что на фоне отхода отношений рабочих и профсоюзов на второй план именно студенческие объединения взяли на себя руководящую роль в прогрессивном левом движении во всем мире [12, р. 95]. Однако возросшее влияние

молодежных организаций нельзя трактовать исключительно с точки зрения изменения экономической ситуации.

Руптуризм во многом возник из-за радикального изменения культурного и политического контекста. Хотя чилийское студенчество в принципе было крайне активным в политике в XX в., сыграв заметную роль в принятии Конституции 1925 г., оно оставалось в границах партийных организаций и являлось хотя и важной, но не основной частью большой политики. В 1950-е годы ситуация стала меняться: в политически активный возраст вошли бейби-бумеры, которые не застали политическую турбулентность в 1920-е и 1930-е годы и выросли в начавшуюся после войны эпоху массового телевидения и радиовещания. Многие мировые события 1960-х годов (Карибский кризис, Второй Ватиканский собор, война во Вьетнаме и пр.) активно освещались и обсуждались в чилийских СМИ [13, р. 393]. Молодые люди использовали символы эпохи для выражения своей позиции: во время студенческих протестов 1967—1968 гг. за университетскую реформу левые вывешивали на баррикадах флаги Северного Вьетнама, солидаризируясь с борьбой Вьетконга, а правые, позже, рисовали на стенах домов лозунги «Грядет Джакарта» или просто «Джакарта!», отсылая к перевороту военных в Индонезии в 1965—1966-х гг. [14, р. 265]. Примечательно и то, что триггером массовых протестов в 1967 г. стали публикации в консервативной газете *El Mercurio*, после которых появился важный для истории чилийской оппозиции лозунг «Чилиец! *El Mercurio* лжет!» (*Chileno: El Mercurio miente*) [13, р. 394]. Материалы СМИ до этого никогда не становились «спусковым крючком» для начала протестов.

События конца 1960-х годов стали основной причиной появления левых руптуристских, т.е. тех, кто хотел покончить с устоявшимися политическими традициями и организациями, — Левого революционного движения (*Movimiento de Izquierda Revolucionaria, MIR*), Движения единого народного действия (*Movimiento de Acción Popular Unitario, MAPU*) и др. Однако к руптуристским партиям можно отнести и правые: Гремалистское движение (*Movimiento Gremial de la Universidad Católica de Chile, MGUC*) и появившуюся позже остальных Родину и Свободу (*Patria y Libertad, PyL*), поскольку они точно так же не разделяли «старый» дискурс, о чем будет подробнее сказано ниже.

С «глобальным 1968» чилийский руптуризм связывает многое. Несмотря на то, что студенческие протесты начались здесь раньше, чем в Европе, по своему духу они были близки к европейским: в Чили, как и во Франции или в ФРГ, протесты быстро обрели антиправительственный характер, перейдя в терминальной фазе в межпоколенческий конфликт. Важным показателем этого конфликта может служить отношение «старых» левых и правых к моде и молодежной культуре в широком смысле. Сальвадор Альенде (1970—1973 гг.) очень высоко оценивал значимость культуры в политической борьбе. Показателем широко известный проект «Новая песня» (*Nueva Canción*), участники которого выступали в поддержку Народного единства (*Unidad Popular; UP*). Но тем не менее нельзя сказать, что коалиция левых во всем следовала логике культурной революции 1968 г. Стремясь, в своем понимании, к культурной социалистической революции, «старые» левые принципиально не ставили под сомнение многие культурные ценности, которые, как считалось, были общепринятыми.

Контркультура, включая культуру хиппи, была важным явлением в 1960-х годов. В августе 1969 г. в США состоялся фестиваль Вудсток, оказавший заметное влияние на мировую культуру. Повсеместно стали проходить «национальные Вудстоки», на которых собиралось множество участников и зрителей. Чили не было исключением. В октябре 1970 г. в Сантья-

го прошел фестиваль *Piedra Roja*, по разным оценкам собравший от 5000 до 40000 человек [13, p. 401]. Чилийские хиппи в основном концентрировались в зажиточном районе Провиденсия и в центре столицы, в парке Форесталь. Если в Провиденсии собирались выходцы из богатых слоев населения города, то в Форесталь приходили все: и местная богема, и студенты, и рабочие. Однако этот факт не останавливал критиков из Коммунистической партии Чили (*Partido Comunista de Chile, PCCh*). Для многих старых марксистов контркультура хиппи была слишком «буржуазной», недостаточно радикальной, ей не хватало классовости. Колумнисты партийной газеты *El Siglo* клеймили организаторов фестиваля *Piedra Roja* за «подражательный и импортированный характер», утверждая, что они скопировали музыку и эстетику Вудстока и привлекали к участию «молодых людей из состоятельных буржуазных семей» [15]. Другая чилийская левая газета — *Puro Chile* — еще более критично относилась к *Piedra Roja*: «Им (организаторам. — В.М.) безразличны наши национальные проблемы, они продемонстрировали абсолютную индифферентность к нуждам народа и, по всей видимости, являются пособниками реакционной политики» [16].

Внутри коалиции *UP* и в медиа часто шли дебаты по поводу «культурного освобождения». Те левые, которые критиковали *Piedra Roja*, занимали вполне консервативные позиции в появившихся в 1960-х годах вопросах «новых ценностей», особенно тех, которые касались сексуального раскрепощения. Темы сексуальности, индивидуальной свободы, гендерных проблем объединяли студенческие движения 1968 г. и в дальнейшем стали основой ментальности «поколения 68». Старая коммунистическая гвардия в этом плане не разделяла ценности своей молодежи, наоборот, осуждала их и подвергала резкой критике. Для «старых» левых сексуальная свобода (особенно женщин) была недугом, наравне с длинными волосами, употреблением марихуаны и «импортной» рок-музыкой. Впрочем, такая критика была свойственна не только чилийским «старым» левым. К примеру, их коллеги из Французской коммунистической партии (*Parti communiste français, PCF*) активно критиковали свое молодое поколение за те же самые «грехи» [9, p. 189]. Фестиваль *Piedra Roja* особенно озаботил сторонников традиционных ценностей. Левая пресса была встревожена тем фактом, что марихуана и общая «атмосфера разврата» якобы вдохновляли молодых людей заниматься сексом в толпе. Подобные разговоры часто были частью более широкого дискурса вокруг необходимости сохранения традиционной семьи [1, p. 168].

«Старые» правые были солидарны со своими противниками в вопросах морального упадка молодежи и опасности контркультуры. Журналисты газеты *El Mercurio* критиковали западное общество за «упадок культуры». Знаковой вехой упадка, по мнению редакции, стал документальный фильм «Вудсток: три дня мира и музыки», премьера которого в Чили состоялась в сентябре 1970 г. Именно из-за этого фильма, по мнению правых, чилийская молодежь решила провести похожее мероприятие у себя на родине. *El Mercurio* практически слово в слово вторила коммунистам: «Все это говорит нам о своего рода моральной денационализации, кризисе семейных ценностей и об утрате самобытности молодыми людьми» [17]. Впрочем, фильм про Вудсток не был единственным, подвергавшимся критике и слева, и справа: в 1968 г. чилийский режиссер Альваро Ковакевич снял эротический фильм *New Love: La Revolución de las Flores* о «чистой любви» парня и девушки. Рецензенты из *El Siglo* спросили автора, не является ли его произведение формой эскапизма перед лицом реальных проблем, на что А.Ковакевич дал развернутый ответ: «Молодежь выдвигает формулу, против которой не могут бороться ни сила, ни жестокость: любовь, молчание и

сомнение... Такое отношение — единственное по-настоящему революционное (Это. — *В.М.*) — не капитализм и не коммунизм, которые являются традиционными позициями, а, скорее, искренний поиск основных человеческих ценностей, любви в ее самой чистой и примитивной форме» [1, p. 70].

На фоне критики со стороны СМИ внешние атрибуты стали только популярнее среди радикально настроенной молодежи. Члены *MIR* и *PyL* часто отращивали волосы и бороды [13, p. 404]. Обе организации примечательны еще и тем, что действия их сторонников отражают «атмосферу 1968 г.». Радикальные протестующие предпочитали акции прямого действия старой партийной работе и анализу институциональных недостатков. Мигель Анхель Солар, бывший президент Федерации студентов Чили и руководитель захвата Католического университета в 1967 г., сравнивая студенческие митинги 1960-х и 2010-х годов, выделяет их отличия: «Что наиболее примечательно, так это то, что эти ребята (протестующие в 2011 г. — *В.М.*), которые боролись за качественное образование, изучали Конституцию, анализировали законы, исследовали документы министерства (образования. — *В.М.*), чего мы никогда не делали» [18].

Отказ от участия в политике через традиционные структуры также связан с разочарованием молодежи в старой политической элите. Член Академии истории Чили и профессор Католического университета Хоакин Фермандойс так описывает свой первый опыт голосования на выборах: «Я усвоил огромный урок в ночь на 4 сентября 1970 года: Алессандри лег спать и несколько дней не делал никаких заявлений. И никто их не сделал. Единственным, и мы должны это признать, кто выступил по телевидению, был Пабло Родригес (в 1971 г. он будет одним из создателей *PyL*. — *В.М.*). Это был мой первый голос, и я не мог в это поверить. Нужно было что-то сказать, что угодно, но избирателям нужно же хоть что-то сказать. Тогда я многое узнал о правах: я думаю, что это было неслучайно» [19]. Политической работе народные избранники предпочитали критику своих избирателей. В последние дни работы администрации Эдуардо Фрея (1964—1970 гг.), в середине октября 1970 г., депутаты инициировали расследование употребления наркотиков среди молодых чилийцев на фестивале *Piedra Roja*. Кроме того, правительственная газета *La Nación*, объявляя о расследовании, назвала сам фестиваль «оргией длинноволосых» [20].

Особенности кризисов традиционных правых и левых партий в публичной политике в 1960-е годы, как уже было отмечено выше, подробно рассматривались в статьях А.А.Щелчкова [7; 8]. Тем не менее нельзя не выделить следующее: и «новые» правые, и «новые» левые были противниками старого реформистского пути. Роберто Тиеме, генеральный секретарь *PyL*, говорил, что опирался на теорию фокизма Че Гевары ради достижения национальной революции [21]. Не стало исключением и гремиалистское движение Хайме Гусмана (во времена военной хунты Х.Гусман до 1980-х годов будет одним из самых значимых политтехнологов режима), которое ставило своей конечной целью радикальную деполитизацию общества, что предполагало отказ от всей старой политической традиции, погрязшей, по мнению Гусмана, в «демагогии» [22, p. 170].

Для понимания чилийского руптуризма также важна работа американского политолога С.Хантингтона «Политический порядок в изменяющихся обществах», опубликованная в 1968 г. Как утверждал автор, модернизация не способствует политической стабильности, а, скорее, наоборот, создает условия для кризисов и проверок на прочность политических институтов. Высокий уровень социальной мобилизации и резкое увеличение политически активного населения при низком уровне развития политической куль-

туры подрывают авторитет элит и власти [23, pp. 41-43]. В конце 1960-х годов в Чили происходили именно эти процессы. В те годы наблюдался всплеск общественных движений, участники которых были аполитичны, но стремились преобразить среду вокруг себя. До 2 млн молодых чилийцев слали волонтерами движения Добровольные работы (*Trabajos Voluntarios*), занимаясь строительством домов, дорог, улучшением ирригационной инфраструктуры, преподаванием в бедных районах [11, p. 261]. Следует упомянуть социологическое исследование, проведенное бельгийскими социологами А.Маттеляр и М.Маттеляр в том же 1968 г. Среди прочего авторы исследовали отношение молодежи к различным организациям и партиям. Политическая деятельность была на первом месте всего у 24% молодых людей и у 6% девушек [24, pp. 226-227]. Непонимание этих новых ценностей вместе с чрезмерно критическим к ним отношением и породили острый межпоколенческий конфликт, переросший в жестокое противостояние в 1970-е годы.

Подчеркнем, что в основе чилийского руптуризма — три элемента. Во-первых, смена социоэкономического контекста. Урбанизация и экономический рост в период импортозамещающей индустриализации привели к изменению потребностей чилийцев и их представлений о политическом участии. Во-вторых, к концу 1960-х годов выросло новое поколение; благодаря телевидению оно активно впитывало глобальные тренды и обладало иной ментальностью, которую не принимали люди старшего возраста. В-третьих, действия старой политической элиты повлекли за собой радикализацию молодежи и привели к тому, что она отказалась от участия в традиционных политических институтах.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Barr-Melej P. *Psychedelic Chile: youth, counterculture, and politics on the road to socialism and dictatorship*. Chapel Hill, University of North Carolina Press, 2017, p. 344.
2. Huneus C. *La Reforma Universitaria: veinte años después*. Santiago, Corporación de Promoción Universitaria, 1988, 109 p.
3. Schlotterbeck M. *Beyond the Vanguard: Everyday Revolutions in Allende's Chile*. Berkeley, University of California Press, 2018, 248 p.
4. Martinez S. *Entre Lenin y Lennon: La militancia juvenil en los años 60*. Santiago de Chile, Mosquito Comunicaciones, 1998, 122 p.
5. Fermandois J. *La Revolución Inconclusa, La Izquierda y el Gobierno de la Unidad Popular*. Santiago de Chile, Centro del Estudio Públicos, 2013, 851 p.
6. Salazar G., Pinto J. *Historia contemporánea de Chile*, vol. 5, *Niñez y juventud*. Santiago de Chile, LOM, 2002, 291 p.
7. Щелчков А.А. Маоизм в Чили в 60-е гг. Раскол в МКД и чилийские левые. *Латиноамериканский исторический альманах*. Институт Всеобщей истории РАН. М., 2022, №36, сс. 255-279. [Shchelchikov A.A. Maoizm v Chili v 60-e gg. Rascol v MKD i chiliiskie levye. *Latinoamerikanskii istoricheskii al'manakh*. Institut Vseobshchei istorii RAN. Moscow, N36, pp. 255-279. (In Russ.).
8. Щелчков А.А. Чилийский либерально-консервативный синтез конца XX в. *Латиноамериканский исторический альманах*/ Институт Всеобщей истории РАН. М., 2017, №18, сс. 288-298. [Shchelchikov A.A. Chiliiskii liberal'no-konservativnyi sintez kontsa XX v. [Conservative-Liberal Synthesis in Chile at the end of XX-th Century]. *Latinoamerikanskii istoricheskii al'manakh*. Institut Vseobshchei istorii RAN. Moscow, N18, pp. 288-298. (In Russ.).
9. Вайнен Р. Долгий '68: Радикальный протест и его враги. М., Альпина нон-фикшн, 2020, 627 с. [Vinen R. *Dolgii '68: Radikal'nyi protest i ego vragi*. [The Long '68: Radical Protest and Its Enemies]. Moscow, Al'pina non-fikshn, 2020, 627 p.
10. De Oliveira O., Roberts B. *Urban growth and Urban social structure in Latin America. The Cambridge History of Latin America*. Vol. VI: *Latin America since 1930: Economy, Society, Politics* (ed. by Leslie Bethell). New York, Cambridge University Press, 1994, pp. 253-325.

11. McSherry J.P. Chile 1960s: Intertwined Revolutions in Music and Politics. *Global 1968: Cultural Revolutions in Europe and Latin America* (ed. by James McAdams, Anthony P. Monta). Notre Dame, University of Notre Dame Press, 2021, pp. 261-288.
12. Touraine A. The Post-Industrial Society Tomorrow's Social History: Classes, Conflicts and Culture in the Programmed Society. New York, Random House, 1971, 244 p.
13. Barr-Melej P. A '68 Chileno? Politics, Culture and the Zeitgeist of '68. *Global 1968: Cultural Revolutions in Europe and Latin America* (ed. by James McAdams, Anthony P. Monta). Notre Dame, University of Notre Dame Press, 2021, pp. 385-415.
14. Бевинс В. Метод «Джакарта»: Антикоммунистический террор США, изменивший мир. М., Альпина нон-фикшн, 2023, 440 с. [Bevins V. Metod «Dzhakarta»: Antikommunisticheskiy terror SSHA, izmenivshii mir. [The Jakarta Method: Washington's Anticommunist Crusade & The Mass Murder Program That Shaped Our World]. Moscow, Al'pina non-fikshn, 2023, 440 p.
15. *El Siglo*. Santiago, 13.10.1970.
16. *Puro Chile*. Santiago, 14.10.1970.
17. *El Mercurio*. Santiago, 12.10.1970.
18. Parrini V. "Miguel Ángel Sola: El regreso del líder perdido". *Revista Paula*, 27.10.2012. Available at: <https://www.latercera.com/paula/miguel-angel-sola-el-regreso-del-lider-perdido/> (accessed 09.11.2023).
19. Marín P. "Joaquín Fermandois: Se produjo un golpe porque había un objetivo no democrático, una situación imposible". *La Tercera*, 15.07.2023. Available at: <https://www.latercera.com/la-tercera-domingo/noticia/joaquin-fermandois-se-produjo-un-golpe-porque-habia-un-objetivo-no-democratico-una-situacion-imposible/2C4YQSK5LVGZXPAU VQXJCMOHFQ/> (accessed 09.11.2023).
20. *La Nación*. Santiago, 12.10.1970.
21. González M. "Inédito: la entrevista completa que Mónica González le hizo a Robert Thieme para el libro "La Conjura", *Ciper Chile*, 04.10.2023. Available at: <https://www.ciperchile.cl/2023/10/04/inedito-la-entrevista-completa-que-monica-gonzalez-le-hizo-a-roberto-thieme-para-el-libro-la-conjura/> (accessed 09.11.2023).
22. Guzmán J. Escritos Personales. Santiago, Editorial JGE Ltda., 1993, 199 p.
23. Huntington P.S. Political Order in Changing Societies. New Haven, Yale University Press, 1973, 263 p.
24. Mattelart A., Mattelart M. Juventud Chilena: Rebeldía y Conformismo. Santiago, Editorial Universitaria, 1970. p. 335.

Vadim K. Musin (vadimusin@rambler.ru)

1st year master's degree student, Faculty of History of the Russian State University for the Humanities

Miusskaya sq. 6, 125993 Moscow, Russian Federation

The article was carried out within the framework of the RSUH project "The impact of the Cultural Revolution of 1968 on the modern political history of Brazil, Argentina and Chile" ("Student project research teams of RSUH").

Rupturism as a socio-cultural process in Chile in the late 1960s — early 1970s

Abstract. In the late 1960s, student protests took place in many countries of the world, which later became part of the Cultural revolution of 1968. This article analyzes the Chilean version of the Cultural revolution — rupturism, which significantly influenced the entire subsequent history of society. Based on interviews with witnesses, as well as newspaper articles, it is concluded that rupturism is largely a mental generational conflict that led to the division of society into supporters of the old value coordinates and the new ones.

Key words: Chile, cultural revolution, Long '68, student movements, rupturism.

DOI: 10.31857/S0044748X24020082

Received 23.06.2023.

РАЗМЫШЛЯЯ О ПРОЧИТАННОМ

Пабло Агустин Мастрагостино

Стратегия великих держав по возвращению морей Глобального Юга

Ariel Gonzalez Levaggi. Del Indo-Pacífico al Atlántico Sur:
Estrategias Marítimas de las Grandes Potencias del Siglo XXI.
Buenos Aires: Instituto de Publicaciones Navales, 2022, 322 p.

Автор предлагает обзор содержания работы А.Гонсалеса Леваджи, посвященной морским стратегиям великих держав в XXI столетии — от региона Индийского и Тихого океанов до района Южной Атлантики.

Ключевые слова: морская стратегия, геополитика, глобальная гегемония, Индо-Тихоокеанский регион, Южная Атлантика, Евразия, БРИКС.

DOI: 10.31857/S0044748X24020091

Рецензия поступила в редакцию 08.04.2023.

A través de la historia, la geopolítica ha priorizado al dominio terrestre como el más relevante a la hora de elaborar las estrategias de las grandes potencias. Desde distintos autores, la geografía terrestre ha sido la principal decisora de las grandes confrontaciones a nivel global. En este sentido, la clave de este libro reside en que, sin restarle importancia al dominio terrestre, pone el foco en el mar como un espacio de competencia en general y, entre las grandes potencias en particular. Sea desde aquellas escuelas que le asignaron un rol de apoyo a las operaciones terrestres o, aquellas que le han dado un rol central en la planificación de las estrategias de las grandes potencias, el dominio de los mares ha significado una mayor influencia política para aquella nación que los controla.

Licenciado en Relaciones Internacionales de la Universidad Nacional de Lanús (UNLa). Miembro del Grupo de Jovenes Investigadores del Instituto de Relaciones Internacionales de la Universidad Nacional de La Plata (UNLP) e Investigador asistente de la Escuela Superior de Guerra Conjunta (Mastragostino.p@gmail.com, ORCID: 0000-0003-2733-1777).

Лицензиат в международных отношениях (Национальный университет Лануса). Член группы молодых исследователей Института международных отношений при Национальном университете Ла-Платы, старший преподаватель в Высшей военной школе.

Desde esta perspectiva, se propone analizar al dominio marítimo desde una mirada sistémica e histórica. En primer lugar, el mar es el reflejo de un orden internacional y una determinada distribución de poder y, por lo tanto, un medio necesario para cualquier estado que persiga la hegemonía a nivel regional o global. Esto implica un análisis de las estrategias de modernización y proyección naval de las potencias, de cómo interactúan en este dominio y, qué tipo de amenazas perciben en este entorno.

En segundo lugar, existen variados ejemplos de grandes potencias luchando por el dominio de los mares como parte de su estrategia de hegemonía global. En este sentido, el Siglo XXI no es la excepción. En términos de la distribución de poder a nivel mundial, atravesamos un proceso de corrimiento de los asuntos globales del Atlántico al Pacífico, profundizado por el ascenso de China como potencia global. Esto, como bien marca el autor, implica la elaboración de distintas estrategias de proyección marítima, buscando controlar sus líneas de comunicación, puertos, recursos naturales así como determinar las amenazas que cada país enfrenta.

Con esto, el objetivo de este libro es analizar las estrategias marítimas de las grandes potencias del Siglo XXI y cómo intervienen en los escenarios estratégicos seleccionados por el autor. Se parte desde un marco geográfico con el Indo-Pacífico, al ser el centro de la competencia entre China y Estados Unidos y, el Océano Atlántico, al ser espacio geográfico de pertenencia del autor. En cuanto a la selección de los actores (China, Estados Unidos, Rusia e India), aunque parezca arbitraria, el autor utiliza dos variables certeras que son su peso económico y su actual y proyectado poder militar. En cuanto al marco teórico, la decisión de optar por el realismo neoclásico es acertada, siendo que incorpora tanto elementos domésticos como la percepción de amenazas para la formulación de la política exterior de las grandes potencias. Además, incorpora el concepto de gran estrategia y de estrategia marítima analizando tanto sus aspectos militares como no militares de los actores seleccionados.

Este libro está dividido en tres secciones en un total de ocho capítulos. La primera sección, *Gran Estrategia y Estrategias Marítimas*, está compuesta por los capítulos 1 y 2. En el Capítulo 1, se aborda la cuestión de un orden internacional en competencia y el rol de los mares desde la teoría de las relaciones internacionales. Se parte desde el fin de la Guerra Fría y el orden establecido por Estados Unidos, dividiendo al periodo en dos momentos. El primero de estabilidad hegemónica, el llamado momento unipolar y, el segundo, de crisis, luego del colapso económico de 2008 y la transición a un mundo más complejo, sin liderazgos claros en donde primas las acciones unilaterales, cambia el balance de poder y se retrotraen las instituciones internacionales. En este marco, el

ascenso de nuevas potencias, sobre todo en el espacio euroasiático, será el determinante de la competencia entre China y Estados Unidos

A nivel teórico, se analiza el orden internacional desde una visión realista y liberal. El autor plantea que, debido al ascenso de nuevas potencias, la estructura del orden norteamericano (unipolar) se fue tornando inestable. La estabilidad hegemónica y su rol de establecer las reglas de ese orden para mantenerlo entra en crisis, con posibilidad de un conflicto hegemónico entre las potencias. Sobre sus unidades intervinientes, debido a la asimetría de poder entre ellas, establece un orden jerárquico entre potencias grandes, medianas y chicas. A medida que el estatus de poder se modifica, cambian los grados de satisfacción respecto del estado hegemón permitiendo el proceso de cambio de la estructura de poder global, hacia una bipolar o multipolar. En la aproximación liberal, los estados comparten reglas e instituciones, se priorizan las ganancias mutuas y se mitigan los dilemas de seguridad. Aun así, es un orden que ha mutado en el tiempo. La principal crítica reside en que el multilateralismo y el rol de las instituciones no sería posible sin el carácter liberal de su hegemon. El autor afirma que, cuando su poder entra en declive, se ponen en entredicho las normas e instituciones de ese orden.

Por último, inserta el concepto de competencia entre las grandes potencias, abandonado debido a la globalización y reinsertado en 2015 en las estrategias de seguridad de Estados Unidos, China, Rusia y la India. El rol que ocupa el mar en esa competencia radica en la importancia del control de los espacios marítimos, sus líneas de comunicaciones, la necesidad de proyectar poder y controlar sus flujos comerciales. Mientras más recursos tiene un país, más debe protegerlos y el mar es un espacio de tránsito de una gran cantidad de recursos.

En el Capítulo 2, se desarrolla el concepto de gran estrategia y como el mar se inserta en ella, según el tipo de amenazas percibida por el estado. El autor separa la Gran Estrategia de lo estrictamente militar y la entiende como la conjunción de medios y fines para la obtención de determinados objetivos de interés nacional. En esta acepción se destacan tres elementos: Su principio ordenador, sus objetivos y dimensiones. El principio ordenador (defensivas, ofensivas, estuquistas, revisionistas, acomodativas), como aquello que guía la acción, según la amenaza. Sus objetivos, vinculados a los fines del estado, su supervivencia y búsqueda de poder. Y las dimensiones, o aquellas herramientas de la gran estrategia, a nivel militar, diplomático, político, económico y cultural.

La estrategia marítima, como parte de la gran estrategia, no puede disociarse de los elementos antes mencionados. Aquí las aspiraciones y las capacidades (Armada de aguas azules, verdes o marrones), son la clave para su formulación. Según su principio ordenador, el autor establece cuatro estrategias marítimas: defensa costera, denegación de mar, control de mar y proyección de poder. En cuanto a sus capacidades, serán de alcance regional, multirregional, global limitado y global.

Por último, desde el Realismo Neoclásico, el autor establece que los comportamientos de los estados y su posición en el sistema internacional estarán determinados por estímulos externos, es decir sistémicos, y condicionantes internos. En conjunto, ambos elementos son la clave para que la formulación de una gran estrategia sea más nacionalista o internacionalista. En cuanto a las amenazas, se definen según su tamaño, aproximación geográfica, capacidades, e intenciones. Estas amenazas agudizan los dilemas de seguridad a escala regional y si involucran a grandes potencias resuenan en varias regiones a la vez. Las potencias del libro comparten amplios consensos a nivel interno, identificación de sus amenazas a nivel regional y global, y una mutación de la dimensión internacionalista a una nacionalista.

La segunda sección del libro, *Grandes potencias navales del Siglo XXI*, está compuesta por los capítulos 3, 4, 5 y 6. Estos capítulos se dividen en una primera parte que desarrolla los fundamentos de la gran estrategia de cada uno de los países y, en una segunda parte, como la misma se proyecta en el ámbito marítimo. El Capítulo 3, de Estados Unidos, desarrolla los fundamentos por los cuales esta se mantiene en la cúspide de la hegemonía global. El autor marca que esta hegemonía tiene una base doméstica e internacional. Lo primero se da por la robustez de sus instituciones en materia de defensa y seguridad y por una serie de valores basados en el excepcionalismo y la ejemplaridad frente al resto del mundo. Lo segundo, está dado por los triunfos en la Segunda Guerra Mundial y la Guerra Fría permitiéndole disponer de una presencia militar globalizada y la construcción de un orden internacional liberal junto a sus aliados.

Aun así, errores propios y retos externos irán socavando y provocando el crecimiento de potencias emergentes que irán transformándose en retos de mayor peso. Es así que la nueva estrategia norteamericana, que empezó con Obama pero profundizada por Trump y Biden pone el foco en China como rival sistémico por sus ambiciones a nivel global, y en Asia Pacifico en particular. El autor bien establece el cambio de prioridades de Estados Unidos, el reposicionamiento de sus capacidades y el establecimiento de una estrategia de contención a través de la construcción de alianzas como el QUAD y el AUKUS.

En el ámbito marítimo, su supremacía naval hoy enfrenta el desafío chino en las aguas del Asia Pacifico. Su estrategia marítima ha sido la de proyectar poder global a través de la superioridad de sus capacidades y su red de bases navales que le permiten mantener una presencia constante en todos los mares. Aun así, hoy el principal escenario es el del indopacifico ya que es el área crucial de expansión de China por su necesidad de controlar esas rutas marítimas. Por último, el principal desafío norteamericano será no perder pisada al proceso de modernización de China, establecer estrategias sectoriales de contención en el Mar del Sur de China y Taiwán y, colaborar con aliados regionales como Japón, India y Australia.

El Capítulo 4, de China, elabora sobre su irrupción en el sistema internacional post guerra fría a través de su acelerado ascenso económico, militar y tecnológico para posicionarse como la gran competidora de los Estados Unidos. A nivel interno, su poder radica en el Partido Comunista Chino y una estructura centrada en la triada partido-estado-fuerza armadas. Por otra parte, en su raíz cultural, su pasado como potencia milenaria y el recuerdo de la humillación colonial se encuentran las bases de sus reformas a nivel económico, tecnológico y militar que le permitirán un crecimiento sostenido por cuatro décadas, recuperar su lugar de gran potencia y transformar su economía al mismo nivel que la de Estados Unidos.

Con el ascenso de Xi Jinping, crecen sus aspiraciones globales y su activismo en la escena internacional con iniciativas como la Ruta de la Seda y el BRICS. El Sueño Chino y la modificación del orden internacional pasan a ser la gran estrategia del gigante asiático. Aun así, China no está exenta de desafíos internos, regionales y globales, además de mantener determinados conflictos territoriales no resueltos con sus vecinos. Por otro lado, hay tanto una búsqueda de mantener una relación simétrica con los Estados Unidos como de asegurar espacios geográficos como en el Mar del Sur de China y Taiwán.

En el plano militar, China posee unas fuerzas armadas con capacidad nuclear, de gran presupuesto y numerosa en efectivos y capacidades que le permiten enfrentar sus amenazas y proteger sus intereses económicos, sobre todo en el ámbito marítimo. A nivel naval, a pesar de una tradición terrestre, su estrategia marítima se ha transformado en el pilar de una gran estrategia acorde a sus dos grandes objetivos que son la

hegemonía del Asia oriental y el dominio de las líneas de comunicación marítima debido a la preeminencia del comercio exterior para el crecimiento y desarrollo de China. Esto implicó una fuerte modernización naval y la transformación de su Armada de aguas verdes y defensa costera a una de aguas azules que pueda proyectar poder y defender los intereses chinos. Esto se complementa con otras estrategias como la Ruta Marítima de la Seda, que implica la construcción de infraestructura marítima sobre toda la costa del Índico que amplían su capacidad de proyección naval. Por último, la competencia con Estados Unidos por el dominio de los mares y el desarrollo de estrategias de denegación y control de los mares frente a potencias regionales como extrarregionales

En el Capítulo 5, de Rusia, el autor resalta la centralidad de Vladimir Putin en la recuperación económica luego de la caída de la Unión Soviética y su lugar como potencia mundial. Al mismo tiempo, se marca a la triada estatus global, primacía en el espacio post soviético y disuasión a la expansión de la OTAN como los pilares de la gran estrategia rusa. Aun así, a partir de 2014, el autor nota un cambio en la estrategia de política exterior a una más asertiva, de intervención tanto en su espacio regional como en Medio Oriente y de desconfianza generalizada hacia occidente, hasta llegar al actual conflicto en Ucrania.

En este sentido el elemento coercitivo se vuelve central para la política exterior rusa. A la vez, el autor desarrolla tanto sobre los debates en torno a la gran estrategia rusa como sobre su concepción policéntrica, centrada en tres bloques (Euroatlántico, Euroasiático y Asia-Pacífico) liderados por Estados Unidos, Rusia y China. En este último punto, se plantea la cada vez mayor aproximación de Rusia hacia el pacífico y su alianza con China.

A nivel militar, la orientación terrestre de su geopolítica por su extensión territorial y la falta de una salida a aguas cálidas ha configurado la percepción de sus amenazas sobre su frontera occidental, debido a las múltiples invasiones sobre su territorio y al actual expansionismo de la OTAN. Esto configuró a unas Fuerzas Armadas dotadas de elementos convencionales, no convencionales, su utilización para estabilizar sus fronteras y a la disuasión estratégica (nuclear) como uno de sus grandes pilares.

En cuanto a su estrategia naval, Rusia la percibe como un elemento clave para su imagen de gran potencia, pero que cumple una función principalmente de defensa costera y disuasión nuclear, haciéndola una Armada Turquesa. Además, el autor resalta los problemas estructurales, de presupuesto e infraestructura que ha enfrentado el país para construir una Armada de proyección de poder, sobre todo luego de la caída de la Unión Soviética. En este sentido, el autor desarrolla sobre las dos etapas de la Armada Rusa, durante la Guerra Fría con el Almirante Gorskov y su ambición de una Flota de Aguas Azules y, más recientemente, una Armada de proyección al Mediterráneo con tres puntos de defensa primario como son el Mar Negro, Báltico y el Ártico.

Por último, el Capítulo 6, de la India, la describe como una potencia emergente, de gran extensión territorial y de significativo peso en el Índico y Asia del Sur pero con determinadas fracturas y divisiones internas debido a su multiculturalidad. Con Narendra Modi como Primer Ministro, el país comenzó la formulación de determinados intereses regionales al mismo tiempo que enfrenta disputas territoriales con Pakistán y China. En cuanto a su gran estrategia, la misma se divide entre quienes sostienen que carece de una visión a largo plazo como aquellos que sostienen que posee una visión global sustentada en el realismo moral y que ha evolucionado del minimalismo de la relación con Pakistán y China al maximalismo con una proyección más allá de sus zonas de influencia. Incluso, a pesar de una lógica defensiva de la política exterior india, hay una

búsqueda de primacía en el Asia del Sur limitando el accionar de estados vecinos y potencias extrarregionales

Por otro lado, la percepción de amenazas esta centrada en sus fronteras inestables, la disuasión nuclear, el terrorismo, su dependencia a la importación de energía y la competencia sistémica entre China y Estados Unidos en el Índico. Esto hace que deba balancear entre ambas potencias a través de sus principales elementos de política exterior, caracterizados por un fuerte activismo a nivel diplomático. A nivel militar, es una de las principales potencias de Asia, por presupuesto y capacidades nucleares, aunque con una estrategia predominantemente defensiva y orientada a contener a Pakistán y China.

Por último, a nivel naval, el Océano Índico es su máxima prioridad frente a potencias regionales como extrarregionales y su estrategia responde al expansionismo e influencia marítima de China y a una mayor interdependencia con la economía global que la lleva a mantener unas rutas marítimas seguras. Además de las amenazas tradicionales, se enfoca en amenazas no tradicionales como la piratería llevándola a la cooperación en seguridad marítima. En cuanto a su instrumento naval, una armada que se mueve de la defensa costera a las aguas azules, a través de la importación de capacidades como portaaviones y submarinos.

La tercera sección del libro, está compuesta por los capítulos 7 y 8. El Capítulo 7, del Indopacífico, parte de un análisis conceptual desde un plano geopolítico y geoeconómico y, entendiendo a la región como la conjunción de dos grandes océanos con alta concentración poblacional, crecimiento económico e importancia geoestratégica. Esto la hace el principal escenario de disputa entre China y los Estados Unidos. Al mismo tiempo el autor describe que este panorama lleva a las potencias regionales a revisar sus estrategias y volcarse al mar, teniendo como consecuencia la competencia y la desconfianza mutua.

Por otra parte, se destacan los aspectos estructurales y las características centrales del Indopacífico. Los aspectos estructurales se dan en la búsqueda de hegemonía de China, el ascenso de India y la contención de Estados Unidos a China. En cuanto a sus características, la inestabilidad y la creciente formulación de alianzas y marcos de cooperación marítima. En cuanto a su inestabilidad, se analiza en tres niveles: global, regional y transnacional. Global, por la competencia entre China y Estados Unidos. Regional, debido a las disputas en el Golfo Pérsico, en la Península de Corea y entre China e India. Transnacional, por la importancia de los puntos de estrangulamiento y la protección de las rutas marítimas. Sobre la formulación de alianzas e iniciativas, como conductor de la fragmentación y la imposibilidad de establecer posiciones comunes a nivel regional. Con esto, se concluye que el Indopacífico es y será el centro de atención de los asuntos globales en las siguientes décadas.

Por último, el capítulo 8, del Atlántico Sur, el autor proyecta tres elementos distintivos: ser una ruta de transporte alternativa, fuente de recursos y enclave geopolítico al ser la zona de proyección de Argentina y Brasil y, de potencias extrarregionales como Gran Bretaña. En este sentido, a pesar de ser un océano estable, el conflicto de Malvinas sigue siendo foco de inestabilidad por la presencia de una potencia colonial sumado al surgimiento de amenazas no tradicionales y la creciente presencia de China y Rusia. A partir de este análisis, se desarrolla la proyección de los intereses de los actores analizados en el libro, entendiendo la lejanía de la región de los principales centros políticos y su mayor estabilidad.

En cuanto a Estados Unidos, el Atlántico Sur ocupa un rol secundario a pesar de mantener una presencia sostenida en el tiempo para mantener la estabilidad estratégica en la zona y negársela a Rusia y China. Sobre China, una proyección hacia América Latina asociada a su crecimiento económico y hacia el Atlántico Sur debido a la

necesidad de proteger sus rutas marítimas más lejanas. Esto ha provocado un mayor peso de China en materia de inversiones en la región, convirtiéndola en una alternativa a los Estados Unidos. En este sentido, la Ruta de la Seda se ha extendido hacia América Latina con la intención de expandir su red de puertos en el exterior.

Sobre Rusia, su estrategia ha sido de proyección selectivas, con vínculos heredados del legado soviético y reforzados por el activismo diplomático de Putin. Rusia se ha mostrado atractiva para la región debido a coincidencias ideológicas y ser un contrapeso para Estados Unidos. En cuanto a su proyección naval, el Caribe ha sido de la preferencia rusa debido a sus relaciones con Venezuela, Cuba y Nicaragua. El Atlántico Sur, por el contrario, su aproximación ha sido más prudente pero acompañando los reclamos de Malvinas y manteniendo intereses en la Antártida. Al mismo tiempo, una presencia más activa en la costa africana, sobre todo en actividades anti-piratería. Por último India, con una proyección muy limitada aunque impulsada por su pertenencia al BRICS, el peso que tiene como actor del Sur Global y su relación con Brasil y Sudáfrica. En este último caso, el Atlántico Sur sirve para competir con China por la influencia en el continente africano.

Por último, el autor esboza una serie de conclusiones alrededor de tres interrogantes que giran en torno a: ¿Porque las potencias navales han ampliado su rango de acción a otras regiones?, ¿Pueden sus estrategias marítimas generar inestabilidad en el Atlántico Sur? y ¿Cómo impacta en la visión marítima de Argentina?. A grandes rasgos, la conclusión es que a pesar de la lejanía y su rol de secundario, la competencia estratégica entre las grandes potencias llegará al Atlántico Sur, por lo tanto, la Argentina necesita de una visión, una estrategia y unas capacidades acordes para poder ejercer su soberanía plena y de modo efectivo

Por último, el libro de Ariel Gonzalez Levaggi es un material imprescindible, necesario y obligatorio no solo para aquellos interesados en el estudio de las relaciones internacionales en general y las estrategias marítimas en particular sino para quienes están a cargo de la formulación y armado de la política exterior y de defensa de nuestros países. Entender las estrategias marítimas de las grandes potencias, sus objetivos e intereses, la dinámica competitiva entre ellas y cómo nos afecta resulta obligatorio para poder encarar un futuro incierto y lleno de desafíos y tener una brújula que nos lleve a aguas pacíficas. Para ello, este libro es un instrumento indispensable para lograr tal objetivo.

Pablo Agustin Mastragostino (Mastragostino.p@gmail.com)

The return of the seas: the great powers in the waters of the Global South

Abstract: The author offers an overview of the content of the work written by A.Gonzalez Levaggi, dedicated to the analysis of the maritime strategies of great powers in the 21st century — from the Indian and Pacific Oceans to the South Atlantic region.

Key words: maritime strategy; geopolitics; global hegemony; Indo-Pacific; South Atlantic; Eurasia; BRICS.

DOI: 10.31857/S0044748X24020091

Received 08.04.2023.

Виталий Романович Доценко

(1938—2024)

Ушел из жизни наш коллега Виталий Романович Доценко. Это была скоропостижная смерть, что сделало боль утраты еще острее. Несколькими днями ранее мы вместе обсуждали планы нашей работы в наступившем году. Всегда спокойный, доброжелательный, отзывчивый и внимательный, он пользовался безграничным уважением и любовью в коллективе.

Виталий Романович Доценко родился 22 сентября 1938 г. в Таганроге Ростовской области. С ранних лет и до последнего дня жизнь Виталия Романовича была связана с музыкой. В 1957 г., окончив музыкальную школу, он поступил в Московскую государственную консерваторию им. П.И.Чайковского, которую успешно окончил в 1962-м по классу фортепиано. Вплоть до 1980 г. проработал в Москонцерте, неоднократно становился лауреатом музыкальных конкурсов. В 1971 г. был командирован Министерством культуры СССР на Кубу в качестве преподавателя по классу фортепьяно Гаванской национальной школы искусств. С 1991 по 1995 гг. был профессором Университета г. Авейру (Португалия). По возвращении продолжил преподавательскую деятельность в престижных музыкальных учебных заведениях России.

Более 15 лет Виталий Романович проработал в Центре культурологических исследований Института Латинской Америки РАН, с которым плодотворно сотрудничал и в предшествующие годы. В 2010 г. в издательстве «Наука» вышла в свет его монография «История музыки Латинской Америки XVI—XX веков», на основе которой в 2014 г. В.Р.Доценко защитил диссертацию, и ему была присвоена степень доктора искусствоведения.

За время работы в нашем институте Виталием Романовичем опубликовано множество статей по иberoамериканской музыкальной культуре в различных коллективных трудах и научных периодических изданиях, включая журнал «Латинская Америка». Доценко стал ведущим отечественным специалистом по данной проблематике, завоевал признание не только в своей стране, но и за рубежом.

Виталий Романович прожил яркую жизнь. Помимо высочайшего профессионализма его отличали невероятная жизненная энергия, неиссякаемый оптимизм, исключительная мудрость, доброжелательность, высокие моральные качества. Мы будем гордиться, что работали вместе.

Светлая память об этом замечательном человеке навсегда сохранится в наших сердцах, а его имя — в истории отечественной науки. Коллектив института выражает самые глубокие и искренние соболезнования его родным и близким.

Уважаемые читатели!

Институт Латинской Америки РАН
планирует в 2024 г. выпустить в свет следующие книги:

- *Давыдов В.М.* Концептуальное позиционирование в русле регионоведения. На выходе из «латиноамериканского гетто»
- Испания в третьем десятилетии XXI века. Отв. ред.
Тайар В.М., Куракина-Дамир А.А.

**По вопросам приобретения через систему «Книга почтой»
обращаться в Институт Латинской Америки
(E-mail: iberoamerica@ilaran.ru, факс 953-40-70);
в Издательство УРСС (тел: (499) 135-44-23, E-mail: urss@urss.ru),
а также в магазины:**

«Библио-Глобус» (м. Лубянка, ул. Мясницкая, 6. Тел. (495) 925-2457); «Московский дом книги» (м. Арбатская, ул. Новый Арбат, 8. Тел. (495) 203-8242); «Аргумент» (м. Университет, 2 гум. корп. МГУ. Тел. (495) 939-2206); Киоск МГИМО, Пр-т Вернадского, 76;
«Фаланстер» (Малый Гнезниковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21);
Киоск РУДН, ул. Миклухо-Маклая, д. 6 (8-964-630-14-34)

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА
ежемесячный научный и общественно-политический
журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ № 0110358 от 02.03.1993 г.)

Адрес редакции журнала «Латинская Америка»: 115035 Москва, ул. Б.Ордынка, 21;
тел. (495) 951-01-67; факс (495) 953-40-70; e-mail: revistala@mtu-net.ru